

ОБЩЕСТВА. ОБМЕН. ЛИЧНОСТЬ*

Э. Дюркгейм и М. Мосс

О НЕКОТОРЫХ ПЕРВОБЫТНЫХ ФОРМАХ КЛАССИФИКАЦИИ

К исследованию коллективных представлений

Современные открытия в психологической науке выявили существование весьма распространенной иллюзии, заставляющей нас принимать за простые, элементарные такие мыслительные операции, которые в действительности очень сложны. Мы знаем теперь, из сколь многих элементов сформировался механизм, благодаря которому мы конструируем, проецируем вовне, локализуем в пространстве наши представления о чувственно воспринимаемом мире. Но это разложение на элементы пока еще очень редко производилось применительно к собственно логическим операциям. Способности к определению, дедукции, индукции обычно рассматриваются как непосредственно данные в структуре индивидуального рассудка. Разумеется, нам давно известно, что в ходе истории люди учились все

лучше и лучше пользоваться этими разнообразными функциями. Но считается, что существенные изменения происходили лишь в способе их использования; в своих же основных чертах они сложились тогда же, когда возникло человечество. Даже не задумывались о том, что они могли сформироваться посредством мучительной, трудной сборки элементов, заимствованных из самых разных источников, которые весьма далеки от логики и тщательно организованы. И в этой концепции не было ничего удивительного, поскольку становление логических способностей относили только к области индивидуальной психологии. В былые времена еще не возникало мысли о том, что методы научного мышления — это подлинные социальные институты, возникновение которых может описать и объяснить только социология.

Предшествующие замечания главным образом относятся к тому, что мы могли бы назвать классификационной функцией. Этот процесс классификации существ, событий, фактов окружающего мира по родам и видам, в подчинении их друг другу, в определении их отношений включенности или исключенности логики и даже психологи обычно воспринимают как процедуру простую, врожденную или, по

крайней мере, осуществляемую только силами индивида. Логики считают, что иерархия понятий задана в вещах и непосредственно выражается бесконечной цепью силлогизмов. Психологи думают, что только игра ассоциации идей, законы сопряженности и подобия между состояниями сознания способны объяснить агглютинацию образов, их организацию в понятия, причем в понятия, классифицированные в отношении друг друга. Правда, в последнее время возникла не столь простая теория первоначального психологического развития. Была высказана гипотеза, согласно которой идеи группировались не только по их взаимному сходству, но также и по их отношениям с движением¹. Тем не менее, как бы хорошо ни было их объяснение, оно по-прежнему представляет классификацию как продукт индивидуальной деятельности.

Существует между тем один факт, который сам по себе достаточно ясно указывает на то, что эта операция имеет другие истоки: дело в том, что наш теперешний способ ее понимания и использования возник относительно недавно. В самом деле, для нас классифицировать вещи — значит распределять их по группам, отличным друг от друга, разделенным четкими

демаркационными линиями. Из того, что современный эволюционизм отрицает существование между этими группами непреодолимой пропасти, не следует, что он их смешивает настолько, что отрицает право выводить их друг из друга. В основе нашего понимания класса лежит идея четкого ограничения. Однако можно, вероятно, сказать, что это понимание классификации возникает не ранее, чем у Аристотеля. Аристотель – первый, кто провозгласил существование и реальность специфических различий, кто доказал, что средство есть причина и что не существует прямого перехода от одного рода к другому. Платону в гораздо меньшей мере было присуще ощущение этого различия и этой иерархической организации, поскольку для него роды были в определенном смысле гомогенны и могли сводиться одни к другим посредством диалектики.

Мало того, что наше теперешнее понятие классификации имеет историю; сама эта история предполагает длительную предысторию. Важно в полной мере оценить состояние неспособности различать, в котором первоначально пребывал человеческий ум. Даже сегодня значительная часть нашей народной литературы, наших мифов

и религий базируется на основательном смешении всех образов, всех идей. Среди них нет таких, которые были бы, так сказать, более или менее четко отделены от других. Превращения, передача качеств, замещения личностей, душ и тел, верования, связанные с материализацией духов, одушевлением материальных объектов, составляют элементы религиозной мысли или фольклора. Следовательно, сама идея подобных превращений не могла бы родиться, если бы вещи были представлены в строго разграниченных и классифицированных понятиях. Христианская догма претворения является следствием этого состояния ума и может служить доказательством его всеобщего характера.

Тем не менее образ мышления в европейских обществах сохраняется в настоящее время только в виде пережитка, и даже в этой форме мы обнаруживаем его лишь в некоторых, четко локализованных функциях коллективного мышления. Но существует бесчисленное множество обществ, где в этиологической сказке заключается вся естественная история, в превращениях — вся теория растительных и животных видов, в прорицательских циклах, магических кругах и квадратах — все научное предвидение. В Китае, на всем Дальнем Востоке,

во всей современной Индии, как и в античных Греции и Риме, понятия, относящиеся к симпатическим действиям, к символическим соответствиям, к астральным влияниям, не только были или остаются широко распространенными, но также еще и исчерпывали или исчерпывают собой коллективную науку. Стало быть, они основаны на вере в возможное превращение самых разнородных вещей друг в друга и, следовательно, предполагают более или менее полное отсутствие определенных понятий.

Если мы обратимся к наименее развитым среди известных нам обществ, к тем, которые немцы обозначают несколько расплывчатым термином *Naturvölker* [естественные народы], то мы обнаружим еще бóльшую мешанину в мыслях². Здесь сам индивид утрачивает свою личность. Между ним и его внешней душой, между ним и его тотемом — полная неразличимость. Его личность и личность его *fellow-animal* [родственного животного] составляют единое целое³. Отождествление настолько велико, что человек приобретает свойства вещи или животного, с которым он таким образом сближается. Например, на острове Мабуяг люди из клана крокодила слынут обладателями крокодильего нрава: они горды,

жестоки, всегда готовы к бою⁴. У некоторых существует часть племени, называемая красной, включающая кланы пумы, бизона, лося — животных, отличающихся необузданными инстинктами; члены этих кланов от рождения — люди войны, тогда как земледельцы, люди, естественно, мирные, принадлежат к кланам, чьи тотемы — преимущественно мирные животные⁵.

Если так происходит с людьми, то тем более так обстоит дело с вещами. Между знаком и объектом, именем и личностью, местностями и жителями не только полностью отсутствует различие, но, согласно очень верному замечанию фон ден Штайнена по поводу бакайри⁶ и бороро, "принцип *generatio aequivoca* [двойственного происхождения] для первобытного человека считается доказанным"⁷. Бороро искренне считает себя лично длиннохвостым попугаем; по крайней мере если он и должен принимать его характерную форму только после смерти, то в этой жизни он по отношению к животному является тем же, что гусеница — по отношению к бабочке. Трумаи всерьез воспринимают себя как водяных животных. "У индейца отсутствует наше определение родов по отношению друг к другу,

так, чтобы один не смешивался с другим"⁸. Животные, люди, неодушевленные объекты первоначально почти всегда воспринимались как поддерживающие между собой отношения самого полного тождества. Отношения между черной коровой и дождем, белой или рыжей лошадью и солнцем являются характерными чертами индоевропейской традиции⁹, и число примеров можно было бы увеличивать до бесконечности.

Впрочем, это состояние мышления не очень ощутимо отличается от того, какое еще теперь в каждом поколении служит отправной точкой индивидуального развития. Сознание в этом случае есть не что иное, как непрерывный поток представлений, погружающихся друг в друга, а когда различия начинают появляться, они очень фрагментарны. Вот это находится справа, а это — слева, это — в прошлом, а это — в настоящем, это похоже на то, это сопровождало то — вот приблизительно все, что мог бы породить даже ум взрослого человека, если бы воспитание не внушало ему способы мышления, которые он никогда бы не мог установить своими собственными силами и которые представляют собой плод всего исторического развития. Мы видим значительную дистанцию, существующую между этими рудиментарными различиями и

группировками и тем, что составляет настоящую классификацию.

Поскольку, стало быть, человек классифицирует не спонтанно и не вследствие некоей естественной необходимости, вначале наиболее необходимые условия для классификационной функции у человечества отсутствуют. Достаточно к тому же проанализировать самую идею классификации, чтобы понять, что человек не мог найти в самом себе ее основные элементы. Класс – это группа вещей, однако вещи сами по себе не представляются наблюдению сгруппированными таким-то образом. Мы вполне можем более или менее туманно воспринимать их сходство. Но одного факта этих подобий недостаточно, чтобы объяснить, как мы приходим к собиранию существ, сходных в таком-то отношении, к их объединению в некую идеальную сферу, замкнутую в определенных границах и называемую нами родом, видом и пр. Ничто не позволяет нам предположить, что наш ум при рождении содержит в себе вполне готовый прототип этой элементарной рамки всякой классификации. Разумеется, слово может помочь нам придать больше единства и устойчивости сформированному таким образом объединению,

но если слово и является средством лучше произвести эту группировку, как только осознана ее возможность, все же оно само по себе не может внушить нам представление о ней. С другой стороны, классифицировать – значит не только составлять группы, но и располагать их в соответствии с весьма особыми отношениями. Мы представляем их себе как соподчиненные или подчиненные по отношению друг к другу, мы говорим, что одни (виды) включены в другие (роды), что вторые подчиняют себе первые. Одни доминируют, другие подчиняются, третьи независимы друг от друга. Всякая классификация предполагает иерархический порядок, модель которого не дают нам ни чувственно воспринимаемый мир, ни наше сознание. Стало быть, уместно спросить себя, куда мы за ней отправились. Сами выражения, которыми мы пользуемся, чтобы ее охарактеризовать, позволяют предположить, что все эти логические понятия имеют внелогическое происхождение. Мы говорим, что виды одного и того же рода поддерживают отношения родства; мы называем некоторые классы семействами; разве само слово "род" не обозначало изначально семейную группу (γένος)? Эти факты заставляют предположить, что схема классификации является не стихийным

продуктом абстрактного рассудка, но результатом работы, включившей в себя всякого рода внешние элементы.

Разумеется, эти предварительные замечания никоим образом не преследуют цель решить проблему или даже наметить ее решение; они лишь показывают, что здесь есть проблема, которая должна быть поставлена. Поскольку нет оснований считать очевидным, что люди классифицируют просто естественным образом, в силу некоей внутренней потребности их индивидуального рассудка, надо, напротив, спросить себя, что смогло привести их к тому, чтобы располагать свои понятия в данной форме, и где смогли они найти замысел столь замечательного расположения. Мы не можем даже мечтать о том, чтобы рассмотреть здесь этот вопрос во всем его объеме. Но после его постановки мы хотели бы собрать некоторое количество сведений, которые, полагаем, в состоянии прояснить его. В самом деле, единственный способ на него ответить – это разыскать самые рудиментарные классификации, какие только создали люди, с тем чтобы увидеть, из каких элементов они построены. Поэтому далее мы опишем некоторые классификации, которые, безусловно, весьма примитивны и

общий смысл которых представляется очевидным.

Этот вопрос еще не ставился в изложенных выше понятиях. Но среди фактов, которые нам придется использовать в ходе этой работы, имеются такие, которые уже отмечались и исследовались некоторыми авторами. Бастиан неоднократно занимался космологическими понятиями в целом и довольно часто делал попытки их систематизации¹⁰. Но он обращался главным образом к космологиям восточных народов и к космологиям средневековья, преимущественно перечисляя факты, которые не стремился объяснять. Что касается более рудиментарных классификаций, то вначале Хауитт¹¹, затем Фрэзер¹² уже дали множество их примеров. Но ни один, ни другой не почувствовали их значение с точки зрения истории логики. Мы увидим, что интерпретация этих фактов Фрэзером даже прямо противоположна той, которую предложим мы.

I

Самые примитивные среди известных нам систем классификации наблюдаются в австралийских племенах.

Известно, какой тип организации наиболее распространен в обществах этого рода. Каждое племя разделено на две большие основные части, которые мы называем фратриями¹³. Каждая фратрия, в свою очередь, включает некоторое количество кланов, т. е. групп индивидов, носителей одного и того же тотема. В принципе тотемы одной фратрии не обнаруживаются в другой. Помимо этого деления на кланы каждая фратрия делится на два класса, которые мы будем называть матримониальными. Мы даем им это название потому, что данная организация имеет целью прежде всего регулирование браков: каждый класс одной фратрии может заключать брак только с определенным классом другой фратрии. Общая организация племени имеет, таким образом, следующую форму.

Фратрия I	Матримониальный класс А	эму, змеи,
	Матримониальный класс В	гусеницы и т. д.
Фратрия II	Матримониальный класс А	Клан кенгуру,
	Матримониальный класс В	опоссума, ворона и т. д. ¹⁴

Классы, обозначенные одной и той же буквой (А, А и В, В), – это те, между которыми существует коннубиум.

Все члены племени оказываются, таким образом, классифицированными в определенных рамках, которые встроены друг в друга. А классификация вещей воспроизводит эту классификацию людей.

Уже Камерон заметил, что у та-та-тис¹⁵ "все объекты Вселенной поделены между различными членами племени". "Одни, – говорит он, – присваивают себе деревья, другие – равнины, третьи – небо, ветер, дождь и тому подобное". К сожалению, в этом свидетельстве недостает точности. Нам не сообщают, с какими группами индивидов связаны разные группы объектов¹⁶. Но у нас есть гораздо более доказательные факты, весьма знаменательные документы.

Каждое племя в районе реки Беллингем разделено на две фратрии, и, согласно Палмеру, это разделение также применяется и к природе. "Вся природа, – говорит он, – делится в соответствии с названиями фратрий¹⁷. Вещи называются мужчинами или женщинами. Солнце, луна и звезды – это мужчины и женщины,

принадлежащие к той или иной фратрии точно так же, как сами чернокожие"¹⁸. Это племя довольно близко к другому племени, проживающему в Порт-Маккей в Квинсленде, у которого находим ту же систему классификации. Согласно ответу, данному Бриджманом на анкеты Карра, Бр. Смита и Лоримера Файсона, это и даже соседние с ним племена включают в себя две фратрии: одна называется *юнгару*, другая – *вутару*. Существуют также и матримониальные классы, но они, вероятно, не влияют на космологические понятия. Напротив, разделение фратрий рассматривается "как универсальный закон природы". "Все объекты, одушевленные и неодушевленные, – говорит Карр, опираясь на Бриджмана, – разделены этими племенами на два класса, называемые *юнгару* и *вутару*"¹⁹. "Они делят вещи между собой, – сообщает тот же наблюдатель (Бр. Смит). – Они говорят, что аллигаторы – это *юнгару*, а кенгуру – *вутару*. Солнце – *юнгару*, луна – *вутару*, и то же самое относится к созвездиям, деревьям, растениям и т. д."²⁰. И Файсон говорит: "Все в природе у них распределяется между обеими фратриями. Ветер принадлежит одной, дождь – другой... Если их спросить о какой-то определенной звезде, то они скажут, к какому подразделению (фратрии) она

принадлежит"²¹.

Такая классификация чрезвычайно проста, поскольку она двоичная. Все вещи распределены по двум категориям, которые соответствуют обеим фратриям. Система становится более сложной, когда имеет место уже не только деление на фратрии, но также деление на четыре матримониальных класса, которое служит рамкой для распределения существ. Так происходит у вакельбура Северного и Центрального Квинсленда. Майрхед, колонист, долго проживший в стране, и проницательный наблюдатель, часто посылал Карру и Хауитту сведения относительно организации этих народов и об их космологии, и эта информация, которую, по всей вероятности, можно распространить на многие племена²², была подтверждена другим наблюдателем, Ч. Лоувом²³. Вакельбура разделены на две фратрии – маллера и вутару; каждая, кроме того, разделена на два матримониальных класса. Классы фратрии маллера носят названия кургила и банхе; классы фратрии вутару называются вунго и обу. А эти две фратрии и два матримониальных класса "делят всю вселенную на группы". "Обе фратрии, – говорят Хауитт, – это маллера или вутару (то же, что вутару); поэтому все объекты относятся к

одной или другой"²⁴. О том же говорит Карр: "Пища, съеденная банби и каргилла, называется муллера, а пища вонгу или обоо (обу) называется вотера (вутару)"²⁵. Но помимо этого мы находим распределение по матримониальным классам. "Некоторым классам разрешается есть только определенные виды пищи. Так, банби позволено употреблять в пищу опоссума, кенгуру, собаку, мед мелких пчел и пр. За вонгу закреплены эму, бандикут, черная утка, черная змея, коричневая змея. Обу питаются ромбическим питоном, медом жалящих пчел и пр. Каргилла едят дикобразов, равнинных индеек и пр. Кроме того, им принадлежат вода, дождь, огонь и гром. Существуют бесчисленные виды пищи, рыбы, дичи, птицы, в распределение которых Майрхед не вникает"²⁶.

Правда, возникает некоторое сомнение в достоверности данных, собранных об этом племени. Согласно Хауитту, можно было бы подумать, что разделение осуществляется по фратриям, а не по матримониальным классам. Действительно, объекты, предназначенные для банби и каргилла, должны быть все маллера²⁷. Но расхождение здесь лишь внешнее, и причем поучительное. На самом деле фратрия есть род, матримониальный класс – вид; таким

образом, название рода соответствует виду, что не означает, будто вид не имеет своего собственного названия. Подобно тому как кошка входит в класс четвероногих и может обозначаться этим названием, объекты вида каргилла восходят к высшему роду маллера (фратрия) и могут, следовательно, сами называться маллера. Это доказывает, что мы имеем дело уже не с простой дихотомией объектов, разделенных на два противоположных рода, но в каждом из этих родов с настоящей иерархией понятий.

Значение этой классификации таково, что она распространяется на все факты жизни; мы обнаруживаем ее след во всех основных обрядах. Так, колдун из фратрии маллера в своем ремесле может использовать только те вещи, которые также относятся к маллера²⁸. Во время погребения помост, на котором выставляется тело (речь по-прежнему идет о человеке из маллера), "должен быть изготовлен из дерева, принадлежащего фратрии маллера"²⁹. То же самое относится к ветвям, покрывающим труп. Если речь идет о человеке из банби, надо использовать дерево с большими листьями, так как оно банби³⁰, и исполнять этот обряд будут люди из той же фратрии. Та же самая структура понятий служит основой для предсказаний;

опираясь на нее как на посылку, толкуют сны³¹, определяют причины, ответственность. Известно, что во всех подобных обществах смерть никогда не рассматривается как естественное событие, вызываемое чисто физическими причинами; почти всегда она приписывается магическому влиянию какого-нибудь колдуна, и определение виновного составляет неотъемлемую часть погребальных обрядов. Так, у вакельбура классификация вещей по фратриям и матримониальным классам служит средством обнаружения класса, к которому принадлежит ответственное лицо, а возможно, и само это лицо³². Под помостом, где покоится тело, и повсюду вокруг воины тщательно разравнивают землю, так, чтобы малейший след на ней был виден. На следующий день внимательно обследуют участок земли под трупом. Если там прошло животное, его следы легко обнаруживаются; из этого аборигены легко делают вывод относительно класса человека, вызвавшего смерть их родственника³³. Например, если обнаружат следы дикой собаки, то будут знать, что убийца – маллера и банби, так как к этой фратрии и к этому классу принадлежит это животное³⁴. Более того, этот логический порядок настолько тверд, принуждающая власть этих

категорий над умом австралийца настолько велика, что в некоторых случаях можно наблюдать, как целая совокупность актов, знаков, вещей располагается в соответствии с этими принципами. Когда должна происходить церемония инициации, локальная группа, которая созывает другие локальные группы, принадлежащие к тому же тотемическому клану, предупреждает их, посылая им "палку-сообщение", которая должна принадлежать той самой фратрии, что отправитель и предъявитель³⁵. Это обязательное соответствие, возможно, покажется ничем не примечательным, учитывая, что почти во всей Австралии приглашение на инициационное собрание осуществляется гонцом, несущим "чертей" (или bull-roarer, turndun, чуринга), которые, очевидно, являются собственностью всего клана и, следовательно, как группы приглашающей, так и групп приглашенных³⁶. Но то же самое правило применяется к посланиям, имеющим целью назначить встречу на охоте, и здесь отправитель, адресат, гонец, дерево, из которого изготовлено послание, указанная дичь, ее цвет – все строго оговаривается в соответствии с принципом, установленным классификацией³⁷. Так, в

примере, приводимом Хауиттом³⁸, палка была послана неким обу. Поэтому она была сделана из гидеи, разновидности акации, принадлежащей фратрии вутару, часть которой составляют обу. Дичью, изображенной на палке, были эму и валлаби, животные той же фратрии. Цвет палки был синий, вероятно, по той же причине. Таким образом, все здесь вытекает одно из другого, словно в теореме: отправитель, адресат, объект и способ послания, способ записи, используемое дерево – все родственны друг другу. Все эти понятия, по представлению первобытного человека, управляют друг другом и предполагают друг друга с логической необходимостью³⁹.

Другая система классификации, более полная и, возможно, более характерная, – это та, в которой объекты распределяются уже не по фратриям и матримониальным классам, а по фратриям и кланам, или тотемам. "Каждый из австралийских тотемов, – говорит Файсон, – имеет свою собственную ценность. Некоторые из них распределяют не только человечество, но и всю Вселенную на то, что можно назвать родовыми категориями"⁴⁰. Для этого существует весьма простое основание. Дело в том, что, хотя тотемизм в определенном отношении представляет собой группировку людей по кланам

в соответствии с природными объектами (объединенными тотемическими видами), он также и наоборот является группировкой природных объектов сообразно социальным группировкам. "Южноавстралийский дикарь, – говорит далее тот же наблюдатель, – рассматривает Вселенную как большое племя, к одному из подразделений которого он принадлежит, а все одушевленные и неодушевленные объекты, принадлежащие его группе, составляют части тела, одна из которых – он сам. Эти объекты в полном смысле слова являются частями его самого, как точно замечает Стюарт"⁴¹.

Наиболее известный пример этих фактов – тот, на который последовательно обращали внимание Файсон, Бр. Смит, Карр, Эндрю Лэнг, Фрэзер⁴². Он относится к племени из Маунт-Гамбира. Сведениями мы обязаны Стюарту, хорошо знакомому с этим племенем. Оно разделено на две фратрии, одна из которых называется кумите, другая – кроки; эти два названия, впрочем, широко распространены на всем юге Австралии, где они употребляются в том же смысле. Каждая из этих фратрий, в свою очередь, разделена на пять тотемических кланов, каждый из которых объединен родством по

материнской линии⁴³. Объекты распределены между этими кланами. Каждый клан не может потреблять никакой из съедобных объектов, которые оказываются таким образом закреплены за ним. "Человек не убивает и не ест ни одно из животных, принадлежащих к той же категории, что и он сам"⁴⁴. Но помимо этих запретных видов животных и даже растений⁴⁵ за каждым классом закреплено бесчисленное множество всякого рода объектов.

"Фратрии кумите и кроке (кроки) разделены каждая на пять подклассов (имеются в виду тотемические кланы), среди которых (sic!) распределены определенные объекты, называемые ими *туман* (что обозначает "плоть") или *винго* (что обозначает "друзья"). Все объекты природы принадлежат тому или иному из этих десяти кланов"⁴⁶. Карр отмечает, но только в качестве примеров⁴⁷, некоторые из объектов, классифицированных таким образом.

Первый из тотемов кумите⁴⁸ — это тотем *мула*⁴⁹, или сокол-рыболов; ему принадлежат, или, как говорят Файсон и Хауитт, в него включены, дым, жимолость, деревья и т. д.⁵⁰.

Второй — это тотем *парангала*, или пеликан, с которым связаны черное дерево, собаки, огонь,

лед и т. д.

Третий – это тотем *ва*, или ворона, которому подчинены дождь, гром, молния, град, облака и т. д.

Четвертый тотем – тотем *вила*, или черный какаду, к которому относятся луна, звезды и т. д.

Наконец, тотему *карато* (неядовитая змея) принадлежат рыба, волокнистое дерево, лосось, тюлень и т. д.

О тотемах фратрии кроки у нас меньше сведений. Мы знаем только три из них. С тотемом *верио* (чайное дерево) связаны утки, валлаби, куры, раки и т. д.; с тотемом *мурна* (вид съедобного корня)⁵¹ – лунь, долвиш (разновидность мелкого кенгуру), перепелки и т. д.; с тотемом *караал* (бесхохолковый белый какаду)⁵² – кенгуру, ложный дуб, лето, солнце, осень (слово женского рода), ветер (того же рода).

Таким образом, здесь перед нами система еще более сложная и обширная, чем предыдущие. Речь уже идет не только о классификации на два основных рода (фратрии), каждый из которых включает два вида (два матримониальных класса). Несомненно, число основных родов здесь то же самое, но число видов каждого рода гораздо большее, так как кланы могут быть очень многочисленны. В то же время в этой более

дифференцированной организации состояние первоначальной мешанины, в котором находился человеческий ум, еще ощущается. Если различные группы увеличились, то внутри каждой простейшей группы царит та же неразличимость. Объекты, приписываемые одной фратрии, четко отделены от объектов, приписываемых другой; те, которые числятся за различными кланами одной и той же фратрии, различаются не меньше. Но все те, которые включены в один и тот же клан, в значительной мере не дифференцированы. Они одной и той же природы; между ними нет резких разграничительных линий, существующих между крайними разновидностями в наших классификациях. Индивиды из клана, особи из тотемического вида и связанных с ними видов — все составляют лишь различные аспекты одной и той же реальности. Социальные деления, распространенные на исходную массу представлений, успешно смогли обозначить в них определенное число разграничительных рамок, но внутреннее наполнение этих рамок осталось в относительно аморфном состоянии, что свидетельствует о том, как медленно и трудно утверждалась функция классификации.

В некоторых случаях, вероятно, можно уловить определенные принципы, согласно

которым складывались эти группировки. Так, в том же племени из Маунт-Гамбира с белым какаду связаны солнце, лето, ветер; с черным какаду – луна, звезды, ночные светила. Вероятно, цвет обозначил как бы черту, вдоль которой, противопоставленные друг другу, расположились эти разнообразные представления. Точно так же ворон естественно, самой своей окраской, ассоциируется с дождями, тучами, зимой, а уж отсюда – с молнией и громом. Туземец, которого Стюарт спросил, к какому подразделению принадлежит бык, после минутного размышления дал следующий ответ: "Он ест траву, поэтому он – *буртверио*, т. е. из клана чайного дерева, в который входят, вероятно, все травы и травоядные"⁵³. Но скорее всего это объяснения, сделанные задним числом. Туземец прибегает к ним для того, чтобы обосновать самому себе свою классификацию и свести ее к общим правилам, которыми он руководствуется. Очень часто, впрочем, подобные вопросы застают его врасплох, и всякий раз, отвечая, он ограничивается ссылкой на традицию. "Причины, благодаря которым рамка установилась, забыты, но рамка сохраняется, и ее более или менее успешно прилагают даже к новым понятиям, таким, как бык, который был завезен совсем

недавно"⁵⁴. Тем более нам не стоит удивляться тому, что многие из этих ассоциаций сбивают нас с толку. Они созданы логикой, не тождественной нашей. Там управляют законы, о которых мы не догадываемся.

Аналогичный пример мы встречаем у племени вотьобалуков, проживающего в Новом Южном Уэльсе, одного из самых развитых среди всех австралийских племен. Этими данными мы обязаны самому Хауитту, компетентность которого известна⁵⁵. Племя делится на две фратрии, крокичи гамуч⁵⁶, которые, по его словам, вероятно, распределили между собой все природные объекты. Согласно выражению туземцев, "вещи принадлежат фратриям". Кроме того, каждая фратрия включает в себя определенное количество кланов. В качестве примеров Хауитт называет во фратрии крокич кланы теплого ветра, бесхохолкового белого какаду, солнечных объектов, а во фратрии гамуч – кланы глухой гадюки, черного какаду, пеликана⁵⁷. Но это только примеры. "Я привел, – говорит он, – три тотема каждой фратрии в качестве примеров, но их больше; восемь у крокич и по крайней мере четыре – у гамуч"⁵⁸. Объекты, отнесенные к каждой фратрии, распределены, стало быть, между

различными кланами, которые она в себя включает. Точно так же как первичное подразделение (или фратрия) разделено на некоторое количество тотемических подразделений, все объекты, приписываемые к фратрии, разделены между этими тотемами. Таким образом, каждый тотем обладает некоторым числом природных объектов, причем не только животными, так как среди них встречаются звезда, огонь, ветер и т. д.⁵⁹. Объекты, классифицированные таким образом внутри каждого тотема, Хауитт называет субтотемами или псевдототемами. Белый какаду, например, насчитывает их пятнадцать, а теплый ветер — пять⁶⁰. Наконец, классификация доводится до такой степени сложности, что иногда этим второстепенным тотемам оказываются подчинены тотемы третьестепенные. Так, класс крокич (фратрия) включает в себя в качестве подразделения пеликана (тотем); пеликан включает в себя другие подразделения (субтотемы, разновидности объектов, классифицированных внутри тотема), среди которых оказывается огонь, а сам огонь включает в себя в качестве подразделения третьего уровня сигналы (подаваемые, вероятно, с помощью огня)⁶¹.

Эта любопытная структура понятий, параллельная структуре общества, если не считать ее запутанности, совершенно сходна с той, которую мы обнаружили у племен Маунт-Гамбира; она сходна также с делением по матримониальным классам, которое мы наблюдали в Квинсленде, и с дихотомическим делением по фратриям, которое мы встречали почти везде⁶². Но вслед за объективным описанием различных разновидностей этой системы, их функционирования в этих обществах было бы интересно выяснить, как воспринимает их австралиец, какое представление существует у него самого об отношениях, которые поддерживают между собой группы объектов, классифицированные таким способом.

Благодаря этому мы смогли бы лучше осознать, что представляют собой логические понятия первобытного человека и как они сформировались. Кстати, относительно вотьобалуков мы располагаем свидетельствами, позволяющими уточнить некоторые стороны этого вопроса.

Как и можно было ожидать, это представление выступает в различных формах.

Прежде всего эти логические отношения воспринимаются в форме отношений более или

менее близкого индивиду родства. Когда классификация осуществляется просто по фратриям, без другого деления, каждый ощущает себя родственником, а также родственным по отношению к существам, приписанным к фратрии, членом которой он является; они все в равной мере его плоть, его друзья, в то время как к существам из другой фратрии он испытывает совсем иные чувства. Но когда на это фундаментальное разделение накладывается деление на классы или на тотемические кланы, эти отношения родства дифференцируются. Так, любой кумите из Маунт-Гамбира чувствует, что все кумитские вещи – его; но из них дороже всего ему те, которые относятся к его тотему. Родство в последнем случае более близкое. "Имя фратрии является общим, – говорит Хауитт относительно вотьобалуков, – тотемическое имя в известном смысле индивидуально, так как оно, конечно, ближе к индивиду, чем имя половины общины (т. е. фратрии), к которой он принадлежит"⁶³. В результате объекты воспринимаются как расположенные в виде ряда концентрических кругов по отношению к индивиду: самые удаленные круги, соответствующие наиболее общим родам, – это те, что включают наименее касающиеся его объекты; они становятся ему

менее безразличны по мере приближения к центру. Кроме того, когда они съедобны, только самые близкие из них для него запретны⁶⁴.

В других случаях эти отношения мыслятся в форме связей между обладателями и обладаемыми. Различие между тотемами и субтотемами состоит, согласно Хауитту, в следующем: "Те и другие называются *миру* (множественное число от *мир*, что значит "тотем"). Но в то время как один из моих информаторов, крокич, *заимствует* свое имя, *нгауи*, у солнца (тотема в собственном смысле), он *обладает* бунгил, одной из неподвижных звезд (являющейся субтотемом)... Подлинный тотем обладает им, но сам он обладает субтотемом"⁶⁵. Подобно этому один из членов клана вартвут (теплый ветер) требовал в качестве "принадлежащего ему особо" одного из пяти субтотемов, *моивука* (ромбического питона)⁶⁶. Если говорить точно, субтотемом обладает не индивид сам по себе; это основному тотему принадлежат те, кто ему подчинен. Индивид здесь только посредник. Именно потому, что он содержит в себе тотем (который имеется также у всех членов клана), он обладает чем-то вроде права собственности на вещи, присвоенные этому тотему. К тому же в

выражениях, которые мы только что привели, ощущается нечто от концепции, которую мы постарались проанализировать первоначально. Ибо вещь, "которая принадлежит индивиду особо", также и ближе к нему и сильнее его затрагивает⁶⁷.

Правда, в некоторых случаях австралиец склонен представлять себе иерархию вещей как раз в обратном порядке: наиболее удаленные рассматриваются им как наиболее важные. Один из туземцев, о котором мы уже говорили, имевший тотемом солнце (нгауи) и субтотемом звезду (бунгил), говорил, что "он является нгауи, а не бунгил"⁶⁸. Другой, о котором мы также упоминали, тотемом которого был вартвут (теплый ветер), а субтотемом – мойвук (ромбический питон), представлял собой, даже по признанию одного из его товарищей, вартвут, "но также отчасти и мойвук"⁶⁹. Только часть его является ромбическим питоном. Именно с этим связано другое выражение, о котором сообщает нам Хауитт. Вотьобалук часто имеет два имени: одно – его тотем, другое – его субтотем. Первое – действительно его имя, другое "идет немного позади"⁷⁰; оно занимает второе место. Дело в том, что вещи, наиболее существенные для индивида, не обязательно ближе всего к нему расположены

и тесно привязаны к его индивидуальной личности. Сущность человека – это человечество. Сущность австралийца – скорее в его тотеме, чем в субтотеме, а точнее, даже в совокупности объектов, характеризующих его фратрию. Стало быть, в этих текстах нет ничего, что противоречило бы предшествующим. Классификация в них воспринимается так же; только составляющие ее отношения рассматриваются здесь с другой точки зрения.

II

После того как мы установили существование данного типа классификации, нам необходимо определить, насколько это возможно, его распространенность.

Факты не позволяют нам утверждать, что он встречается во всей Австралии или что он имеет то же распространение, что и племенная организация по фратриям, матримониальным классам и тотемическим кланам. Мы убеждены в том, что если бы его хорошо искали, то он был бы найден, в таком же или в измененном виде, во многих австралийских обществах, где он оставался до сих пор не замеченным; но мы не можем заранее судить о результатах наблюдений, которые не проводились. Тем не менее факты, которыми мы теперь располагаем, позволяют утверждать, что он, несомненно, широко распространен (или был таковым).

Прежде всего во многих случаях, когда наша форма классификации и не наблюдалась прямо, тем не менее находили (и нам об этом сообщают) вторичные тотемы, на которых, как мы видели, она основана. Это относится, в частности, к островам Торрессова пролива, расположенным по

соседству с Британской Новой Гвинеей. У киваи почти все кланы имеют в качестве тотема (*мирамара*) растительные виды; один из них, клан пальмового дерева (*нипа*), имеет в качестве вторичного тотема краба, который обитает на дереве, носящем то же название⁷¹. На острове Мабуяг (расположенном в западной части Торрессова пролива)⁷² мы находим организацию кланов на две фратрии: фратрию маленького *аугуда* (*аугуд* означает "тотем") и фратрию большого *аугуда*. Одна является фратрией земли, другая – фратрией воды; одна располагается с подветренной стороны, другая – с наветренной; одна находится на востоке, другая – на западе. Фратрия воды имеет тотемами дюгоня и водяное животное, которое Хэддон называет *shovel-nose skate* [лопатоносый скат]; тотемы другой, за исключением крокодила, который является земноводным, представляют собой земные животные: змея и казуар⁷³. Здесь, очевидно, имеются важные следы классификации. Но, кроме того, Хэддон определенно называет "тотемы второстепенные, или вспомогательные": молот-рыба, акула, черепаха, скат-хвосток связаны в этом качестве с фратрией воды; собака – с фратрией земли. С последней связаны, кроме того, два других субтотема; это украшения из

раковин в форме полумесяца⁷⁴. Поскольку считается, что на этих островах тотемизм повсюду находится в совершенном упадке, то тем более правомерно вплоть в этих фактах следы более полной системы классификации. Весьма вероятно, что аналогичная организация встречается и в других местах Торресова пролива и внутренней части Новой Гвинеи. основополагающий принцип, т. е. деление на фратрии и кланы, сгруппированные три по три, был определенно установлен на Сайбае (остров в проливе) к Даудае⁷⁵.

Соблазнительно видеть следы той же самой классификации на островах Меррей, Мер, Вайер и Дауар⁷⁶. Не вдаваясь в детали этой социальной организации в том виде, как нам описал ее Хант, мы считаем необходимым обратить внимание на следующий факт. У этих народов существует определенное количество тотемов. И каждый из них придает индивидам, их носителям, различную власть над различными видами объектов. Так, на людях, имеющих тотемом барабан, лежит обязанность устраивать церемонии, состоящие в подражании собакам и барабанном бое; они снабжают колдунов, ответственных за размножение черепах, обеспечивают урожай бананов, угадывают убийц

по движениям ящерицы; наконец, они налагают табу, связанные со змеями. Можно, стало быть, сказать с достаточной степенью правдоподобия, что к клану барабана в некоторых отношениях относятся помимо самого барабана змея, бананы, собака, черепахи, ящерицы. Все эти объекты, по крайней мере частично, принадлежат одной и той же социальной группе и, следовательно, к одному и тому же классу существ, поскольку оба выражения, в сущности, являются синонимами⁷⁷.

Астрономическая мифология австралийцев несет на себе печать той же самой системы мышления. В самом деле, эта мифология, так сказать, отлита в форму тотемической организации. Почти везде туземцы говорят, что такая-то звезда есть такой-то определенный предок⁷⁸. Более чем вероятно, что относительно этой звезды, как и относительно индивида, с которой она отождествляется, должны были указывать, к какой фратрии, к какому классу она принадлежит. Уже самим этим она оказывалась отнесенной к данной группе; родство, определенное место в обществе были ей отведены. Достоверно установлено, что эти мифологические воззрения наблюдаются в австралийских обществах, где мы обнаружили

классификацию вещей на фратрии и кланы со всеми ее характерными чертами: в племенах Маунт-Гамбира, у вотьобалуков, в племенах севера Виктории. "Солнце, – говорит Хауитт, – это женщина крокич из клана солнца, отправляющаяся каждый день на поиски своего маленького сына, которого она потеряла"⁷⁹. Бунгил (звезда Фомальгаут из созвездия Южной Рыбы), прежде чем вознестись на небо, был могучим белым какаду из фратрии крокич. У него было две жены, которые, естественно, вследствие правила экзогамии принадлежали к противоположной фратрии, гамуч. Они были лебедями (вероятно, два субтотема пеликана). Однако они тоже являются звездами⁸⁰. Воивонунг, соседи вотьобалуков⁸¹, верят, что бунгил (название фратрии) поднялся с вихрем на небо вместе со своими сыновьями⁸², которые все являются тотемическими существами (людьми и животными одновременно); он Фомальгаут, как у вотьобалуков, и каждый из его сыновей – звезда⁸³; двое являются альфой и бетой Южного Креста. Довольно далеко отсюда микулоны Южного Квинсленда⁸⁴ относят облака Южного Креста к тотему эму; пояс Ориона у них принадлежит к клану марбарингал, любая падающая звезда – к клану йинбабора. Когда

одна из этих звезд падает, она ударяется о дерево гидею и становится деревом того же названия. Это указывает на то, что дерево также было связано с тем же кланом. Луна – древний воин, ни имя, ни класс которого не называют. Небо населено предками воображаемых времен.

Те же самые астрономические классификации используются и у арунта, которых мы сейчас должны будем рассмотреть с другой точки зрения. Для них солнце – женщина из матримониального класса панунга, и фратрия панунга-бултхара ведает религиозной церемонией, относящейся к солнцу⁸⁵. Оно оставило на земле потомков, продолжающих перевоплощаться⁸⁶ и образующих особый клан. Но эта последняя деталь мифической традиции, вероятно, сформулировалась поздно, так как в священной церемонии солнца ведущую роль играют индивиды, принадлежащие к тотемическим группам бандикута и большой ящерицы. Дело в том, что солнце когда-то было панунга из клана бандикута, живущего на земле большой ящерицы. Мы знаем, впрочем, что так же обстоит дело с его сестрами. Поэтому они отождествляются с ним. Оно "их маленький ребенок", "их солнце"; в общем, они являются лишь раздвоением его самого – Луна в двух

различных мифах связывается с кланом опоссума. В одном из них она – мужчина из этого клана⁸⁷; в другом она является сама собой, но была похищена у мужчины из этого клана⁸⁸, который определил ее путь. Правда, не говорится, из какой она фратрии. Но клан предполагает фратрию или, по крайней мере, в принципе предполагал ее у арунта. Об утренней звезде нам известно, что она была из класса кумара; она прячется каждый вечер в камне, расположенном на территории "больших ящериц", с которыми она, по всей видимости, находится в тесном родстве⁸⁹. Таким же образом огонь тесно связан с тотемом большого рыжевато-серого кенгуру. Человек из этого клана открыл его в животном, носящем то же название⁹⁰.

Наконец, во многих случаях, когда эти классификации уже не столь очевидны, их можно тем не менее обнаружить, но в форме, отличной от той, которую мы только что описали. Произошли изменения в социальной структуре, вызвавшие изменения в устройстве этих систем, но не настолько, чтобы сделать ее совсем неузнаваемой. К тому же эти изменения отчасти вызваны самими отмеченными классификациями и могли бы способствовать их выявлению.

Последние же отличаются тем, что понятия в

них организованы сообразно модели, которая дана обществом. Но поскольку эта организация коллективного мышления уже существует, она способна реагировать на причину и способствовать ее изменению. Мы видели, как разновидности объектов, разделенные на классы в клане, служат в нем второстепенными тотемами или субтотемами; это означает, что внутри клана та или иная частная группа индивидов под влиянием неизвестных нам причин почувствовала себя более тесно связанной с теми или иными из объектов, приписанных в целом ко всему клану⁹¹. Если теперь клан, став чересчур большим, будет иметь тенденцию к сегментации, то она будет происходить в соответствии с рубежами, обозначенными классификацией. В самом деле, не следует думать, что эти деления обязательно являются результатом революционных и бурных движений. Весьма вероятно, что чаще всего они происходят совершенно логично. Во многих случаях именно так уже сложились и разделились на кланы фратрии. Во многих австралийских обществах они противопоставлены друг другу как две противоположности, как белое и черное, как земля и вода у племен Торресова пролива⁹²; более того, кланы, которые сформировались внутри

каждого из них, поддерживают между собой отношения логического родства. Так, в Австралии редко случается, чтобы клан ворона был не из той же фратрии, что и кланы грома, облаков и воды⁹³. Кроме того, когда сегментация клана становится необходимой, именно индивиды, сгруппированные вокруг одного из относимых к клану объектов, отрываются от остальной части, с тем чтобы сформировать независимый клан, и субтотем становится тотемом. Раз начатое движение может к тому же продолжаться по-прежнему, тем же самым образом. Субклан, освободившийся таким образом, в самом деле уносит с собой в свою понятийную сферу помимо объекта, служащего ему тотемом, и некоторые другие, которые считаются связанными с первым. Эти объекты в новом клане исполняют роль субтотемов и могут при определенных условиях также становиться новыми центрами, вокруг которых позднее произойдут новые сегментации.

Вотьобалуки как раз дают нам возможность постичь этот феномен, так сказать, из жизни, в его отношениях с классификацией⁹⁴. Согласно Хауитту, некоторое количество субтотемов является тотемом в стадии формирования⁹⁵. "Они завоевывают некоторую независимость"⁹⁶. Так,

для некоторых индивидов белый пеликан – тотем, а солнце – субтотем, тогда как другие классифицируют их противоположным образом⁹⁷. Дело в том, что, вероятно, эти два наименования должны были служить субтотемами двух частей древнего клана, старое имя которого "погибло" и который включал в себя среди приписанных к нему объектов и пеликана и солнце. Со временем обе части оторвались от своего общего корня: одна приняла в качестве гласного тотема пеликана, оставив солнце на втором месте, в другой произошло противоположное перемещение. В иных случаях, когда невозможно столь прямо наблюдать способ осуществления этой сегментации, она становится понятной благодаря логическим связям, объединяющим между собой субкланы, вышедшие из одного и того же клана. Мы ясно видим, что они соответствуют различным видам одного и того же рода. Далее мы четко покажем это на примере некоторых американских обществ⁹⁸.

Итак, легко увидеть, какие изменения эта сегментация должна вводить в классификации. Поскольку субкланы, вышедшие из одного и того же исходного клана, сохраняют воспоминание о своем общем происхождении, они чувствуют, что

они родственники, союзники, что они лишь части одного и того же целого; поэтому их тотемы и субъекты, классифицированные по этим тотемам, в какой-то мере остаются подчиненными общему тотему всего клана. Но со временем это ощущение притупляется. Независимость каждой части возрастает, и в конце концов они достигают полной автономии. Связи, объединявшие все эти кланы и субкланы в одну и ту же фратрию, ослабевают еще больше, и все общество в конце концов распадается на маленькие автономные группы, равные между собой, без всякого соподчинения. Естественно, что соответственно изменяется классификация. Виды объектов, закрепленные за каждым из этих подразделений, составляют столько же отдельных родов, расположенных на одном и том же уровне. Всякая иерархия исчезает. Можно, конечно, себе представить, что некоторые следы ее еще остаются внутри каждого из этих малых кланов. Существа, связанные с субтотемом, ставшим теперь тотемом, продолжают быть подчиненными последнему. Но прежде всего они уже не могут быть очень многочисленными, учитывая дробный характер этих малых групп. Кроме того, если только движение будет продолжаться, каждый субтотем в конце концов

будет возвышен до ранга тотема, а каждый вид, каждая подчиненная разновидность станет основным родом. Тогда бывшая классификация уступит место простому делению без всякой внутренней организации, распределению объектов уже поштучно, а не по источникам происхождения. Но в то же время, поскольку она осуществляется между значительным множеством групп, она в итоге включит в себя чуть ли не всю вселенную.

Именно в этом состоянии оказывается общество арунта. У них не существует завершенной классификации, установившейся системы. Но, согласно выражению самих Спенсера и Гиллена, "фактически в местности, занимаемой туземцами, не существует объекта, одушевленного или неодушевленного, который бы не дал свое имя какой-нибудь тотемической группе индивидов"⁹⁹. Мы находим в их работе упоминание пятидесяти четырех видов объектов, служащих тотемами стольким же тотемическим группам; поскольку же эти наблюдатели сами не занимались составлением полного перечня этих тотемов, тот перечень, что мы смогли составить, объединив рассеянные в их книге сведения, несомненно, не является исчерпывающим¹⁰⁰. Таким образом, племя

арунта – одно из тех, в которых процесс сегментации продолжался почти до самого крайнего предела, так как вследствие изменений, произошедших в структуре этого общества, все препятствия, способные его сдерживать, исчезли. Под влиянием причин, изложенных здесь же¹⁰¹, тотемические группы арунта очень рано были вынуждены выйти из естественной рамки своего рода основы, которая первоначально сплачивала их (речь идет о фратрии). Вместо того чтобы оставаться строго локализованной в определенной части племени, каждая из них свободно рассеялась по всему племенному пространству. Ставшие таким образом чуждыми упорядоченной социальной организации, оказавшиеся почти на уровне свободных ассоциаций, они могли множиться, дробиться почти до бесконечности.

Это дробление продолжается даже до сих пор. В действительности существуют объекты, ранг которых в тотемической иерархии не определился, даже по признанию Спенсера и Гиллена: неизвестно, являются ли они основными тотемами или субтотемами¹⁰². Дело в том, стало быть, что эти группы находятся еще в неустойчивом состоянии, подобно кланам вотьобалуков. С другой стороны, между

тотемами, приписанными в настоящее время к независимым кланам, иногда существуют связи, свидетельствующие, что первоначально они должны были относиться к одному и тому же клану. Так обстоит дело с цветком хакеа и дикой кошкой. Знаки, вырезанные на чурингах людей дикой кошки, не изображают ничего другого, кроме деревьев с цветами хакеа¹⁰³. Согласно мифам, в сказочные времена дикие кошки питались цветком хакеа; но известно, что изначальные тотемические группы вообще питались своими тотемами¹⁰⁴. Дело, стало быть, в том, что эти два рода объектов не всегда были чужды друг другу, но стали таковыми лишь тогда, когда единый включавший их клан разделился. Клан сливы, вероятно, также является производным от того же самого сложного клана "цветок хакеа — дикая кошка"¹⁰⁵. Из тотема ящерицы¹⁰⁶ выделились различные виды животных и другие тотемы, в частности тотем карликовой крысы¹⁰⁷. Можно, следовательно, не сомневаться, что первобытная организация подвергалась обширному воздействию процессов разъединения и дробления, которые даже сейчас еще не завершились.

Если, стало быть, мы уже не находим у арунта полной системы классификации, то не потому,

что ее никогда не было; дело в том, что она разлагалась на части по мере того, как дробились кланы. Состояние, в котором она находится, лишь отражает современное состояние тотемической организации в этом же племени – новое доказательство тесной связи, объединяющей между собой эти два ряда фактов. Впрочем, она исчезла, оставив явные следы своего прежнего существования. Мы уже отмечали их пережитки в мифологии арунта. Но еще более явные следы обнаруживаются в том, как существа распределены между кланами. Очень часто к тотему примыкают другие виды объектов, точно так же как в полных классификациях, которые мы рассматривали. Это последний остаток подчиненности. Так, с кланом лягушек особенно тесно сближается камедное дерево¹⁰⁸; с водой связывается водяная курочка¹⁰⁹. Мы уже видели, что существуют весьма близкие отношения между тотемом воды и огнем; с другой стороны, с огнем объединяются ветви эвкалипта, красные листья эремофила¹¹⁰, звук трубы, тепло и любовь¹¹¹. С тотемами крысы джербоа связана борода¹¹², с тотемом мух – болезни глаз¹¹³. Чаще всего случается так, что существо, связываемое таким образом с тотемом, является

птицей¹¹⁴. Медовые муравьи подчинены маленькой черной птичке алатирпа, которая, как и они, водится в кустарниках мультга¹¹⁵, и другой маленькой птичке – альпиртака, близкой тем же обитателям¹¹⁶. Разновидность птиц, называемых типпа-типпа, является союзником ящерицы¹¹⁷. Растение, называемое ирриакура, имеет в качестве дополнения попугая с красной шейкой¹¹⁸. Люди из клана гусеницы *вичетти* не едят некоторых птиц, которых называют своими сотрапезниками (*куатхари*, что Спенсер и Гиллен переводят как *inmates* [здесь – сотрапезники]¹¹⁹). Тотем кенгуру имеет в своем подчинении два вида птиц¹²⁰, и так же обстоит дело с гигантским кенгуру¹²¹. Завершает доказательство того, что эти связи определенно являются остатками древней классификации, тот факт, что существа, присоединяемые таким образом к другим существам, когда-то принадлежали к тому же тотему, что и последние. Птицы картвунгавунга, согласно легенде, были некогда людьми кенгуру и ели кенгуру. Оба вида, связанные с тотемом медового муравья, когда-то были медовыми муравьями. Унчурунки, маленькие птички с красным оперением, первоначально принадлежали к клану гигантского кенгуру. Четыре вида ящериц

сводятся к двум парам, где один является одновременно союзником и измененной формой другого¹²².

Наконец, последним доказательством того, что у арунта мы действительно имеем дело с измененной формой древних классификаций, служит то обстоятельство, что можно обнаружить серию промежуточных состояний, через которые эта организация почти без перехода примыкает к классическому типу Маунт-Гамбира. У северных соседей арунта, чингилли¹²³, живущих на северной территории Южной Австралии (залив Карпентария), мы находим, как и у самих арунта, чрезвычайную рассредоточенность объектов между очень многочисленными, т. е. очень раздробленными, кланами; там выделяют 59 различных тотемов. Так же как и у арунта, тотемические группы перестали классифицироваться по фратриям; каждая из них смешивается с обеими фратриями, разделяющими между собой племя. Но диффузия здесь не является столь же полной. Вместо того чтобы случайно и беспорядочно рассеяться на всем пространстве общества, они распределились в соответствии с четкими принципами, локализовались в определенных, хотя и различных группах фратрии. В самом деле,

каждая фратрия разделена на восемь матримониальных классов¹²⁴; стало быть, каждый класс одной фратрии может заключать брак только с определенным классом другой, которая включает в себя или может включать те же тотемы, что и первая. Будучи объединены, эти два соответствующих друг другу класса содержат, следовательно, определенную группу тотемов и объектов, которые не встречаются в других местах. Например, двум классам Чонгора – Чабалие принадлежат всевозможные голуби, муравьи, осы, москиты, многоножки, местная пчела, трава, кузнечик, разнообразные змеи и т. д.; группе, образованной классами Чован и Човардинг, присвоены некоторые звезды, солнце, облака, дождь, водяная курочка, ибис, гром, крупный сокол и коричневый сокол, черная утка и т. д.; группе Чамбин-Чангалла – ветер, молния, луна, лягушка и т. д.; группе Чагарра-Чуарру – раковины, крыса билби, ворон, дикобраз, кенгуру и т. д. Таким образом, в каком-то смысле объекты еще распределены по определенным ячейкам, но последние уже содержат в себе нечто более искусственное и менее устойчивое, поскольку каждая из них образовалась из двух частей, происходящих от двух различных фратрий.

Вместе с другим племенем той же местности

мы сделаем сейчас еще один шаг на пути к организации и систематизации. У мурравари, живущих на побережье реки Калгоа¹²⁵ дробление кланов продвинулось еще дальше, чем у арунта. Действительно, нам известно здесь 152 вида объектов, служащих тотемами для столь различных кланов. Но это бесчисленное множество объектов постоянно размещается в рамках двух фратрий: Иппай-Кумбо и Куби-Мурри¹²⁶. Стало быть, мы в данном случае совсем близки к классическому типу, если не считать раздробленности кланов. Если общество, вместо того чтобы до такой степени рассеиваться, будет концентрироваться, если разделенные таким образом кланы соединятся в соответствии со своими естественными узами так, что образуют более обширные группы, если вследствие этого количество основных тотемов уменьшится (другие объекты, служащие сейчас тотемами, займут по отношению к ним подчиненное место), то мы вновь в точности обнаружим систему Маунт-Гамбира.

В итоге, если у нас и нет оснований сказать что этот способ классифицировать объекты с необходимостью содержится в тотемизме, то, во всяком случае, несомненно, что он встречается очень часто в обществах, организованных на

тотемической основе. Существует, следовательно, тесная связь, а не случайное отношение между этими социальной и логической системами. Посмотрим теперь, как к этой первобытной форме классификации могут примыкать другие, представляющие более высокую степень сложности.

III

Один из наиболее примечательных примеров дают нам зуны¹²⁷.

Зуны, по словам Пауэлла¹²⁸, "дают пример необычного развития первобытных воззрений, касающихся отношений между объектами". У них понятие общества о самом себе и его представление о мире настолько переплелись и смешались, что их организацию очень точно можно квалифицировать как "мифосоциологическую"¹²⁹. Кэшинг поэтому не преувеличивает, когда, говоря о своих исследованиях этого народа, пишет: "Я убежден, что они имеют важное значение для истории человечества... так как зуны с их столь удивительно локальными обычаями и институтами, с традициями, связанными с этими обычаями, представляют определенную фазу цивилизации". И он счастлив, что контакт с ними "как ничто другое расширило его понимание древнейшего состояния человечества"¹³⁰.

Действительно, у зуны мы обнаруживаем "подлинный вселенский порядок"¹³¹. Все природные существа и явления, "солнце, луна, звезды, небо, земля и море вместе со всеми их

явлениями и элементами, неживые предметы, так же как и растения, животные и люди" классифицированы, снабжены ярлыком, приписаны к определенному месту в единой и связной "системе", все части которой согласованы и подчинены друг другу по "степеням родства"¹³².

Эта система в том виде, как она представляется нам в настоящее время, основана на разделении пространства на семь областей: Север, Юг, Запад, Восток, Зенит, Надир и, наконец, Середина. Все объекты вселенной распределены между этими семью областями. Если говорить только о временах года и элементах, то к Северу приписаны ветер, дыхание или воздух, а в качестве времени года – зима; к Западу – вода, весна, влажные весенние ветры; к Югу – огонь и лето; к Востоку – земля, почвенные семена, морозы, способствующие созреванию семян и завершающие год¹³³. Пеликан, журавль, куропатка, шалфейный рябчик, зеленый дуб и т. д. являются объектами Севера; медведь, койот, весенняя трава – объектами Запада. К Востоку относятся лань, антилопа, индейка и т. д. Не только объекты, но и социальные функции распределены таким же образом. Север – это область силы и разрушения;

ему принадлежат война и уничтожение; Западу принадлежат мир, согласие (мы толкуем так английское слово *warcure*, которое не очень хорошо понимаем) и охота; Югу, области тепла, — земледелие и медицина; Востоку, области солнца, — магия и религия; верхнему и нижнему мирам приписываются разнообразные сочетания этих функций¹³⁴.

За каждой областью закреплен определенный характеризующий ее цвет. Север желтый, потому что, как говорят¹³⁵, на восходе и закате солнца свет там желтый; Запад голубой по причине голубизны света, видимого там на закате солнца¹³⁶. Юг красный, потому что это область лета и огня, обладающего красным цветом. Восток белый, потому что это цвет дня. Верхние области — пестрые, как игра света в облаках; нижние области — черные, как глубины земли. Что касается "Середины", пупа земли, представляющего все области, то она одновременно содержит в себе все цвета.

До сих пор складывается впечатление, что мы сталкиваемся с классификацией, совершенно отличной от тех, которые мы исследовали вначале. Но существование тесной связи между этими двумя системами уже позволяет предсказать, что *это распределение миров* —

совершенно то же самое, что и распределение кланов внутри пуэбло. "Последний также разделен на семь частей, не всегда очевидным образом, однако, туземцы находят все это очень ясным. Эти части соответствуют семи поясам мира – может быть, не с точки зрения топографического размещения, но по порядку перечисления. Так, одно подразделение считается состоящим в связи с Севером; другое представляет Запад, третье – Юг и т. д."¹³⁷. Связь настолько тесная, что каждый из кварталов пуэбло имеет свой отличительный цвет, подобно областям, и цвет этот есть цвет соответствующей области.

Каждое из этих подразделений представляет собой группу из трех кланов, за исключением того, что расположено в центре и состоит только из одного клана; "все эти кланы, – говорит Кэшинг, – являются тотемическими, как и все кланы других индейцев"¹³⁸. Мы приводим их полный перечень, так как придется к нему обращаться для понимания последующих наблюдений¹³⁹.

На Севере – кланы журавля – или пеликана,
куропатки – или шалфейного рябчика,
желтого леса – или зеленого дуба (почти
исчезнувший клан).

На Западе – кланы медведя, койота (собаки прерий), весенней травы.

На Юге – кланы табака, маиса, барсука.

На Востоке – кланы лани, антилопы, индейки.

В Зените – кланы солнца (погасшего), орла, неба.

В Надире – кланы лягушки, или жабы, гремучей змеи, воды.

В Центре – клан попугая макао, составляющий клан точной середины.

Связь между распределением кланов и распределением существ по областям представится еще более очевидной, если вспомнить, что вообще всякий раз, когда мы встречаем различные кланы, сгруппированные вместе и образующие одно целое с определенным духовным единством, можно почти быть уверенным, что они произошли от одного и того же первоначального клана путем дробления. Стало быть, если применить это правило к зуни, то отсюда следует, что в истории этого народа должно было существовать время, когда каждая из шести групп трех кланов составляла единый клан, когда, следовательно, племя было разделено на семь кланов¹⁴⁰, точно соответствовавших семи областям. Эта гипотеза, весьма правдоподобная уже благодаря этому общему соображению, к

тому же определенно подтверждается одним, несомненно, древним устным источником¹⁴¹. Мы находим в нем список шести великих жрецов, которые в важном религиозном братстве "ножа" представляют шесть групп кланов. Итак, жрец, хозяин Севера, назван там *первым в племени медведей*; хозяин Запада – *первым в племени койота*; хозяин Юга – *первым в племени барсука*; хозяин Востока – *первым в племени индейки*; хозяин верха – *первым в племени орла*; хозяин низа – *первым в племени змеи*¹⁴². Если обратиться к перечню кланов, то мы увидим, что шесть животных, к виду которых принадлежат, таким образом, шесть великих жрецов, служат тотемами для шести кланов и что эти шесть кланов помещены в пространстве точно так же, как соответствующие животные, за исключением лишь медведя, который в более поздних классификациях помещен среди существ Запада¹⁴³. Они принадлежат, стало быть (по-прежнему с этой единственной оговоркой), стольким же различным группам. Поэтому каждый из этих кланов наделен настоящим верховенством внутри своей группы; он, очевидно, рассматривается как ее представитель и глава, поскольку именно в нем взят персонаж, которому фактически доверено это

представительство. Это означает, что он является первичным кланом, из которого другие кланы той же группы выделились путем деления. Это — распространенное явление у пуэбло (и даже в других местах), когда первый клан фратрии является в ней также и исходным кланом¹⁴⁴.

Более того, деление объектов по областям и разделение общества по кланам не только точно соответствуют друг другу, но и безнадежно переплетены и смешаны. Можно с равным основанием сказать, что объекты сгруппированы на Севере, на Юге и т. д. или же в кланах Севера, Юга и т. д. Это особенно очевидно в отношении тотемических животных; они явно классифицируются в своих кланах и одновременно в определенной области¹⁴⁵. Так обстоит дело со всеми объектами и даже социальными функциями. Мы видели, как они распределены между местностями¹⁴⁶; однако это распределение реально сводится к разделению между кланами. Эти функции в действительности в настоящее время выполняются религиозными братствами, которые во всем, что касается этих различных обязанностей, заместили кланы. А братства рекрутируются если не исключительно, то, по крайней мере, в основном в кланах, приписанных к тем же областям, что и

соответствующие функции¹⁴⁷. Так, общества ножа, ледяной палки и кактуса, составляющие военные братства, сгруппированы "не абсолютно строго, но в принципе" в кланах Севера; в кланах Запада набирается духовенство, лучники и охотники; в кланах Востока – "жрецы жречества", жрецы тюфяка из хлопка и птицы-чудовища, которые образуют братство большого танцевального действия (магического и религиозного); в кланах Юга, обществах большого огня или горящих углей, функции определенно не указаны, но, несомненно, должны быть связаны с земледелием и врачеванием¹⁴⁸. Одним словом, если выразиться точно, то можно сказать, что существа классифицируются не по кланам и не по местностям, но по кланам, относимым к определенной местности.

Неверно, стало быть, считать, что эту систему и австралийскую разделяет пропасть. Как ни различны в принципе классификация по кланам и классификация по местоположению, у зуны они налагаются одна на другую и точно перекрывают друг друга. Мы можем даже пойти дальше. Многие факты доказывают, что именно классификация по кланам – наиболее древняя, и она явилась как бы моделью, по которой

сформировалась другая классификация.

1. Пространственное деление мира не всегда было таким, каким оно стало с некоторых пор. У него есть история, основные фазы которой можно восстановить. До деления на семь областей, несомненно, существовало деление на шесть, следы которого мы еще находим¹⁴⁹. А до деления на шесть существовало деление на четыре, соответствующее четырем странам света. Именно этим объясняется тот факт, что зуны различали только четыре элемента, расположенные в четырех областях¹⁵⁰.

И по крайней мере весьма примечательно, что этим разновидностям классификации по местоположениям соответствуют другие, строго параллельные, в классификациях по кланам. Часто обсуждается вопрос о делении на шесть кланов, очевидно предшествовавшем делению на семь: именно так получается, что кланов, среди которых отбираются великие жрецы, представляющие племя в братстве ножа, насчитывается шесть. Наконец, самому делению на шесть предшествовало деление на два первичных клана или фратрии, которые охватывали все племя; этот факт далее будет установлен¹⁵¹. Однако деление племени на две фратрии соответствует картине местоположений,

разделенной на четыре части. Одна фратрия занимает Север, другая – Юг, а между ними, для отделения их друг от друга, существует линия, идущая с Востока на Запад. Мы отчетливо увидим у сиу связь, объединяющую данную социальную организацию с этим различием четырех стран света.

2. Классификация по местоположениям более или менее поздно наслоилась на классификацию по кланам, об этом явно свидетельствует тот факт, что ей удалось приспособиться к последней лишь с трудом и с помощью компромисса. Если придерживаться принципа, на котором базируется первая система, то каждый вид существ должен был бы весь целиком быть отнесен к определенной области и только в единственном числе: например, все орлы должны были бы принадлежать верхней области. Однако в действительности зуны знали, что орлы существуют во всех областях. Тогда предположили, что каждый вид имеет предпочтительное место обитания, что там, и только там он существует в своей особой и совершенной форме. Но одновременно с этим предположили, что тот же самый вид в других областях имеет своих представителей, но меньших, менее совершенных и отличающихся

друг от друга тем, что каждый имеет цвет, характерный для области, к которой он приписан; так помимо орла, локализованного в Зените, существуют орлы-фетиши для всех районов: желтый, синий, белый, черный¹⁵². Каждый из них обладает в своей области всеми свойствами, приписываемыми орлу вообще. Можно воспроизвести ход мысли зуны, приведший их к этой сложной системе мировосприятия. Вначале объекты классифицировались по кланам; каждый животный вид был поэтому целиком приписан к определенному клану. Это тотальное отнесение не вызывало никаких затруднений, так как не было никакого противоречия в том, что целый вид воспринимался как поддерживающий родственную связь с той или иной человеческой группой. Но когда классификация по местоположениям установилась, особенно когда она наслои́лась на другую, такое положение стало невозможным: факты слишком явно противоречили исключительно узкой локализации. Поэтому возникла необходимость в том, чтобы вид, оставаясь сосредоточенным главным образом в одном-единственном месте, как в прежней системе, в то же время дифференцировался таким образом, чтобы иметь возможность рассеиваться во вторичных формах,

в разнообразных аспектах и во всех направлениях.

3. Во многих случаях установлено, что объекты классифицируются или классифицировались в определенный момент в прошлом прямо по кланам и только через посредство последних связывались с соответствующими им местоположениями.

Прежде всего, пока каждый из шести первоначальных кланов был еще не разделенным, объекты, ставшие потом тотемами новых сформировавшихся кланов, должны были, очевидно, принадлежать первоначальному клану в качестве субтотемов и быть подчиненными тотему этого клана. Они были его видами.

Та же непосредственная подчиненность еще и сегодня обнаруживается в отношении определенной категории существ, в частности в отношении дичи. Все виды дичи распределены по шести классам, и каждый из этих классов рассматривается как находящийся в зависимости от определенного хищного животного. Животные, которым присвоена эта прерогатива, обитают каждый в своем районе. Это: на Севере – пума, она желтая; на Западе – медведь, он темный; на Юге – барсук, белый и черный¹⁵³; на Востоке – полярный волк; в Зените

– орел; в Надире – крот, черный, как земные глубины. Души этих животных обитают в небольших скоплениях камней, рассматриваемых как их формы, которые при случае приобретают характерную для них окраску¹⁵⁴. Например, от медведя зависят койот, горный баран и др.¹⁵⁵. Учитывая это, если хотят обеспечить себе успешную охоту на койотов или поддержать специфическую способность вида, используют фетиш медведя согласно определенным обрядам¹⁵⁶. И весьма примечательно, что из этих шести животных трое еще служат тотемами для существующих кланов и помещаются в пространстве так же, как сами эти кланы; это медведь, барсук и орел. С другой стороны, пума – это лишь заместитель койота, который некогда был тотемом одного из кланов Севера¹⁵⁷. Когда койот перешел на Запад, он оставил один из родственных ему видов, который заменил его на Севере. Стало быть, существовало время, когда четыре из этих главных животных были тотемическими. Что касается крота и полярного волка, надо заметить, что ни одно из существ, служащих тотемами для кланов соответствующих двух областей (Восток и Надир), не является хищным животным¹⁵⁸. Надо было, следовательно, найти им замены. Таким образом,

различные виды дичи считаются прямо подчиненными тотемами или заместителями тотемов. Только через последних они связываются соответствующими им местностями. Следовательно, дело в том, что классификация объектов по тотемам, т. е. по кланам, предшествовала другой классификации.

Те же мифы обнаруживают это первенство в происхождении еще с одной точки зрения. Шесть хищных животных приставлены не только к дичи, но и к шести областям: за каждым из них одна из шести частей света закреплена, и оно должно ее охранять¹⁵⁹. Именно через его посредничество существа, расположенные в его области, сообщаются с богом, создателем людей. Область и все, что к ней относится, следовательно, воспринимаются как находящиеся в некотором отношении зависимости от тотемных животных. А это никогда не могло бы произойти, если бы классификация по местностям была исходной.

Таким образом, за классификацией по областям, которая на первый взгляд казалась единственной, мы находим другую, целиком тождественную тем классификациям, которые мы уже наблюдали в Австралии. Это тождество даже более полное, чем может показаться на основании

предшествующего изложения. Не только объекты некогда классифицировались по кланам, но сами эти кланы классифицировались по двум фратриям точно так же, как в австралийских обществах. Это с очевидностью следует из мифа, изложенного нам Кэшингом¹⁶⁰. Первый великий жрец и маг, рассказывают зуны, принес только что пришедшим в мир людям две пары яиц: одна была темно-синего цвета, великолепного, как цвет неба; другая была темно-красная, как земля-мать. Он оказал, что в одной паре было лето, а в другой — зима, и предложил людям выбрать. Выбравшие первыми предпочли синие; они радовались, пока у птенцов не было видно перьев. Но когда перья выросли, они стали черными; это были вороны, потомки которых, настоящий бич, улетели на Север. Те, кто выбрал красные яйца, увидели рождение блестящего попугая макао; они получили во владение семена, тепло и мир. "Так, — продолжает миф, — наш народ оказался разделенным между людьми зимы и людьми лета... Одни стали попугаями макао, родственниками попугая макао, или мула-кве, другие стали воронами, или ка-ка-кве"¹⁶¹. Таким образом, общество началось с разделения на две фратрии, расположенные одна на севере, другая на юге; одна из них имела тотемом ворона,

который исчез, другая – попугая макао, который по-прежнему существует¹⁶². Мифология сохранила даже воспоминание о разделении каждой фратрии на кланы¹⁶³. В соответствии со своей сущностью, своими вкусами и установками люди Севера, или вóрона стали, согласно мифу, людьми медведя, людьми койота, лани, журавля и т. д.; то же самое (произошло с людьми Юга и попугая макао. А когда кланы образовались, они разделили между собой различные разновидности объектов: например, лосям стали принадлежать семена града, снега; кланам жабы – семена воды и т. д. Это еще одно доказательство того, что вещи начали классифицироваться по кланам и тотемам.

Итак, из предшествующего изложения можно сделать вывод, что система зуньи¹⁶⁴ в действительности представляет собой развитие и усложнение австралийской системы. Но окончательно доказывает реальность этой связи то, что можно обнаружить промежуточные состояния, связывающие крайние, и таким образом уловить, как вторая система отделилась от первой.

Племя сиу из группы омаха, по описанию Дорси¹⁶⁵ находится как раз в таком промежуточном положении: классификация объектов по кланам здесь и теперь (и особенно в

прошлом) выражена очень ярко, но систематизированное представление об областях еще находится только в стадии формирования.

Племя разделено на две фратрии, каждая из которых состоит из пяти кланов. Эти кланы пополняются исключительно по линии мужского потомства; это значит, что собственно тотемическая организация, культ тотема здесь находится в упадке¹⁶⁶. Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на субкланы, которые иногда сами еще делятся. Дорси не говорит нам, что эти различные группы распределяют между собой все объекты в этом мире. Но если классификация и не является (возможно, никогда и не была) действительно исчерпывающей, то, по крайней мере, в прошлом она должна была быть весьма обширной. Именно это демонстрирует исследование единственного клана, сохранившегося полностью¹⁶⁷; это клан чатада, составляющий часть первой фратрии. Мы оставим в стороне другие кланы, которые, вероятно, деформировались, но, впрочем, могли бы представить нам те же явления, но в менее сложном виде.

Значение слова, обозначающего этот клан, неясно; но у нас есть весьма полный перечень объектов, которые к нему относятся. Он включает

в себя четыре субклана, которые сами разделены на части¹⁶⁸.

Первый субклан – это субклан черного медведя. В него входят черный медведь, енот-полоскун, медведь-гризли, дикобраз, являющиеся, вероятно, тотемами отдельных частей.

Вторым субкланом является субклан "людей, которые не едят мелких птиц". У них в зависимости находятся: 1) соколы; 2) черные птицы, которые, в свою очередь, подразделяются на птиц с белыми головами, с красными головами, желтыми головами и с красными крыльями; 3) черно-серые птицы, или "люди грома", которые делятся, в свою очередь, на луговых жаворонков и рябчиков прерий; 4) совы, которые сами делятся на больших, малых и средних.

Третий субклан – субклан орла; он включает в себя прежде всего три вида орлов, а четвертая часть, вероятно, не относится к определенной категории объектов; она называется "работники".

Наконец, четвертый субклан – это субклан черепахи. Он связан с туманом, который его члены способны задерживать¹⁶⁹. Черепахе как роду подчинены четыре отдельных вида того же животного.

Поскольку есть основания считать, что этот пример не единственный, что многие другие кланы должны были обладать сходными делениями и подразделениями, можно, не впадая в безрассудство, предположить, что система классификации, до сих пор наблюдаемая у омаха, некогда обладала большей сложностью, чем сегодня. Так, наряду с распределением объектов, подобным тому, которое мы установили в Австралии, мы видим появление понятий ориентации, хотя и в рудиментарной форме.

Когда племя располагается на стоянку, селение принимает форму круга, а внутри этого круга каждая частная группа имеет определенное место. Обе фратрии находятся соответственно справа и слева от дороги, которой проследовало племя, при этом место отправления служит ориентиром. Внутри полукруга, занимаемого каждой фратрией, кланы, в свою очередь, четко локализованы по отношению друг к другу, и так же обстоит дело с субкланами. Отводимые им места меньше зависят от их родства, чем от социальных функций и, следовательно, от природы зависимых от них объектов, на которые, как предполагается, будет распространяться их воздействие. Так, в каждой фратрии существует клан, поддерживающий особые связи с громом и

войной, один из них – это клан лося, другой – клан иктасанда. И располагаются они напротив друг друга у входа в селение, который должны охранять, впрочем, скорее ритуально, чем реально¹⁷⁰. Именно по отношению к ним другие кланы также располагаются согласно тому же принципу. Объекты, стало быть, оказываются расположенными внутри селения тем же способом, что и социальные группы, к которым они приписаны. Пространство распределено между кланами и между существами, событиями и т. д., которые относятся к этим кланам. Но мы видим, что распределяется таким образом не мировое пространство, а лишь то пространство, которое занято племенем. Ориентация кланов и объектов осуществляется еще не по странам света, а просто по отношению к центру селения. Деления соответствуют не местностям в собственном смысле, а переднему и заднему, правому и левому, исходя из этой центральной точки¹⁷¹. Более того, эти особые деления закреплены за кланами, а отнюдь не кланы закреплены за ними, как это было у зуныи.

В других племенах сиу понятие пространственной ориентации выражено более четко. Как и омаха, оседжи делятся на две фратрии, расположенные одна справа, другая

слева¹⁷², но в то время как у первых функции обеих фратрий смешивались в некоторых моментах (мы видели, что и в одной, и в другой есть клан войны и грома), здесь они четко различаются. Одной половине племени поручена война, другой – мир. Отсюда с необходимостью следует более точная локализация объектов. У канза мы находим ту же организацию. Кроме того, каждый из кланов и субкланов поддерживает определенную связь с четырьмя странами света¹⁷³. Наконец, у понка¹⁷⁴ мы продвигаемся еще дальше. Как и у предыдущих племен, круг, образованный племенем, разделен на две равные части, соответствующие двум фратриям. С другой стороны, каждая фратрия включает в себя четыре клана, которые в то же время совершенно естественно сводятся к двум двойникам, так как один и тот же характерный элемент присущ двум кланам одновременно. Отсюда вытекает следующее расположение людей и объектов. Круг разделен на четыре части. В первой, слева от входа, находятся два клана огня (или грома); в части, расположенной позади, – два клана ветра; в первой части справа – два клана воды; позади – два клана земли. Каждый из четырех элементов локализован, таким образом, точно в одном из четырех секторов целого круга.

Поэтому достаточно, чтобы ось этого круга совпала с одной из двух осей розы ветров, чтобы кланы и объекты были пространственно сориентированы по отношению к странам света. Известно ведь, что в этих племенах вход в селение, как правило, обращен к западу¹⁷⁵.

Но эта пространственная ориентация (впрочем, отчасти гипотетическая) остается еще косвенной. Вторичные группы племени вместе со всем, что от них зависит, расположены в участках селения, которые более или менее четко ориентированы, но ни в одном из этих случаев не говорится, что такой-то клан поддерживает определенное отношение с такой-то частью пространства вообще. Речь идет еще только о племенном пространстве; в данном случае, стало быть, мы по-прежнему достаточно далеки от зуньи¹⁷⁶. Чтобы приблизиться к ним, нам придется покинуть Америку и вернуться в Австралию. Именно в одном из австралийских племен мы отчасти найдем то, чего не хватает у сиу, – новое и решающее доказательство того, что различия между американской системой и австралийской системой, как мы их до сих пор называли, не связаны исключительно с локальными причинами и имеют между собой немало общего.

Этим племенем является племя вотьобалуков, которое мы уже исследовали. Правда, Хауитт, которому мы обязаны этими сведениями, не говорит нам, что страны света не играют никакой роли в классификации объектов, и у нас нет никаких оснований подвергать сомнению точность его наблюдений в этом вопросе. Но что касается кланов, можно не сомневаться: каждый из них отнесен к определенному пространству, которое действительно является его пространством. И на сей раз речь идет уже не об участке селения, но об ограниченной части горизонта вообще. Каждый клан, таким образом, может быть расположен на розе ветров. Связь между кланом и его пространством даже настолько тесна, что захоронение его членов должно осуществляться в направлении, которое определяется таким образом¹⁷⁷. "Например, вартвут, теплый ветер¹⁷⁸, хоронится так, что голова его направлена немного к северо-западу, т. е. туда, откуда дует теплый ветер в их местности". Людей солнца хоронят по направлению к восходу солнца и так всех подряд¹⁷⁹.

Это деление пространств столь тесно связано с наиболее существенными чертами социальной организации данного племени, что Хауитт сумел усмотреть в нем "механический метод,

используемый вотьобалуками, чтобы сохранять и представлять картину их фратрий, тотемов, их отношений с этими различными группами и между собой"¹⁸⁰.

Рис. 1

Два клана не могут быть родственными, не будучи тем самым отнесены к двум соседним участкам пространства. Именно это демонстрирует помещенная здесь схема¹⁸¹, которую Хауитт построил по указаниям одного туземца, причем весьма умного. Последний, чтобы описать организацию племени, начал с того, что положил палку, точно направленную к востоку, так как *нгауи*, солнце, – главный тотем и именно по отношению к нему определяются все остальные. Иными словами, клан солнца и направление восток – запад, вероятно, задали ли общую ориентацию обеих фратрий – крокич и гамуч; первая расположена над линией восток – запад, другая – под ней. Фактически (на схеме это можно увидеть) фратрия гамуч целиком находится на юге, другая почти целиком – на севере. Только один клан крокич, клан 9, выходит за линию восток – запад, и есть все основания считать, что это отклонение связано либо с

ошибкой в наблюдении, либо с более или менее поздним изменением первоначальной системы¹⁸². Это были бы, таким образом, фратрия Севера и фратрия Юга, совершенно сходные с теми, которые мы установили в других обществах. Линия Север – Юг очень точно определяется в северной части кланом пеликана фратрии крокич, а в южной части – кланом фратрии гамуч, носящим то же название. Таким образом, имеется четыре сектора, в которых локализуются другие кланы. Как и у омаха, порядок, согласно которому они располагаются, выражает отношения родства, существующие между их тотемами. Пространства, разделяющие родственные кланы, носят название первичного клана, частями которого являются другие кланы. Так, кланы 1 и 2, как и промежуточное пространство, называются "принадлежащие солнцу"; кланы 3 и 4, так же как и включенный в них участок, относятся "целиком к белому какаду". Поскольку белый какаду является синонимом солнца, как мы уже показали, можно оказать, что весь сектор, идущий от Востока до Севера, относится к солнцу. Так же и кланы с 4-го по 9-й, т. е. расположенные от Севера до Запада, все являются частями пеликана первой фратрии. Мы видим, насколько упорядоченно объекты

подвергаются пространственной ориентации.

В итоге мы не только имеем основания считать, что там, где оба типа классификации сосуществуют, как у зуны, классификация по кланам и по тотемам самая древняя. Мы смогли также проследить через различные рассмотренные только что общества, каким образом вторая система произошла из первой и добавилась к ней.

В обществах, организация которых имеет тотемический характер, общим правилом является то, что вторичные группы племени, фратрии, кланы, субкланы располагаются в пространстве в соответствии с их родственными отношениями, сходствами и различиями в их социальных функциях. Поскольку обе фратрии имеют различные индивидуальности, поскольку каждая играет различную роль в жизни племени, они противостоят друг другу пространственно; одна поселяется с одной стороны, другая – с другой; одна ориентирована в одном направлении, другая – в противоположном. Внутри каждой фратрии кланы тем ближе или, наоборот, дальше по отношению друг к другу, чем более родственны или чужды в отношении друг друга объекты, находящиеся в их ведении. Существование этого правила было весьма

очевидно в обществах, о которых мы говорили. Действительно, мы видели, как у зуны внутри пуэбло каждый клан ориентирован в направлении области, которая к нему приписана; как у сиу обе фратрии с функциями, различными, насколько это возможно, расположены одна слева, другая справа, одна на Востоке, другая на Западе. Но такие же или подобные факты обнаруживаются во многих других племенах. Это двойное противопоставление фратрий и в отношении функции, и в отношении размещения отмечается также у ирокезов¹⁸³, у виандотов¹⁸⁴, у семинолов, пришедшего в упадок племени во Флориде¹⁸⁵ у тлинкитов, у индейцев лушей или денединджие, самых северных, самых выродившихся, но одновременно и самых первобытных из индейцев¹⁸⁶. В Меланезии взаимное размещение фратрий и кланов определяется не менее строго. Достаточно, впрочем, вспомнить уже приводившийся факт деления этих племен на фратрию воды и фратрию земли, одна из которых располагается с подветренной, другая — с наветренной стороны¹⁸⁷. Во многих меланезийских обществах это двоичное деление даже составляет все, что осталось от древней организации¹⁸⁸. В Австралии многократно отмечали те же самые явления

локализации. Даже тогда, когда члены каждой фратрии рассеяны по многочисленным локальным группам, внутри каждой из них они располагаются напротив друг друга в поселении¹⁸⁹. Но особенно очевидны эти расположения, так же как и вытекающие из них пространственные ориентации, в собраниях племени в целом. Это характерно главным образом для арунта. К тому же мы находим у них понятие особой ориентации, мифического направления, приписываемого каждому клану. Клан воды относится к пространству, которое считается водным¹⁹⁰. В направлении мифического селения, где, как считается, жили сказочные предки, алчеринга, определяют местонахождение умершего. Направление селения мифических предков матери учитывается во время некоторых религиозных церемоний (протыкание носа, вышибание верхнего резца)¹⁹¹. У кулин и во всей группе племен, обитающих на побережье Нового Южного Уэльса, кланы в племенных собраниях размещаются в соответствии с участком горизонта, откуда они приходят¹⁹².

Установив это, легко понять, как утвердилась классификация по местностям. Вначале объекты классифицировались по кланам и тотемам. Но

узкая локализация кланов, о которой мы только что говорили, неизбежно породила соответствующую локализацию объектов, приписанных к кланам. С того момента, как, например, люди волка относятся к какому-то участку селения, то же самое с необходимостью происходит со всякого рода вещами, относимыми к тому же тотему. Затем, когда селение окончательно определяет свою пространственную ориентацию, и ориентация всех его частей одновременно определяется вместе со всем их содержимым, вещами и людьми. Иначе говоря, все объекты природы отныне будут восприниматься как поддерживающие определенные связи со столь же определенными частями пространства. Несомненно, только племенное пространство делится и распределяется таким образом. Но подобно тому, как племя составляет для первобытного человека все человечество, подобно тому, как предок-основатель племени является отцом и создателем людей, понятие селения отождествляется с понятием мироздания¹⁹³. Селение – центр вселенной, и вся вселенная в уменьшенном виде находится в нем. Мировое пространство и племенное пространство различаются поэтому весьма несовершенно, и ум

переходит от одного к другому беспрепятственно, почти неосознанно. И таким образом объекты вообще оказываются отнесенными к тем или иным местностям. Тем не менее, пока оставалась в силе организация по фратриям и кланам, классификация по кланам господствовала; объекты связывались с областями посредством тотемов. Мы видели, что так было еще у зуны, по крайней мере, с некоторыми существами. Но стоит этим на редкость иерархизированным тотемическим группировкам исчезнуть и смениться локальными группировками, просто находящимися рядом друг с другом, как вместе с тем классификация по местностям станет отныне единственно возможной¹⁹⁴.

Итак, оба только что изученные нами типа классификации выражают в различных аспектах сами общества, внутри которых они развились; первая моделировалась в соответствии с юридической и религиозной организацией племени, вторая — в соответствии с его морфологической организацией. Когда речь заходила об установлении родственных связей между вещами, о формировании все более и более обширных семейств существ и явлений, опирались на понятия, которые поставляли семья, клан, фратрия, исходили из тотемических мифов.

Когда возникла проблема установления связей между пространствами, именно пространственные отношения, которые люди поддерживают внутри общества, послужили ориентиром. Здесь понятийная рамка была обеспечена самим кланом, там – материальной меткой, которую клан сделал на поверхности земли. Но и та и другая рамки – социального происхождения.

IV

Нам остается теперь описать, по крайней мере, в основных чертах последний тип классификации, который обладает всеми основными признаками предшествующих, кроме того, что он независим от всякой социальной организации с тех пор, как известен. Лучший пример такого рода, наиболее примечательный и поучительный, дает нам астрономическая, астрологическая, геомантическая и гороскопическая система прорицания китайцев. Эта система имеет за собой историю, восходящую к самым отдаленным временам, ибо она, несомненно, существовала раньше первых подлинных и датированных источников, которые Китай сохранил для нас¹⁹⁵. Уже в первые века нашей эры она достигла полного развития. В то же время, хотя мы и будем изучать ее преимущественно на китайских материалах, это не значит, что она характерна только для этой страны; ее обнаруживают по всему Дальнему Востоку¹⁹⁶. Сиамцы, камбоджийцы, тибетцы, монголы также знают и используют ее. Для всех этих народов она выражает "дао", т. е. природу. Она находится в основе всей философии и всего

культы, которые упрощенно называют даосизмом¹⁹⁷. В целом она управляет всеми деталями жизни в самой большой группе населения, какую когда-либо знало человечество.

Сама громоздкость этой системы вынуждает нас коснуться только основных ее черт. Мы ограничимся ее описанием лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы показать, насколько она согласуется в своих общих принципах с теми системами, которые мы описали до сих пор.

Сама она создана соединением систем.

Один из самых существенных принципов, на которых основана эта система, – деление пространства в соответствии с четырьмя странами света. Какое-либо животное ведает каждой из этих четырех областей и дает ей свое имя. Собственно говоря, животное сливается со своей областью: синий дракон – это Восток, красная птица – Юг, белый тигр – Запад, черная черепаха – Север. Каждая область имеет цвет своего животного, и в зависимости от разнообразных условий, которые мы не имеем возможности здесь описать, она является благоприятной или неблагоприятной. Символические существа, ведающие, таким образом, пространством, впрочем, так же управляют землей, как и небом. Так, холм или

географическая конфигурация, напоминающая тигра, относятся к тигру и Западу; если они напоминают дракона, они относятся к дракону и Востоку. В связи с этим место будет считаться благоприятным, если окружающие его объекты имеют вид, соответствующий их пространственной ориентации: например, если находящиеся на Западе относятся к тигру, а находящиеся на Востоке – к дракону¹⁹⁸.

Но пространство, заключенное между каждыми двумя странами света, само разделено на две части: отсюда общее число из восьми подразделений¹⁹⁹, которые соответствуют восьми ветрам. Эти восемь ветров, в свою очередь, находятся в тесной связи с восемью силами, представленными восемью триграммами, которые занимают центр прорицательского компаса. Этими восемью силами являются вначале обе противостоящие друг другу субстанции земли и воды, расположенные по краям (1-я и 8-я); между ними расположены шесть других сил, а именно: 1) испарения, облака, эманации и т. д.; 2) огонь, тепло, солнце, свет, молния; 3) гром; 4) ветер и лес; 5) родники, реки, озера и море; 6) горы.

Таковы некоторые изначальные элементы, классифицированные по различным точкам розы

ветров. Затем к каждой из них приписывается целый набор объектов. *Кхиен*, небо, чистый принцип света, мужского начала и т. д., расположено на Юге²⁰⁰. Оно "обозначает" неподвижность и силу, голову, небесную сферу, отца, князя, округлость, нефрит, металл, стекло, красное, хорошую лошадь, старую лошадь, большую лошадь, кривую саблю, плоды с деревьев и т. д. Иными словами, небо означает одновременно эти различные виды объектов, как у нас род одновременно означает виды, которые он в себе заключает. *Кичун*, женское начало, начало земли, темноты, находится на Севере; к нему относятся покорность, скот, живот, земля-мать, одежда, котлы, множество, черный цвет, большие повозки и т. д. "Солнце" означает проникновение; в его подчинении находятся ветер, лес, длина, высота, домашняя птица, бедра, старшая дочь, движения вперед и назад, любая прибыль, начиная с 3%, и т. д. Мы ограничиваемся лишь этими несколькими примерами. Перечень видов существ, событий, свойств, субстанций, происшествий под рубрикой восьми сил поистине бесконечен. На манер гносиса или каббалы он объемлет собой весь мир. На эту тему классики и их подражатели с неистощимым воодушевлением предаются

бесконечным спекуляциям.

Наряду с делением на восемь сил здесь обнаруживается еще одна классификация, по которой вещи распределяются на пять элементов: землю, воду, дерево, металл, огонь. Впрочем, можно заметить, что первая сводима ко второй; на самом деле, если удалить из нее горы, если, с другой стороны, совместить испарения с водой, а гром – с огнем, то оба деления совпадут в точности.

Как бы ни решался вопрос о том, происходит ли одна из этих двух классификаций из другой, или они наслоились друг на друга, элементы играют ту же роль, что и силы. К ним относятся, в соответствии с составляющими их субстанциями или с их формами, не только все объекты, но и исторические события, земные катастрофы и т. д.²⁰¹. Сами планеты к ним приписываются: Венера – это звезда металла, Марс – звезда огня и т. д. С другой стороны, эта классификация связана с системой в целом тем, что каждый из элементов локализован в одном из основных подразделений. Достаточно было поместить землю в центре мира (что, впрочем, и было сделано), чтобы иметь возможность распределить ее между четырьмя областями пространства. Поэтому они, так же как и области,

бывают добрыми или злыми, сильными или слабыми, порождающими или порожденными.

Мы не будем следовать за традиционным китайским мышлением, за бесчисленным множеством его изгибов. Чтобы суметь приспособить к фактам принципы, на которых основана эта система, оно неустанно умножало, усложняло и дробило деления пространств и объектов. Оно не боялось даже самых явных противоречий. Например, можно было считать, что земля расположена поочередно на севере, северо-востоке и в центре. Дело в том, что в действительности эта классификация имела целью главным образом управление поведением людей и достигала этой цели, избегая опровержений опыта благодаря самой этой сложности.

Нам остается, однако, объяснить последнюю сложность китайской системы: как взаимодействуют в ней пространства, вещи и события. Четирем областям соответствуют четыре времени года. Кроме того, каждая из этих областей подразделяется на шесть частей, и эти двадцать четыре подразделения, естественно, дают двадцать четыре сезона китайского года²⁰². В этом совпадении нет ничего для нас удивительного. Во всех системах мышления, о

которых мы сейчас говорим, учет времени идет параллельно учету пространств²⁰³. Как только осуществляется пространственная ориентация, времена года обязательно соотносятся со странами света: зима – с севером, лето – с югом и т. д. Но различение сезонов – это лишь первый шаг в исчислении времени. Чтобы быть полным, последнее, кроме того, должно включать деление на циклы, годы, дни, часы, что позволяет измерять все временные протяженности, как большие, так и малые. Китайцы добились этого результата следующим способом. Они создали два цикла: один – из двенадцати делений, другой – из десяти; каждое из этих делений имеет свое название и свою собственную характерную черту; таким образом, каждый момент времени представлен двуединством характерных черт, взятых из двух различных циклов²⁰⁴. Эти два цикла используются совместно как для годов, так и для дней, месяцев и часов; таким образом достигается довольно точное измерение. Их комбинация образует в результате шестидесятеричный цикл²⁰⁵, поскольку после пяти смен двенадцатеричного цикла и шести смен десятиеричного цикла то же двуединство характерных черт вновь точно определяет одно и то же время. Так же как сезоны, эти два цикла со

своими подразделениями связаны с розой ветров²⁰⁶ и, через посредство четырех стран света, с пятью элементами. Именно таким путем китайцы пришли к необычному с точки зрения наших теперешних идей представлению о времени неоднородном, символизируемом элементами, странами света, цветом, всякого рода подчиненными им объектами, в разных частях которого господствуют самые разнообразные влияния²⁰⁷.

Но это еще не все. Двенадцать лет шестидесятилетнего цикла соотносятся, кроме того, с двенадцатью животными, которые выстраиваются в следующей последовательности: крыса, корова, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, курица, собака и свинья²⁰⁸. Эти двенадцать животных распределены по три между четырьмя странами света, и тем самым данное деление времен²⁰⁹ также связано с общей системой. Так, согласно текстам, датированным началом нашей эры, "году *цзе* соответствует крыса, и он принадлежит Северу и воде; год *ва* принадлежит огню, т. е. Югу, а его животное — лошадь" и т. д. Будучи подчинены элементам²¹⁰, годы подчиняются также областям, которые сами представлены животными. Очевидно, что перед нами множество

перекрещивающихся классификаций, которые, несмотря на свои противоречия, улавливают реальность настолько точно, чтобы иметь возможность с достаточной пользой направлять деятельность²¹¹.

Эта классификация пространств, времен, объектов, животных видов господствует над всей жизнью китайцев. Она составляет основу знаменитого учения фэн шуй и через него определяет ориентацию зданий, закладку городов и домов, устройство могил и кладбищ; если такие-то работы производят здесь, а другие – там, если за определенные дела принимаются в то или иное время, то именно по соображениям, основанным на этой традиционной систематизации. И эти соображения основываются не только на геомантии, но и на вычислениях, относящихся к часам, дням, месяцам, годам: такое-то направление, будучи благоприятным в данный момент, становится неблагоприятным в другой. Силы бывают совместно действующими или расходящимися в зависимости от времени. Таким образом, не только во времени, как и в пространстве, все гетерогенно, но гетерогенные части, из которых созданы эти две среды, соответствуют друг другу, противостоят друг другу и располагаются в одной

системе. И все эти элементы в бесчисленном количестве комбинируются, чтобы определить род и вид природных объектов, направление находящихся в движении сил, действия, которые следует совершать, создавая в результате впечатление философии, одновременно изощренной и наивной, примитивной и утонченной. Перед нами весьма типичный случай, когда коллективное мышление продуманно и искусно разрабатывало явно первобытные темы.

В самом деле, если у нас и нет средства проследить историческую связь китайской системы с типами классификации, которые мы изучили ранее, то в то же время невозможно не заметить, что она базируется на тех же принципах, что и последние. Классификация объектов по восьми вождям, восьми силам, обуславливает подлинное разделение мира на восемь семейств, близкое австралийским классификациям, если не считать отсутствия здесь понятия клана. С другой стороны, как и у зуны, в основе системы мы обнаружили весьма сходное деление пространства на основные области. К этим областям относятся также элементы, ветры и времена года. Так же как и у зуны, каждая область имеет свой собственный

цвет и находится под преобладающим влиянием определенного животного, которое одновременно символизирует элементы, силы и моменты времени. У нас нет, правда, никакого средства убедительно доказать, что эти животные когда-то были тотемами. Несмотря на некоторое значение, которое кланы еще сохранили в Китае, и отличительную особенность, сближающую их с собственно тотемическими кланами, а именно экзогамию²¹², они тем не менее вряд ли носили когда-то обычные названия для обозначения области или часов. Интересно, во всяком случае, что в Сиаме, согласно одному современному автору²¹³, существует запрет на браки между людьми одного и того же года и одного и того же животного, даже тогда, когда этот год принадлежит двум различным двенадцатилетиям. Это означает, что связь индивидов с животным, к которому они относятся, действует на супружеские отношения точно так же, как в других обществах действует связь индивидов со своими тотемами. С другой стороны, мы знаем, что в Китае гороскоп, учет восьми характеров, играет важную роль в советах прорицателей, предшествующих любой матримониальной встрече²¹⁴. Правда, ни один из авторов, к которым мы обращались, не указывает на

правовой запрет брака между индивидами одного и того же года или двух лет того же названия. Однако такой брак, вероятно, связывался с весьма дурными предзнаменованиями. Во всяком случае, если в Китае мы и не сталкиваемся с подобной экзогамией между людьми, родившимися под знаком одного и того же животного, то между ними все же существует квазисемейное отношение. В самом деле, Дулиттл сообщает нам, что принадлежность каждого индивида определенному животному²¹⁵ широко известна и все, кто связан с одним и тем же животным, не могут присутствовать на похоронах друг друга²¹⁶.

Китай, впрочем, не единственная цивилизованная страна, где мы находим какие-то следы классификации, напоминающие те классификации, которые мы наблюдали в низших обществах.

Прежде всего мы видели только то, что китайская классификация является главным образом инструментом прорицательской деятельности. Однако методы прорицания в Греции обнаруживают примечательное сходство с методами китайцев, означающее, по сути, те же способы классификации основных понятий²¹⁷. Приписывание элементов, металлов

планетам – в такой же мере греческое, возможно халдейское, явление, что и китайское. Марс – это огонь, Сатурн – вода и т. д.²¹⁸. Отношение между определенным родом событиями и определенными планетами, увязывание пространств и времен, установление своеобразного соответствия между такой-то областью и таким-то моментом года, началом таких-то действий также встречаются в этих различных обществах²¹⁹. Совпадение еще более любопытное позволяет увидеть близость астрологии и физиогномики китайцев, греков и, возможно, египтян. Греческая теория зодиакальной и планетарной мелотезии, имеющая, как считается, египетское происхождение²²⁰, устанавливает строгие соответствия между определенными частями тела, с одной стороны, и определенными положениями звезд, определенными пространственными ориентациями, событиями – с другой. Однако в Китае также существует знаменитое учение, основанное на том же принципе. Каждый элемент связывается с одной из стран света, одним из созвездий, с определенным цветом, и эти разные группы объектов считаются, в свою очередь, соответствующими разным видам органов – обиталищам разных душ, страстям и различным частям, соединении которых образует

"естественный характер". Так, *ян*, мужской принцип света и неба, имеет в качестве внутреннего органа печень, в качестве *mansion* [обиталища] – мочевого пузыря, в качестве отверстия – уши и сфинктеры²²¹. И эта теория, всеобщий характер которой очевиден, не только любопытна; она включает в себе определенный способ восприятия объектов. Мир здесь в действительности приписан к индивиду, а существа в некотором роде выражают функции живого организма. Это теория микрокосма в собственном смысле.

Впрочем, нет ничего более естественного, чем таким образом устанавливаемая связь между прорицанием и классификацией объектов. Любой прорицательский обряд, каким бы простым он ни был, базируется на представлении о предсуществующем влечении между определенными существами, на традиционно предполагаемом родстве между таким-то знаком и таким-то будущим событием. Кроме того, прорицательский обряд обычно не бывает изолированным; он составляет часть организованного целого. Наука прорицателей, стало быть, не устанавливает изолированные группы объектов, а связывает эти группы между собой. Таким образом, в основе системы

прорицания существует система классификации, по крайней мере неявная.

Но главным образом методы классифицирования, совершенно аналогичные методам австралийцев или индейцев Северной Америки, проявляются через мифологии, причем в почти обнаженном виде. Каждая мифология, в сущности, есть классификация, но такая, которая черпает свои принципы в религиозных верованиях, а не в научных понятиях.

Природа разделена между хорошо организованными пантеонами, точно так же как в других местах Вселенная разделена между кланами. В Индии, например, объекты, та же как и боги, распределены между тремя мирами неба, атмосферы и земли, подобно тому как китайцы классифицируют все существа согласно двум основным началам: *ян* и *инь*. Приписывать те или иные природные объекты какому-нибудь богу — значит группировать их в одну и ту же родовую рубрику, помещать их в один и тот же класс, а предполагаемые генеалогии, идентификации божеств заключают в себе отношения соподчинения или подчинения между классами объектов, которые представляют эти божества. Когда о Зевсе, отце людей и богов, говорится, что он породил Афину, воительницу, богиню

мудрости, хозяйку совы и т. д., то это, собственно, две группы образов, которые оказываются связанными и классифицированными по отношению друг к другу. Каждый бог имеет своих двойников, являющихся иными формами его самого и выполняющих в то же время другие функции. Благодаря этому разные силы и объекты, испытывающие воздействие этих сил, оказываются связанными с центральным или преобладающим понятием, как вид с родом или вторичная разновидность с основным видом. Именно так с Посейдоном²²², богом водоемов, связаны другие, более незаметные фигуры: аграрные боги (Афарей, Алоэй, пахарь, молотильщик), боги лошадей (Актор, Элат, Гиппокоонт и т. д.), бог растительности (Футальмиос).

Эти классификации составляют даже столь существенные элементы развитых мифологий, что они сыграли важную роль в эволюции религиозного мышления; они облегчили сведение к единству множества богов и благодаря этому подготовили монотеизм. "Генотеизм"²²³, характеризующий брахманическую мифологию, по крайней мере, с того момента, как она достигла определенного развития, в действительности состоит в тенденции ко все

большему сведению богов друг к другу, так что каждый в конце концов овладевает атрибутами всех других и даже их именами. Неустойчивая классификация, в которой род легко становится видом и наоборот, но которая обнаруживает нарастающую тенденцию к единству, — вот что такое с определенной точки зрения пантеизм добуддийской Индии; и так же обстоит дело с классическим шиваизмом и вишнуизмом²²⁴. Узенер также показал²²⁵, что прогрессирующая систематизация греческих и римских политеизмов явилась существенным условием для утверждения западного политеизма. Мелкие, локальные, специализированные боги мало-помалу подчиняются главнейшим вождям, великим богам природы, и постепенно в них растворяются. В течение какого-то времени представление об особенностях первых богов сохраняется; имя старого бога сосуществует с именем бога великого, но только в качестве атрибута последнего; за ем его существование становится все более и более призрачным вплоть до того дня, когда великие боги остаются одни если не в культе, то, по крайней мере, в мифологии. Можно было бы сказать, что мифологические классификации, когда они полны и систематичны, когда они охватывают

Вселенную, знаменуют конец мифологий в собственном смысле; Пан, Брахман, Праджапати, высшие роды, абсолютные и чистые существа представляют собой мифические фигуры, почти столь же бедные образами, как и трансцендентный бог христиан.

И, вероятно, благодаря этому мы незаметно приблизились к абстрактным и относительно рациональным типам, находящимся на вершине первых философских классификаций. Уже не вызывает сомнений, что китайская философия в ее собственно даосском варианте базируется в основном на описанной нами системе классификации. Не вдаваясь в обсуждение исторического происхождения греческих учений, нельзя в то же время удержаться от мысли, что оба принципа гераклитовского ионизма, война и мир, принципы Эмпедокла, любовь и ненависть, делят между собой объекты так, как это делают *инь* и *ян* в китайской классификации. Связи, устанавливаемые пифагорейцами между числами, элементами, полами и некоторыми другими объектами, напоминают соответствия религиозно-магического происхождения, о которых мы имели случай говорить. Впрочем, даже во времена Платона мир еще воспринимался как обширная система классифицированных и

иерархизированных влечений²²⁶.

V

Итак, первобытные классификации не отличаются особым своеобразием, не позволяющим уподобить их тем классификациям, которые используются у самых культурных народов. Напротив, они, на наш взгляд, непосредственно примыкают к первым научным классификациям. В самом деле, как бы глубоко они ни отличались от последних в некоторых отношениях, они тем не менее обладают всеми их основными характерными чертами. Прежде всего, точно так же как и классификации ученых, они представляют собой системы иерархизированных понятий. Объекты в них не просто расположены изолированными друг от друга группами; эти группы поддерживают между собой определенные отношения, а их совокупность образует единое целое. Кроме того, эти системы, так же как и системы науки, имеют сугубо умозрительную цель. Их цель – не облегчить деятельность, но сделать понятными, вразумительными отношения между существами. Опираясь на некоторые понятия, признаваемые основными, ум стремится привязать к ним представления, которые он составил себе о других

вещах. Такие классификации, следовательно, предназначены прежде всего для того, чтобы связывать идеи между собой, объединять познание; на этом основании можно смело утверждать, что они являются научным творением и составляют первую натурфилософию²²⁷. Австралиец делит мир между тотемами своего племени не с целью упорядочения своего поведения и даже не для оправдания своих действий, но дело в том, что, поскольку понятие тотема является для него главным, существует необходимость расположить по отношению к этому понятию все его другие познания. Можно считать поэтому, что условия, от которых зависят эти очень древние классификации, таковы, что сыграли важную роль в генезисе функции классификации в целом.

Итак, из всего нашего исследования вытекает, что эти условия имеют социальную природу. Логические отношения вещей не служили основой для социальных отношений людей, как, по-видимому, полагает Фрэзер; в действительности последние послужили прототипом для первых. Согласно Фрэзеру, люди распределились по кланам, следуя предварительной классификации вещей; однако в действительности, наоборот, они

классифицировали вещи, потому что были распределены по кланам.

В самом деле, мы видели, как именно по образцу ближайшей и основной социальной организации эти классификации были построены. Но этой характеристики недостаточно. Общество было не просто образцом, в соответствии с которым работало классифицирующее мышление; именно его собственный каркас послужил каркасом для всей системы. Первыми логическими категориями были социальные категории; первыми классами вещей были классы людей, в которые эти вещи были включены. Именно потому, что люди были объединены в группы и мыслили себя в форме групп, они сгруппировали в своих представлениях другие существа, и оба вида группировки начали смешиваться до такой степени, что стали неразличимы. Фратрии были первыми родами, кланы – первыми видами. Вещи считались неотъемлемой частью общества, и как раз их местом в обществе определялось их место в природе. Можно даже задаться вопросом, не зависит ли отчасти от тех же влияний схема обычного способа восприятия рода. Повседневное наблюдение показывает, что вещи, включенные в подобный род, обычно представляются

помещенными в некую идеальную среду, в более или менее четко очерченный круг в пространстве. Несомненно, не без причины столь часто понятия и их связи изображались кругами концентрическими, эксцентрическими, внутренними, внешними по отношению друг к другу и т. д. Не проистекает ли эта тенденция представлять себе чисто логические группировки в форме, контрастирующей в данном отношении с их истинной природой, из того, что вначале они воспринимались в форме социальных групп, занимающих тем самым определенное место в пространстве? И не наблюдали ли мы фактически эту пространственную локализацию родов и видов в довольно значительном множестве очень различных обществ?

Не только внешняя форма классов, но и связи, соединяющие их между собой, имеют социальное происхождение. Именно потому, что человеческие группы заключены друг в друге: субклан – в клане, клан – в фратрии, фратрия – в племени, – группы вещей располагаются в том же порядке. Последовательное уменьшение их объема по мере того, как мы переходим от рода к виду, от вида к разновидности и т. д., происходит от такого же процесса в социальных подразделениях по мере удаления от наиболее

обширных и древних и приближения к наиболее современным и производным. И если совокупность объектов воспринимается как единая система, то потому, что само общество воспринимается таким же образом. Оно есть целое, или, точнее, оно есть уникальное *целое*, с которым все соотносится. Таким образом, логическая иерархия является лишь иным аспектом иерархии социальной, а единство познания – не что иное, как единство самого коллектива, обитающего во Вселенной.

Более того, сами связи, объединяющие либо существа одной и той же группы, либо различные группы между собой, воспринимаются как социальные связи. Мы отмечали вначале, что выражения, которыми мы еще сегодня обозначаем эти отношения, имеют нравственное значение. Но в то время как для нас они уже только метафоры, первоначально они использовались в прямом смысле. Объекты одного и того же класса реально рассматривались как родственные индивидам одной и той же социальной группы и потому – как родственные между собой. Они "из той же плоти", из одной и той же семьи. Логические отношения тогда в известном смысле являются домашними отношениями. Иногда также, и мы это видели,

они со всех точек зрения сравнимы с отношениями, существующими между хозяином и обладаемой вещью, между руководителем и его подчиненными. Можно даже задаться вопросом, не здесь ли находится рудиментарная форма представления, столь странного с позитивной точки зрения, о примате рода над видом. Так же как для реалиста общая идея доминирует над индивидом, тотем клана доминирует над тотемом субклана и еще более – над личным тотемом индивидов. И там, где фратрия сохранила свою первоначальную устойчивость, она обладает над входящими в нее подразделениями и отдельными существами своего рода главенством. Вотьобалук в изображении Хауитта, хотя и является в значительной мере варвучом и особенно мойвилуком, все же прежде всего – крокич или гамуч. У зуныи животные, символизирующие шесть основных кланов, целиком находятся в ведении соответствующих субкланов и всякого рода существ, которые в них сгруппированы.

Но если предыдущее и позволяет понять, как могло сложиться понятие классов, связанных между собой в одной и той же системе, то по-прежнему неизвестно, каковы те силы, которые подтолкнули людей к распределению вещей между этими классами согласно принятому

ими методу. Из того, что внешние рамки классификации предоставлены обществом, не следует с необходимостью, что способ, которым эти рамки применялись, зависит от причин того же происхождения. Можно предположить *a priori*, что движущие силы совершенно иного порядка определили способ, которым существа сближались, соединялись или же, наоборот, различались и противопоставлялись.

Своеобразие созданной тогда концепции логических связей позволяет отвергнуть эту гипотезу. В самом деле, мы только что видели, что они представляются в форме семейных связей или как отношения экономической или политической субординации; дело, стало быть, в том, что те же чувства, которые лежали в основе домашней, социальной и прочей организации, управляли и этим логическим распределением объектов. Последние связываются или противопоставляются так же, как люди связываются родством или противопоставляются кровной мезтью. Они сливаются воедино так же, как в обыденном мышлении сливаются члены одной и той же семьи. То, что заставляет одни вещи подчиняться другим, со всех точек зрения сходно с тем, что заставляет воспринимать находящийся во владении предмет как низший по

отношению к его собственнику и подчиненный своему хозяину. Следовательно, эти группировки порождены состояниями коллективной души и, более того, эти состояния имеют явно эмоциональный характер. Существуют эмоциональные привязанности между вещами, как и между индивидами, и они классифицируются в соответствии с этими привязанностями.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что можно классифицировать нечто иное, чем понятия, и иначе, чем в соответствии с законами чистого разума. Ибо для того чтобы понятия смогли столь упорядоченно расположиться на основе чувства, надо, чтобы сами они были не чисто мыслительными образованиями, но порождением чувства. И действительно, для тех, кого называют первобытными людьми, любой вид предметов – не просто объект познания; прежде всего он соответствует некоторой эмоциональной установке. В представлении, создаваемом об этом виде, совместно участвуют всякого рода эмоциональные элементы. Религиозные эмоции, в частности, не только сообщают ему особую окраску, но также придают наиболее существенные конституирующие свойства. Объекты являются прежде всего

священными или светскими, чистыми или нечистыми, друзьями или врагами, благоприятными или неблагоприятными²²⁸. Это значит, что их наиболее существенные черты лишь выражают способ их воздействия на социальные чувства. Различия и сходства, определяющие то, как они группируются, являются в большей мере эмоциональными, чем интеллектуальными. Вот почему получается, что вещи в некотором роде меняют свою природу в зависимости от обществ; дело в том, что они по-разному влияют на чувства групп. То, что в одном месте воспринимается как совершенно однородное, в других местах представляется как по существу разнородное. Для нас пространство образовано из частей, сходных между собой, взаимозаменяемых. Мы видели, однако, что для многих народов оно глубоко дифференцировано по областям. Дело в том, что каждая область обладает своей собственной эмоциональной ценностью. Под влиянием разнообразных чувств она связывается с особым религиозным принципом и вследствие этого наделяется свойствами *sui generis*, отличающими ее от любой другой области. А именно эта эмоциональная ценность понятий играет ведущую роль в способе, которым они

сближаются или разделяются. Именно она служит господствующим характерным признаком в классификации.

Часто говорилось, что человек вначале представлял себе вещи, относя их к самому себе. Предшествующее изложение позволяет уточнить, в чем состоит этот антропоцентризм, который лучше было бы назвать социоцентризмом. Центр первых систем природы – не индивид; это – общество²²⁹. Объективируется оно, а не человек. Нет ничего более наглядного в этом отношении, чем способ, которым индейцы сиу в некотором роде помещают весь мир целиком в границы племенного пространства; и мы видели, что само вселенское пространство есть не что иное, как место, занимаемое племенем, но бесконечно расширенное за пределы его реальных границ. Благодаря этой же предрасположенности сознания столько народов помещали центр мира, "пуп земли", в своей политической или религиозной столице²³⁰, т. е. там, где находится центр их духовной жизни. Точно так же, но в другой категории идей созидательная сила Вселенной и всего, что в ней находится, вначале рассматривалась в качестве мифического предка, породившего общество.

Вот как получилось, что представление о

логической классификации формировалось с таким трудом, что мы и показали в начале этой работы. Дело в том, что логическая классификация есть классификация понятий. Но понятие – это четко определенное представление о группе существ; его границы могут быть точно обозначены. Эмоция, напротив, это явление, по существу, расплывчатое и неустойчивое. Ее заражающее влияние расходится за пределы места ее возникновения, распространяется на все, что ее окружает, так что невозможно сказать, где остановится сила ее распространения. Эмоциональные по природе состояния необходимо связаны с этим свойством. Невозможно сказать, где они начинаются и где кончаются; они теряются друг в друге, смешивают свои свойства таким образом, что их невозможно распределить по строгим категориям. С другой стороны, чтобы суметь обозначить границы класса, требуется еще перед этим проанализировать признаки, по которым узнаются существа, собранные в этот класс и которые их отличают. Однако эмоция, естественно, не поддается анализу или, по крайней мере, поддается с трудом, потому что она слишком сложна. Она противостоит критическому и обдуманному рассмотрению,

особенно когда она коллективного происхождения. Давление, оказываемое социальной группой на каждого из ее членов, не позволяет индивидам свободно судить о понятиях, которые общество само выработало и в которые оно вложило нечто от своей индивидуальности. Подобные построения священны для частных лиц. История научной классификации в конечном счете является также историей самих этапов, во время которых этот элемент социальной эмоциональности последовательно ослабевал, оставляя все больше и больше свободного места обстоятельному размышлению индивидов. Но ошибочно считать, что эти отдаленные влияния, которые мы сейчас исследовали, перестали ощущаться сегодня. Они оставили после себя результат, который переживает их и который по-прежнему существует: это сами рамки всякой классификации, это вся совокупность мыслительных навыков, благодаря которым мы представляем себе существа и факты в форме соподчиненных и подчиненных друг другу групп.

Благодаря этому примеру можно видеть, каким светом социология освещает генезис, а затем функционирование логических операций. То, что мы попытались сделать по отношению к

классификации, можно было бы также испытать и на других основных функциях или понятиях разума. Нам уже приходилось указывать мимоходом, что даже столь абстрактные идеи, как идеи времени и пространства, в каждый момент их истории находятся в тесной связи с соответствующей социальной организацией. Этот же метод мог бы помочь также уяснить, как сформировались понятия причины, субстанции, различные формы умозаключения и т. д. Все эти вопросы, столь давно обсуждаемые метафизиками и психологами, будут наконец свободны от начетничества с того дня, когда они будут поставлены в понятиях социологии. По крайней мере, в этом есть новое средство, достойное того, чтобы его испытать.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ

(Австралийские погребальные словесные ритуалы)

Это сообщение связано с работой Ж. Дюма "К вопросу о слезах²³¹" и с заметкой, которую я послал ему в связи с этой работой. Я обратил его внимание на чрезвычайную распространенность обязательного и морально предписанного использования слез. Они служат, в частности, средством приветствия. В самом деле, мы обнаруживаем этот обычай очень часто у народов, которые принято называть первобытными, особенно в Австралии, в Полинезии. Он был исследован в Северной и Южной Америке Фридеричи, предложившим называть его *Tränengruss* – "приветствием слезами"²³².

Моя цель – показать вам посредством исследования словесного ритуала австралийских погребальных культов, что замечания, сделанные Дюма и мной относительно слез, применимы и ко многим другим выражениям чувств у значительной группы народов, достаточно однородных и первобытных в собственном смысле термина. Помимо плачей это и всякого

рода словесные выражения чувств, которые, в сущности, представляют собой не только психологические или физиологические, но и социальные явления, четко отмеченные признаками неспонтанности и самой полной обязательности. Мы ограничимся, если вам будет угодно, сферой погребального словесного ритуала, включающего крики, речи, песнопения. Но мы могли бы распространить наше исследование и на все другие разновидности обрядов, в частности на мануальные, в тех же самых погребальных культах и у тех же самых австралийцев. Некоторых заключительных замечаний будет, пожалуй, достаточно, чтобы обозначить этот предмет в более широкой области. Впрочем, он был уже изучен нашими незабвенными Робером Герцем²³³ и Эмилем Дюркгеймом²³⁴ в связи с теми же погребальными культами, которые один попытался объяснить, а другой использовал, чтобы показать коллективный характер искупительного ритуала. Дюркгейм утверждал даже в противовес Ф-Б. Джевонсу²³⁵, что траур не является стихийным выражением индивидуальных эмоций. Сейчас мы воспроизведем это доказательство на материале словесных обрядов с добавлением некоторых деталей.

* * *

Погребальные словесные обряды в Австралии состоят из: 1) криков и завываний, которые нередко носят мелодичный и ритмичный характер; 2) причитаний, часто облеченных в песенную форму; 3) настоящих сеансов спиритизма; 4) разговоров с покойным.

Отбросим на мгновение две последние категории, это нам не помешает. Зачатки культа мертвых в собственном смысле – факты весьма поздние и достаточно малотипичные. С другой стороны, их коллективный характер виден чрезвычайно отчетливо; это публичные церемонии, тщательно упорядоченные, входящие в ритуал кровной мести и определения ответственности²³⁶. Так, у племен района реки Талли²³⁷ весь этот ритуал входит в погребальные танцы с долгими песнями. Покойный лично представлен на них своим высушенным трупом, который является объектом своего рода первобытной некропсии. И все поселение, все собравшиеся соплеменники поют до бесконечности, чтобы придать танцам ритмичность:

*Иакаи! нгга вингир,
Винге нгену на шаимбан,*

Кунапандити варре мариго.

(Перевод): "Я спрашиваю себя, где он (*кои*, злой дух) тебя встретил, мы извлечем сейчас твои внутренности и увидим". Именно под эту мелодию, танцевальным шагом четверо колдунов ведут старика для опознания (и извлечения из трупа) заколдованного объекта, вызвавшего смерть. Эти ритуалы, бесконечно повторяемые вплоть до угадывания, завершаются другими сериями танцев. Один из них исполняет вдова, которая, делая шаг вправо и шаг влево и

7 Roth W. Bulletin (Queensland Ethnography) 9, с. 390, 391. Ср.: Superstition, Magic, and Medicine. – Bulletin 3, с. 26, примеч. 99 и сл. размахивая ветками, изгоняет *кои* из трупа своего мужа²³⁸. Тем временем остальные собравшиеся заверяют покойного, что месть состоится. Это лишь один пример. Чтобы сделать вывод относительно этих чрезвычайно развитых обрядов, нам достаточно отметить, что они завершаются процедурами, весьма интересными как для социолога, так и для психолога. В очень многих племенах центра и юга, севера и северо-востока Австралии мертвый не довольствуется тем, что дает иллюзорный ответ допрашивающему его племенному совету. Вызывающий его коллектив физически, реально

слышит его ответ²³⁹; в других случаях это настоящий эксперимент, который мы в своих лекциях охотно называем опытом коллективного маятника: труп, который несут на плечах колдуны или будущие кровные мстители, отвечает на их вопросы, увлекая их в направлении убийцы²⁴⁰. Мы достаточно ясно видим на этих примерах, что сложные и развитые словесные обряды демонстрируют нам действие только коллективных чувств и представлений, причем эти обряды имеют даже характерное преимущество, позволяющее нам понять группу, коллектив в действии или во взаимодействии, если угодно.

* * *

Более простые обряды, плачи и песнопения, на которых мы сейчас остановимся несколько дольше, носят не настолько публичный и социальный характер. Однако все же им не хватает индивидуальности в выражении чувства, которое испытывают сугубо индивидуально. Вопрос об их спонтанности уже настолько давно решен наблюдателями, что это даже стало почти этнографическим клише²⁴¹. Они неистощимы в рассказах о том, как посреди обычных занятий,

банальных разговоров вдруг, в точно установленные часы или дни или в строго определенных обстоятельствах группа, особенно состоящая из женщин, начинает выть, кричать, петь, поносить врага и злого духа, заклинать душу умершего. И затем, после этого взрыва тоски и гнева, все селение, кроме, может быть, нескольких специально назначенных носителей траура, возвращается к обычному ходу своей жизни.

Прежде всего эти плачи и песнопения исполняются группой. Как правило, их издают не индивиды каждый сам по себе, а селение. Можно привести бесчисленное множество таких фактов. Возьмем один из них, получивший распространение вследствие самой своей регулярности. "Крик за умершего" – очень распространенный обычай на юго-востоке Квинсленда. Он длится так же долго, как и время между первыми и вторыми похоронами. Ему отведены точные часы и периоды. В течение примерно десяти минут на восходе и закате солнца любое селение, в котором есть покойник, плакало, завывало и причитало²⁴². В этих племенах при встрече различных поселений существовало даже настоящее соревнование в плачах и слезах, которое могло охватывать

значительные массы людей во время больших собраний, сбора орехов (бунья) или инициации²⁴³.

Но точно определяются не только время и условия коллективного выражения чувств, но также и те действующие лица, которые их выражают. Последние завывают и кричат не только чтобы передать свой страх, гнев или печаль, но и потому, что они уполномочены, обязаны это делать. Характерно, что это никоим образом не связано с фактическим родством, в нашем понимании очень близким, например отца и сына; демонстрация траура управляется юридическим родством. Если родство устанавливается по материнской линии, отец или сын не участвуют активно в траурном обряде один в отношении другого. У нас есть даже любопытное доказательство этого факта: у варрамунга, племени, расположенного в центре, с наследованием преимущественно по мужской линии, материнская семья восстанавливается специально для погребального ритуала²⁴⁴. Другой примечательный факт состоит в том, что часто даже обычные кровные родственники, простые союзники, нередко в связи с заурядными обменами посланниками или в связи с получением наследства обязаны больше всех

демонстрировать печаль²⁴⁵.

Окончательно доказывает чисто обязательную природу выражения печали, гнева и страха то, что оно даже не присуще всем родственникам. Плачут, завывают и поют не только определенные индивиды, но индивиды и юридически, и фактически принадлежащие исключительно к одному полу. В противоположность религиозным культам *stricto sensu* [в узком смысле], сохраняемым в Австралии за мужчинами, погребальные обряды там почти полностью выпадают на долю женщин²⁴⁶. Все авторы единодушны в этом вопросе, и факт засвидетельствован на всей территории Австралии. Нет смысла приводить бесчисленные ссылки на превосходно описанный и засвидетельствованный факт²⁴⁷. Но даже среди женщин не все действительно связаны с умершим, будучи дочерьми, сестрами по мужской линии и т. д.; эту роль в буквальном смысле слова играют женщины, определяемые некоторыми правовыми отношениями²⁴⁸. Нам известно, что это обычно *матери*²⁴⁹ (не надо забывать, что здесь мы имеем дело с групповым родством), сестры²⁵⁰ и особенно вдова покойного²⁵¹. Бóльшую часть времени эти плачи, крики и песнопения сопровождаются умерщвлением

плоти, часто весьма жестоким, которому эти женщины (одна или несколько) подвергают себя как раз для того, чтобы поддерживать боль и крики²⁵².

Женщины не просто вопят и поют, они должны исполнить определенное количество воплей. Таплин сообщает, что у нарриньери существовало "условленное количество плачей и криков"²⁵³. Отметим, что обусловленность и регулярность отнюдь не исключают искренности, которой ничуть не меньше, чем в наших собственных погребальных обычаях. Все это носит характер социальный, обязательный и в то же время отличается естественностью и необузданностью; стремление к боли и ее выражение идут рука об руку. Сейчас мы увидим почему.

Другое обоснование социальной природы этих криков и чувств может быть извлечено из исследования их природы и содержания.

Во-первых, как бы невнятны ни были крики и завывания, они всегда в какой-то степени музыкальны, чаще всего ритмизованы, поются женщинами в унисон 24. Стереотипность, ритм, унисон – явления одновременно физиологические и социологические. Это может быть лишь весьма примитивное, мелодичное, ритмичное и

модулированное завывание²⁵⁴. Однако, по крайней мере, в центре, на востоке и на западе Австралии – это долгое излияние, эстетическое и вошедшее в обычай, следовательно, социальное, во всяком случае по этим двум признакам. Обряды могут также затягиваться и эволюционировать: ритмические крики могут становиться рефренами²⁵⁵, восклицаниями в духе Эсхила, разделяющими и ритмизирующими более развитые песнопения. В других случаях они образуют чередующиеся хоры; иногда вместе с женщинами в них участвуют мужчины²⁵⁶. Но даже когда они не поются, вследствие совместного произнесения эти крики имеют совсем иное значение, чем простые бессмысленные восклицания. Они обладают своей особой эффективностью. Так, мы знаем теперь, что крик *бау-бау*, издаваемый на двух низких тонах в унисон плакальщицами у арунта и лоритья, имеет значение *ἄποτρόλαιον*, что можно было бы приблизительно перевести как заклинание, а точнее – изгнание порчи²⁵⁷.

Остаются песнопения: они имеют ту же природу. Нет смысла особо подчеркивать, что они ритмизованы и поются (иначе бы они не были тем, чем являются) и, следовательно, в значительной мере отлиты в коллективную

форму. Но и содержание их также носит коллективный характер. Австралийцы или, точнее, австралийки имеют своих "причитальщиц", плакальщиц и проклиналищиц, поющих о трауре и смерти, поносящих, проклинаящих и околдовывающих врага, навлекшего смерть, которая всегда вызывается магическими причинами. Мы располагаем многочисленными текстами их песнопений. Некоторые из них весьма примитивны и обычно состоят в восклицании, утверждении, вопрошании. "Где мой единственный племянник"?²⁵⁸ – вот довольно распространенная формула. "Почему ты меня здесь покинул?" – и затем женщина добавляет: "Мой муж (или мой сын) умер!"²⁵⁹ Мы видим здесь две темы: нечто вроде вопрошания и простое утверждение. Эта беллетристика почти целиком ограничена лишь двумя этими пределами²⁶⁰: обращением к умершему или его призывом, с одной стороны, рассказом об умершем – с другой. Какими бы прекрасными и длинными ни были тексты причитаний, они могут быть сведены к этой беседе и к чему-то вроде детского эпоса²⁶¹. Ничего элегического и лирического; лишь однажды – незначительный элемент чувства в описании страны мертвых. Как правило же, это

простые и грубые ругательства, обыкновенные проклятия в адрес колдунов²⁶² или выражения, отвергающие ответственность²⁶³ группы. В целом чувство не исключается, но описание фактов и правовых ритуальных тем преобладает даже в самых пространственных песнопениях.

* * *

В заключение — несколько слов о психологической или, если угодно, интерпсихологической точке зрения.

Только что мы показали, что большая категория словесных выражений чувств и эмоций у весьма значительной части населения целого континента содержит в себе только коллективное начало. Кстати отметим, что это коллективное начало нисколько не препятствует интенсивности чувств, совсем наоборот. Напомним о горах людей на умершем у варрамунга, кайтиш, арунта²⁶⁴.

Но эти коллективные, одновременные выражения чувств индивида и группы, обладающие моральной ценностью и принудительной силой, — это не просто демонстрации; это знаки, понятные выражения, короче — язык²⁶⁵. Эти крики составляют как бы

фразы и слова. Их надо произносить, но произносить именно потому, что вся группа их понимает.

Итак, свои собственные чувства не просто проявляют, их проявляют для других, поскольку они должны быть выказаны. Их проявляют ради самого себя, выказывая перед другими и для сообщения другим.

Это, по существу, символика.

* * *

Здесь мы присоединяемся к прекрасным и весьма любопытным теориям естественных символических функций духа, которые предлагают нам Хед, Моург и другие наиболее искусенные психологи.

Мы располагаем здесь таким предметом, такими фактами, в изучении которых психологи, физиологи и социологи могут и должны сотрудничать.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНДИВИДА КОЛЛЕКТИВНО ВНУШЕННОЙ МЫСЛИ О СМЕРТИ

(Австралия, Новая Зеландия)

Мое исследование взаимоотношений психологии и социологии целиком посвящено проблемам метода. Но метод оправдан только тогда, когда он открывает определенный путь, μᾶλλον, когда он является средством классификации фактов, ранее классификации не поддававшихся. Он представляет интерес лишь тогда, когда обладает эвристической ценностью. Поэтому я перейду к позитивной работе и покажу, что за некоторыми утверждениями, которые я позволил себе высказать, стоят факты, обнаруживающие, в частности, существование в человеке прямой связи между физическим, психологическим и моральным, то есть социальным.

Как я отмечал, в очень многих обществах навязчивая мысль о смерти, имеющая чисто социальное происхождение, без всякой примеси индивидуальных факторов, способна произвести такие умственные и физические разрушения, так подействовать на сознание и тело индивида, что

вскоре вызывает его смерть без каких-либо внешних или поддающихся обнаружению нарушений. Я обещал представить подкрепленные документами факты, доказательства и если не анализ, то, по крайней мере, его попытку. Предлагаю их для обсуждения и критики. Но вначале определим проблему.

Глава I

Определение коллективного внушения мысли о смерти

Не будем путать эти факты с другими, которые тесно с ними связаны и прежде смешивались с ними под общим названием *танатомании*. В обществах, которые нам предстоит рассмотреть, самоубийство часто является результатом навязчивой идеи того же рода; об устойчивости этого внушения говорит то, что индивид в некоторых греховных или магических состояниях, наступающих в результате греховных или магических действий, совершает неоднократные попытки покончить с собой (в частности, в стране маори). Это внушение может иметь точно те же формы, но иные следствия в той системе фактов, которые мы сейчас опишем²⁶⁶, ибо в этом случае смерть наступает в результате вторжения воли и насильственного акта. Влияние социального фактора на физиологию реализуется через очевидного психического посредника: это личность, которая сама себя уничтожает, причем акт носит бессознательный характер.

Категория фактов, которые я хочу

представить, с нашей точки зрения и для нашего доказательства поразительна в ином отношении. Это случаи смерти, наступающей внезапно и просто у многих индивидов лишь потому, что они знают или верят (что то же самое), что скоро умрут.

Среди этих последних фактов уместно выделить случаи, когда эти вера и знание имеют или могут иметь индивидуальное происхождение. Как мы сейчас увидим, в рассматриваемых цивилизациях они часто смешиваются с теми фактами, которые непосредственно являются предметом нашего рассмотрения. Ясно, однако, что, если индивид болен и верит, что скоро умрет, даже если болезнь, по его мнению, вызвана колдовством другого или собственным грехом (совершенным сознательно или вследствие упущения), можно утверждать, что именно представление о болезни является "средством-причиной" сознательного или подсознательного умозаключения.

Мы же рассмотрим только случаи, когда умирающий субъект не считает себя больным или не знает, что болен, а просто уверен, что по определенным причинам коллективного характера находится в состоянии, близком к смерти. Это состояние, как правило, совладает с

разрывом связей (вследствие либо магии либо греха) со священными силами и вещами, присутствие которых обычно поддерживает индивида. Сознание в этом случае полностью охвачено мыслями и чувствами исключительно коллективного происхождения, не отражающими никаких физических нарушений. Анализ не обнаруживает никакого элемента воли, выбора, даже произвольного создания представлений у жертвы или же умственного расстройства индивида вне собственно коллективного внушения. Этот индивид верит в то, что он околдован, или в свою вину и умирает по этой причине. Такова в итоге категория событий, которой мы ограничиваем наше рассмотрение. Другие факты: самоубийство или болезнь, вызванные теми же состояниями греха или околдованности, явно менее типичны; хотя столь детальное ограничение усложняет наше исследование, оно сделает его более ясным, четким и доказательным.

Отмеченные факты хорошо известны во многих так называемых низших цивилизациях, но редки или отсутствуют в наших. Это связано с их отчетливо выраженным социальным характером, так как они явно зависят от присутствия или отсутствия некоторых специфических институтов

и верований, исчезнувших у нас: магии, запретов и табу и т. д. Но как бы многочисленны и известны у этих народов они ни были, они, по моему убеждению, не подверглись сколько-нибудь глубокому психологическому и социологическому изучению. Бартельс²⁶⁷ и Штолл²⁶⁸ называют многие из них, но смешивают их с другими и не идут дальше коллекционирования фактов, собранных у самых различных категорий народов. Тем не менее этих старых добротных книг достаточно, чтобы проникнуться идеей распространенности подобного рода фактов среди человечества. Мы же будем действовать более методично, сосредоточив наше исследование на двух группах фактов двух групп цивилизаций: одной, наиболее низкого из возможных уровня или, точнее, наиболее низкого уровня, известного нам, – австралийской; другой, уже весьма развитой и, несомненно, испытавшей различные перемены, цивилизации маори, – малайско-полинезийской группы Новой Зеландии. Я ограничусь фактами, собранными незабвенным Герцем и мной²⁶⁹. Легко было умножить число сравнений; в частности, в Северной Америке, в Африке²⁷⁰ факты того же рода встречаются часто и были даже хорошо описаны старыми авторами. Но

лучше сосредоточить внимание на двух видах фактов, одновременно достаточно близких и удаленных друг от друга, для того чтобы сравнение было возможно: фактов, внутренняя природа и функционирование которых, а также их отношение к социальной среде и индивиду нам хорошо известны.

Краткое описание этих умственных, физических и социальных условий, в которых возникают случаи подобного рода, небесполезно. П. Фоконне²⁷¹ хорошо описал их, например, в связи с проблемой ответственности в различных обществах, а Дюркгейм – в связи с многочисленными австралийскими религиозными фактами: траурными и прочими обрядами²⁷², бурными порывами, охватывающими группы, неистовыми страхами и реакциями, во власти которых они могут находиться. Но тотальное овладение индивидуальными сознаниями, осуществляемое в группе и группой, не прерывается. Возникшие идеи поддерживаются и воспроизводятся в индивидуе под постоянным давлением группы, воспитания и т. д. Из-за малейшего повода они вызывают разрушение или пробуждают могучие силы.

Интенсивность этих воздействий морального

на физическое тем более примечательна, что физическое у этих народов более сильно, грубо, животное, чем у нас. Повседневные, а также этнографические наблюдения австралийских и многих других племен обнаруживают, что тело аборигена обладает поразительной физической выносливостью. Либо по причине действия солнца и постоянной полной или почти полной наготы, либо по причине незначительной септичности среды и орудий до прихода европейцев, либо вследствие некоторых особенностей этих рас, отобранных данным образом жизни (в частности, в их организмах могут быть физиологические элементы, вещества и т. д., отличные от элементов более слабых рас, тех самых элементов, исследование которых столь неуспешно начал Эйген Фишер). Какова бы ни была причина, даже в сравнении с африканцами организм австралийца отличается поразительной способностью к излечению. Роженица сразу же возвращается к своим повседневным занятиям, начиная ходить через несколько часов после родов. Страшные порезы на теле быстро заживают. В некоторых племенах обычное наказание состоит в том, что вонзают лезвие в ягодицу женщины или юноши. Переломы руки вылечиваются очень быстро с помощью слабых

лубков. Все эти случаи явно контрастируют с другими фактами. Даже при легком ранении у индивида нет никакого шанса выздороветь, если он верит, что копье заколдовано. Если он повреждает какой-нибудь орган, то начнет быстро выздоравливать лишь с того дня, когда поладит с правилами, которые он нарушил, и т. д. Подобное максимальное воздействие духовного на физическое, очевидно, еще более ощутимо в случаях, когда нет никакой раны, что целиком входит в предмет нашего рассмотрения.

Новозеландское поле наблюдения также изобилует типичными фактами, хотя организмы новозеландцев более слабый менее устойчивы по отношению к физическим агентам, чем у австралийцев. Общим местом их этнографических описаний, особенно старых (до появления оспы и других болезней европейцев, которые косили их), стали их сила, здоровье, быстрота заживания ран, до тех пор, пока духовная сторона не затронута. Но они интересуют нас с других точек зрения. Новозеландцы, как и все представители малайско-полинезийской группы, больше всех склонны становиться жертвой отмеченных "панических" состояний. Все знают о малайском *амоке*: мужчины (это всегда мужчины) даже еще

в наши дни и даже в больших городах, чтобы отомстить за смерть близкого человека или за оскорбление, срываются с места, "бегут от *амока*" и убивают на своем пути столько людей, сколько смогут, пока сами не падают замертво. Новозеландские аборигены и вообще малайско-полинезийские племена особенно отличаются возбудимостью подобного рода. Именно среди них Герц удачно выбрал для анализа эти удивительные эффекты механизмов морального сознания. На примере маори, в частности, хорошо виден максимальный уровень умственной и физической силы, достигаемый по нравственной и мистической причинам, а также депрессии по тем же самым причинам. В книге Герца можно будет найти все детали доказательства, которого мы не будем лишать **НОВИЗНЫ**.

Глава II

Австралийские типы фактов

Австралийцы считают естественной только ту смерть, которую мы называем насильственной. Рана, убийство, перелом являются естественными причинами. Кровная месть, направленная на убийцу, не столь яростна, как месть колдуну. Все остальные виды смерти рассматриваются как имеющие магическое или же религиозное происхождение²⁷³. Только на Новой Зеландии события морального и религиозного происхождения способны внушить индивиду навязчивую идею о том, что он скоро умрет; само колдовство обычно воспринимается главным образом как имеющее целью заставить совершить грех. Австралийские факты, напротив, дают обратное соотношение. Случаи, когда смерть вызвана мыслью, что она – фатальный результат греха, насколько нам известно, достаточно редки: мы обнаружили лишь незначительное число их, причем главным образом они относятся к преступлениям, касающимся тотема, в частности его поедания²⁷⁴, или же пищи, запрещенной возрастным классам. Из последней категории приведу два достаточно типичных примера,

которые не пришлось рассматривать Дюркгейму²⁷⁵. "Если молодой вакельбура (девочка или мальчик) поест запретной дичи и пр., он заболевает и, по-видимому, сам себя поедает; он умирает, издавая крики съеденного животного". Это дух того животного вошел в согрешившего и его убивает²⁷⁶. Другой пример относится к тем отдельным случаям²⁷⁷, которые нас касаются более непосредственно. Мак Элпайн нанял одного молодого курнаи в 1856–1857 гг. Это был сильный и здоровый негр. Однажды Мак Элпайн нашел его больным. Тот рассказал, что совершил то, чего не следует делать: украл самку опоссума до того, как получил разрешение съесть ее. Старики обнаружили это. Он знал, что ему больше не подняться, слег, так сказать, под влиянием этой веры и уже не поправился – умер через три недели.

Таким образом, нравственные и религиозные причины у австралийцев также могут вызвать смерть посредством внушения. Последний факт является также переходной ступенью к случаям смерти чисто магического происхождения: ведь от стариков исходила угроза. Впрочем, поскольку значительное число смертей, вызванных магией, возникает в процессе кровной мести или наказания²⁷⁸, индивид, чувствуя себя

околдованным этим юридическим колдовством, поражается также и морально в точном смысле слова; так что в целом австралийские факты не так уж далеки от маорийских, как это можно было предположить. Однако обычно речь идет о магии. Человек, верящий, что он околдован, умирает; таков простой и весьма распространенный факт. Приведем несколько преимущественно давних случаев, непосредственно наблюдавшихся, главным образом, точно установленных или даже описанных натуралистами и медиками. Бэкхауз²⁷⁹ рассказывает, как около 1840 г. в Буэн Айленде один мужчина уверовал в то, что он околдован, сказал, что умрет на следующий день, и умер. В округе Кеннеди в 1865 г. у супругов Эден²⁸⁰ старая ирландская служанка обвиняет чернокожую служанку в эгоизме и говорит ей: "Ты скоро умрешь из-за своей жестокости". "Женщина с минуту смотрела на нее, уронив руки, она побледнела... и, в отчаянии, под влиянием этих слов стала чахнуть и менее чем через месяц умерла".

Старые авторы рассказывают о подобных фактах в более общем виде. Остин, обследовавший округ Кимберли²⁸¹ в 1843 г., отмечает удивительную жизнеспособность

чернокожих и их поразительную смертельную слабость, возникающую при мысли, что они околдованы. Согласно натуралисту Фрогитту²⁸², когда "чернокожий знает, что это (колдовство) совершено против него, он *waste away with fright* – "чахнет от страха"". Один автор, проводивший наблюдение около 1870 г., видел мужчину, заявившего, что он умрет в определенный день, и действительно умершего в этот день "от чисто воображаемой силы"²⁸³. Миссионер с севера Виктории, преподобный Балмер в целом весьма определенно высказывается относительно некоторых племен²⁸⁴, где он видел подобные случаи: а именно в одном из племен Квинсленда, наименее затронутых внешним влиянием. Миссионер уточняет (то ли это англо-австралийский жаргон, то ли факт?), что, если не находят антиколдовского средства, "кровь *goes bad* (портится) и околдованный умирает"²⁸⁵.

Отмечались случаи, когда индивид умирал даже в установленное время. В других случаях, довольно редких и выходящих за рамки магии, но все же связанных с социальным и религиозным, также отмечают подобное навязчивое преследование со стороны умершего. Тот же Бэкхауз рассказывает, как за два дня умер

чернокожий из Молонбаха: увидел "бледнолицего" мертвеца, который сказал ему, что тот умрет в это время²⁸⁶. Убийца ботаника Стивенса в 1864 г. умер за один месяц от голода в тюрьме. Убитый следил за ним из-за плеча²⁸⁷. В одной легенде диери (документ подобного рода достоин в наших глазах тщательного изучения), превосходно изложенной²⁸⁸, рассказывается, как божественный предок, Мура Ванмондина, покинутый своими близкими, пожелал умереть и умер. Он околдовал сам себя обрядом сжигания кости. Чем больше он страдал, тем больше радовался и завершил жизнь так, как пожелал.

Исследование излечения от этих навязчивых состояний и болезней так же показательно, как и исследование их смертельных последствий. Индивид исцеляется, если магическая церемония заклинания, антиколдовство, действует столь же неотвратимо, как и в том случае, когда он умирает²⁸⁹. Два современных исследователя, один из которых врач, рассказывают, как умирают от "кости мертвеца" у вонкангуру: причиной является сильный испуг. Если эта кость обнаруживается, околдованный чувствует себя лучше, если нет – хуже. "Европейская медицина бессильна. Она ничего не может, она не из той

категории, что колдовство"²⁹⁰. Надо внимательно прочесть историю, рассказанную сэру Болдуину Спенсеру, крупному физиологу и антропологу, одним из стариков какаду, неким Мукалакки. В молодости он нечаянно съел змею, запретную для его возраста. Один старик заметил это. "Зачем ты ел ее? Ты еще молод для этого, ты серьезно заболеешь"²⁹¹, – сказал он ему. Сильно напуганный, он спросил: "Что, я умру?" На что старик воскликнул: "Да, мало-помалу помрешь!"²⁹² Пятнадцать лет спустя Мукалакки почувствовал себя плохо. Старый лекарь спросил его: "Что ты съел?" Тот вспомнил и рассказал старую историю. "Значит, сегодня ты умрешь"²⁹³, – заключил туземный доктор. В течение дня больному становилось все хуже и хуже. Потребовалось трое мужчин, чтобы удерживать его. Дух змеи угнездился в его теле и время от времени с шипением исходил от его чела, через рот и т. д. Это наводило ужас. Послали довольно далеко за знаменитым перевоплощением одного прославленного врачевателя. Некто Морпун прибыл вовремя, так как конвульсии змеи и Мукалакки становились все более ужасающими. Он отослал окружающих, в тишине осмотрел Мукалакки, увидел мистическую змею, взял ее, положил ее в

лекарскую сумку и унес обратно в родную местность, где поместил в наполненную водой яму и велел ей там оставаться. Мукалакки "почувствовал громадное облегчение, он сильно пропотел, уснул и утром проснулся здоровым... Если бы Морпун не оказался там и не извлек змею, он бы умер. Только Морпун обладал такой силой, чтобы сделать это и т. д."

Уитнелл²⁹⁴ сообщает также относительно племен Севера (северо-запада на сей раз), что тотемные святилища и церемонии (*larlow*) обладают лечебными достоинствами того же рода..., эффективными даже для сознания маленьких детей. В сущности, речь идет об обнаружении и восстановлении связи с важнейшим священным явлением. Так, диери, считающий себя околдованным, спасается священным песнопением своего клана, своего предка, *муравима*²⁹⁵, а также песнопением некоего предка, ставшего непобедимым²⁹⁶. В песнопении смешанного туземно-христианского происхождения, излагаемом Балмером²⁹⁷ и сочиненном в связи с похоронами одного обращенного чернокожего, говорилось, что он был защищен от смерти, "поддерживаемый твоим спасающим духом" (*chered by your helping spirit*). Один из лучших этнографов в Центральной

Австралии²⁹⁸ подтверждает интерпретации Гайоном и Хауиттом церемоний миндари (инициации и искупления) и обрядов контрмагии и *интучиума*. Их смысл состоит в том, чтобы показать людям, что они находятся в согласии со всем миром.

Эти формы сознания целиком проникнуты верой в эффективность слов, в опасность зловещих магических актов. Они также бесконечно озабочены чем-то вроде мистики душевного покоя. Таким образом, слабая вера в жизнь рушится или же восстанавливает свое равновесие вспомогательными средствами, колдуном или духом-покровителем, коллективным по своей природе, как и само нарушение равновесия.

Глава III

Новозеландские и полинезийские типы фактов

Данные описания составляют также нечто вроде объединяющего начала этнографии маори и всей Полинезии. Тригир, один из лучших знатоков предмета²⁹⁹, часто возвращается к этой теме. Огромная физическая выносливость маори широко известна, хотя возможно, что она не превосходит выносливости наших предков двухтысячелетней давности. Тем не менее заживление ран бывает поразительным. Тригир приводит замечательные случаи. Например, один человек прожил до глубокой старости без челюсти; она была снесена снарядом в 1843 г. С этой выносливостью сильно контрастирует слабость в случае болезни, вызванной грехом, магией или даже наивностью, из-за которой совершены эти поступки. Превосходный старый автор Джарвис Гавайи великолепно описывает вызванное таким образом состояние: будучи следствием колдовства, это смерть "от отсутствия аппетита к жизни", от "фатального упадка духа" (*fatal despondency*), от "полной апатии" (*pure apathie*)³⁰⁰. Пословица, существовавшая на

Маркизских островах еще до прихода европейцев, гласит: "Мы грешники, поэтому умрем". Одна альтернатива господствует над всем сознанием, не знающим середины. С одной стороны, физическая сила, веселость, основательность, грубость и умственная простота, с другой – без переходной ступени – безграничное и безостановочное возбуждение скорби³⁰¹, оскорблений или же депрессия, также безграничная, безостановочная и без перехода, жалобы на одиночество, отчаяние и, наконец, внушение смерти³⁰². Ньюмэн³⁰³ считает, что оно влияет даже на общий уровень смертности: "Несомненно, многие маори умирают от незначительных недугов, просто потому, что, будучи пораженными болезнью, они не борются с ней, не пытаются даже ей сопротивляться, но заворачиваются в одеяло и ложатся именно для того, чтобы умереть. Они имеют вид людей, у которых не осталось больше душевных сил, а их друзья смотрят на них, не слушая, ничего не делая, принимая их участь как решенную". Во всяком случае, сами маори таким образом классифицируют причины своих смертей³⁰⁴: а) смерть от духов (нарушение табу, магия и т. д.); б) смерть на войне; в) смерть по естественным причинам (возраст); г) смерть от

несчастливого случая или самоубийства³⁰⁵. И самое большое значение они приписывают первой из названных причин.

Система этих верований, следовательно, та же, что в Австралии, только результаты, а следовательно, и интенсивность верований распределяются иначе. Доминируют чисто моральные и религиозные понятия. Колдовство играет ту же самую роль, что в Австралии, но мораль полинезийца, богатая, гибкая и в то же время грубая и простая в своих изменениях или следствиях, является причиной большинства смертей. Вот некоторые факты, подтверждающие связь этих типов. Отметим вначале, что хотя полинезийский тотемизм, особенно на Новой Зеландии, довольно слабо выражен, он оставил следы, дающие представление о некоторых причинах смерти. В частности, Маринер сообщает, как на островах Тонга³⁰⁶ у мужчины, съевшего запретную черепаху, в результате увеличилась печень, и он умер. Но сильнее всего нарушенные табу (тотемические) мстят за себя на Самоа. Поглощенное животное говорит, действует внутри, разрушает человека, пожирает его, и он умирает³⁰⁷. Случаи смерти от магии также очень многочисленны. Маринер сообщает³⁰⁸, как одна женщина (дух) постоянно

преследовала дух молодого вождя. Тохунга сказал ему, чтобы он умер в течение двух дней, и он умер. В другом случае в результате колдовства умирает бог-чудовище³⁰⁹. Смерти вследствие предзнаменования встречаются также часто³¹⁰.

Но чаще всего смерть происходит в результате "смертного греха", причем это выражение принадлежит им самим. Бесчисленные описания обычно весьма подробны и имеют множество мифологических вариантов: душа становится тяжеловесной; она связывается веревками, сетями и узлами; она исчезает; она захватывается, она не единственное духовное начало, живущее в теле; у нее есть сосед, преследующий ее; она сталкивается с животными или вещью, которые захватывают тело или ее самое. Все эти выражения, понятные, конечно, неврологу и психологу, находят здесь широкое употребление, безусловно традиционное и специфическое.

Но не следует слишком отделять следствие от его причин. Маори — люди щепетильные и изощренные в области морали. Мы оставляем в стороне прекрасный анализ Герцем этих сложных типичных механизмов, извлечем из него лишь два замечания: смерть от магии очень часто воспринимается и часто возможна только как

следствие предшествующего греха. И наоборот, смерть от греха часто есть лишь результат магии, заставившей согрешить³¹¹. Божества, предзнаменования, духи (*aitu*, *атуа*) могут также вмешиваться в дела³¹². Это настоящие болезни сознания, вызывающие состояния фатальной депрессии³¹³ и сами порождаемые этой греховной магией, которая заставляет индивида чувствовать свою вину, ввергает его в состояние вины³¹⁴. К счастью, об этой совокупности фактов мы располагаем обширной работой медика. Доктор Голди с помощью одного из лучших этнографов, Элсона Беста, создал теорию, даже сравнительную теорию этих фактов³¹⁵. В главе, названной "Фатальная меланхолия с быстрым исходом", говорится о том, что люди сами "стремятся к смерти" (*will to death*)³¹⁶. Вот некоторые факты, которые он приводит. Доктор (впоследствии сэр) Барри Тьюк знал одного индивида отличного здоровья, геркулесова телосложения, который умер менее чем за три дня от этой "меланхолии". Другой, превосходно выглядевший и, "безусловно, без всякого повреждения внутренних органов", "опечалился от жизни", сказал, что умрет, и умер через десять дней. В большинстве случаев, изученных этим доктором, период длился два-три

дня.

Другие факты – исторические и заимствованы у Шортленда, Тэйлора и других авторов. Эти факты наблюдало множество людей. Когда старый вождь Кукутаи, находясь на борту губернаторского корабля, увидел Северный остров и прибрежные скалы, ворота Страны Мертвых, он принес искупительную жертву душам, выбрасывая одежду людей, находившихся на борту, включая министров, затем свою собственную; "его состояние было столь угнетенным, что окружающие опасались за его жизнь".

Но позвольте мне привести не менее важные, чем эти конкретные факты, маорийские литературные источники. Одно известное песнопение, рассказывающее о дочери Кикокко, хорошо описывает чувства больного³¹⁷.

Сверкающее солнце, ты остаешься еще на небе,
Покрывая пламенем твоих лучей вершину Пукихинау.
Оставайся там еще, о Солнце, пусть мы останемся

вместе!

...Увы, ты ничего не можешь сказать, моя подруга

(мать).

Вир (бог войны и наказаний) решил это иначе,
Он вонзил топор в мои кости и разъединил их,
Я разделан на куски, как ветка, оторванная
От своего ствола ударом, которая, падая,
С треском ломается на куски... и т. д.

Я сделал это. Я навел эту смерть
На себя, происходящего от бога (Герц),
И сейчас здесь, покинутый, я
Лишен всякой помощи
Изможденный, заброшенный
Истощенный страданием
Моего тела,
Я ложусь, чтобы умереть
(Перевод Герца гораздо лучше):
(Без души)
(Сдавленный, истощенный)
(Перевод Герца гораздо лучше):
Поэтому тело
Поворачивается, чтобы умереть³¹⁸.

Вот вывод доктора Голди:

"Эта столь часто наблюдавшаяся фаталистическая тенденция..., приводящая к смерти после более или менее длительного периода глубокой депрессии, сопровождаемой отсутствием желания жить, обусловлена последствиями суеверного страха, воздействующего на чрезвычайно чувствительную нервную систему (см. 77)".

"Я полагаю, что никто не пытался объяснить причину смерти, обусловленной столь любопытной формой меланхолии. В народном сознании предполагается, что жертва "отдает себя смерти", но мы не можем всерьез приписывать этот фатальный исход силе воли дикаря. Основная характеристика маорийского духа – это

его неустойчивость. Душевное равновесие человека находится во власти огромного множества повседневных случайностей: он — игрушка внешних обстоятельств. Поскольку его мозг не был объектом длительной и методичной моральной и интеллектуальной культуры, он лишен того умственного равновесия, которое характерно для высокоцивилизованных народов. Он не способен управлять собой. Он рыдает и смеется по самым ничтожным поводам; взрывы веселья или грусти могут исчезать в нем в одно мгновение..." (Голди приводит здесь множество примеров).

"В этом любопытном душевном состоянии, названном "тихоокеанской истерией", пациент после первоначального периода депрессии внезапно приходит в возбуждение, хватает нож или другое оружие, мечется по селению, нападая на всех встречных, нанося огромный урон до тех пор, пока не падает обессиленный. Если ему не удастся найти нож, он может помчаться на прибрежную скалу, броситься в воды океана и плавать бесконечно долго, пока не будет спасен или не утонет. Это неистовое истерическое возбуждение встречается на всех островах, так же как и противоположное состояние внезапной и глубокой депрессии..." (Здесь следует описание

плачевных результатов спиритического сеанса после похорон. Одна из юных сестер покойного слышит его голос, приходит в возбуждение, затем в прострацию, решает последовать за ним и убивает себя за несколько часов.) "Таким образом, высокоэмоциональные люди, мозг которых находится в состоянии неустойчивого равновесия, подвержены чрезвычайному возбуждению или глубокой меланхолии; люди, глубоко суеверные и не боящиеся смерти, у которых инстинкт сохранения жизни поразительно слабо развит, приписывают неограниченную власть злым богам и черным колдунам. Если кто-то из них обладает высокой степенью этих душевных характеристик и убеждается в том, что он стал жертвой всемогущего бога *тохунги* (колдуна), сильнейший нервный шок делает всю его нервную систему "онемевшей" (*paretic*): она не оказывает сопротивления возникающему тогда состоянию оцепенения. Индивид погружается в себя и фиксируется на идее огромности своего греха и безнадежности своего положения. Он становится безнадежной жертвой меланхолии, основанной на иллюзии. Он захвачен всемогущей иллюзией: он оскорбил богов и потому умрет. Он теряет интерес к внешним явлениям, болезненное

состояние носит всеохватывающий характер; нервная депрессия очень велика; имеет место потеря физической энергии, и эта вторичная депрессия постепенно распространяется на все органы. Жизненные функции, в том числе сердечная, подавляются, безвольные мускулы замирают, и в конечном счете происходит полная "анергия", или смерть. Неуравновешенный дух уступает без боя необузданной силе всеохватывающего суеверного страха" (с. 79–81).

Я просто представляю вам этот вывод для осмысления. Несмотря на свой устаревший с медицинской точки зрения язык, он имеет важное значение, и ценность его, несомненно, сохранится и в будущем.

Важность самих этих фактов, впрочем, трудно переоценить. Мы привели лишь очень небольшое их число из тех, что нам известны. Один из наиболее значительных и трагических фактов – это случай с мориори с островов Чатем, завоеванных маори в 1835 г., в результате чего численность местных жителей сократилась с 2000 до 25 человек. Шенд, один из них, их переводчик, рассказывает, как они были привезены на Южный остров и что говорили их завоеватели³¹⁹ : "Маори говорили: "Их стало мало не из-за того, что мы столько убивали. Но наутро

после пленения мы очень часто находили их мертвыми в их домах. Их убивало нарушение собственного *тапу* (необходимость совершать акты, раскрывающие их *тапу*). Они были целиком во власти *тапу*"".

Мы знаем и знаменитый текст Джоба³²⁰, также точно отражающий множество форм сознания, которые мы называем аномальными, но которые не были таковыми в этих цивилизациях.

"Тогда всемогущий Бог открывает уши людей, а в наказание они закрываются.

Пусть спасет он свою душу от могилы, и пусть проведет он свою жизнь вдали от меча.

Ибо опасность в том, что он будет уничтожен во плоти – в своей постели – и одновременно уничтожится сила костей его.

И наполнится жизнь его ужасом, и душа его воззрится на хлеб с омерзением. Плоть его истаивает (настолько, что его больше не видно), а кости его усыхают так, что его больше не видно. И душа его приближается к могиле, а жизнь – к вещам, несущим смерть".

* * *

Таковы факты. Давайте откажемся от всяких

дискуссий на темы психопатологии и невропатологии. Все свидетели, даже медики, говорят, что в этих случаях нет никакого видимого повреждения или болезни, которую можно установить при помощи аускультации и т. п. Не знаю. Дальнейшие наблюдения крайне необходимы, может быть, вы сможете их стимулировать.

Но мне как социологу достаточно указать вам направление, на котором я нашел многочисленные примеры, причем нормальные или, во всяком случае, распространенные в своей аномальности. Именно это я вам и обещал.

Отмечу далее, что приведенные факты относятся к той категории, которую, на мой взгляд, надо изучать немедленно: это те явления, в которых социальная природа непосредственно соприкасается с биологической природой человека. Этот панический страх, дезорганизующий все в сознании, вплоть до того, что называют инстинктом самосохранения, дезорганизует главным образом самую жизнь. Психологическое звено зримо и твердо — это сознание. Но оно уязвимо: индивид околдованный или в состоянии смертного греха теряет всякий контроль над своей жизнью, утрачивает всякий выбор, всякую независимость,

всю свою личность.

Более того, отмеченные факты относятся также к тем "тотальным" фактам, которые, как я убежден, надо изучать.

Рассмотрения психического или, точнее, психоорганического здесь недостаточно для описания всего комплекса. Здесь необходимо рассмотрение социального. И наоборот, недостаточно изолированного исследования того фрагмента нашей жизни, каковым является наша жизнь в обществе. Мы видим в данном случае, как уточняется дюркгеймовское представление о *Ното duplex* и как можно рассматривать его двойственную природу.

Наконец, я думаю, что эти факты интересны с двух точек зрения: как исследования целостности сознания и целостности поведения. Они позволяют увидеть противоположность "целостности" тех, кого неточно называют первобытными людьми, и "раздробленности" таких людей, как мы, ощущающих себя личностями и противостоящих коллективу. Неустойчивость всего характера и жизни австралийца или маори очевидна. Эти коллективные или индивидуальные "истерии", как называл их еще Голди, у нас уже связаны только с больницами или хамским поведением.

Они составляют оболочку, от которой наше моральное устойчивое ядро постепенно освободилось.

В заключение позволю себе упомянуть, что приведенные факты являются подтверждением и расширяют область применения теории аномического самоубийства, которую Дюркгейм сформулировал в книге, служащей образцом социологического доказательства³²¹.

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА: ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ, ПОНЯТИЕ "Я"

Глава I Предмет-личность³²²

Моим слушателям и читателям предстоит проявить большую снисходительность, так как предмет поистине огромен и за отведенное мне время (пятьдесят пять минут) я смогу лишь наметить подход к его трактовке. Речь идет – ни мало ни много – о том, чтобы объяснить, как одна из категорий человеческого духа – одна из идей, которые мы считаем врожденными, – рождалась весьма медленно и росла на протяжении веков, претерпевая множество превратностей, так что еще и сегодня она неустойчива, хрупка, драгоценна и нуждается в дальнейшей разработке. Это идея "личности", идея "я". В глубине души все находят ее естественной, ясной для понимания, основательно укорененной в морали, которая из нее выводится. Речь идет о том, чтобы заменить этот наивный взгляд на историю этого понятия и теперешнюю

его ценность взглядом более точным.

Замечание относительно принципа такого рода исследований

В результате вы увидите образец – может быть, худший, чем вы ожидаете, – работ Французской социологической школы. Мы специально занялись социальной историей категорий человеческого духа. Мы стремимся объяснить их одну за другой, пока просто отталкиваясь от перечня аристотелевских категорий³²³. Мы описываем некоторые их формы в определенных цивилизациях и посредством сравнения стараемся выявить их подвижную природу и причины. Именно таким способом, анализируя понятие *мана*, Юбер и я попытались найти не только архаическую основу магии, но также и очень общую и, вероятно, весьма раннюю форму понятия причины. Таким же образом Юбер описал некоторые характеристики понятия времени, а наш незабвенный коллега, друг и ученик Чарновски хорошо начал, но, увы, не закончил свою теорию "дробления пространства", иначе говоря, некоторых аспектов понятия пространства. Таким образом, мой дядя и учитель Дюркгейм исследовал понятие *целого* после того, как вместе со мной исследовал понятие рода. В течение

многих лет я занимаюсь исследованиями, связанными с понятием субстанции, из которых я опубликовал лишь один весьма темный фрагмент, который в его теперешнем виде бесполезен для чтения. Напомню вам также ряд произведений Люсьена Леви-Брюля о первобытном мышлении, в которых он многократно касается этих вопросов, в частности в связи с нашим предметом, – того, что он называет "первобытной душой". Но он обращается не к изучению каждой категории в отдельности, в частности той, которую мы будем рассматривать; во всех, включая категорию "я", он хочет главным образом выявить, что "дологического" содержит сознание народов, изучаемых преимущественно не историей, а антропологией и этнологией.

С вашего позволения мы будем действовать более методично и ограничимся в исследовании одной-единственной подобной категорией – категорией "я". Этого будет вполне достаточно. За короткое время я решительно и на большой скорости проведу вас через континенты и эпохи, от Австралии до наших европейских обществ и от древнейшей истории до истории наших дней. Можно было бы предпринять более обширные исследования, каждое из которых могло быть значительно более глубоким, но я намереваюсь

лишь показать вам, как их можно было бы организовать. Ибо моя цель – сразу представить вам перечень форм, которые это понятие принимало в различных местах, и показать, как оно в конечном счете обрело плоть, материю, облик, грани, – и так дойти до нашего времени, когда оно наконец стало ясным, четким в наших цивилизациях (именно в наших, почти в наши дни), хотя еще не во всех. Я сделаю лишь набросок, начну эскиз, предварительный слепок. Я еще не готов разрабатывать весь массив, лепить законченный портрет.

Так, я не буду говорить с вами о лингвистических вопросах, которые для полноты надо было бы рассмотреть. Я никоим образом не считаю, что было такое племя, язык, где бы слово *je – moi* (вы видите, что мы до сих пор используем два слова) не существовало и не означало нечто отчетливо выраженное. Совсем наоборот, помимо местоимения в очень многих языках используются многочисленные позиционные суффиксы, зачастую имеющие отношение к существующим во времени и в пространстве связям между говорящим субъектом и объектом, о котором он говорит. Здесь "я" вездесуще и, однако, не выражается ни через *moi*, ни через *je*. Но в обширной области языка я

слабый знаток. Мое исследование целиком относится к сфере права и морали.

О психологии я буду говорить так же мало, как и о лингвистике. Я оставляю в стороне все, что касается "я", сознательной личности как таковой. Скажу только: очевидно, особенно для нас, что не было никогда человеческого существа, которое не обладало бы ощущением не только своего тела, но также и своей духовной и телесной индивидуальности одновременно. Психология этого ощущения достигла огромного прогресса примерно за последние сто лет. Все французские, английские, немецкие неврологи, среди которых мой учитель Рибо и наш дорогой коллега Хед, накопили обширные знания по этому вопросу, по поводу способа, которым формируется, функционирует, приходит в упадок, отклоняется в сторону, разлагается это чувство, а также о важной роли, которую оно играет.

Моя тема совсем иная, особая. Она принадлежит к социальной истории. Как в течение веков сквозь многочисленные общества медленно вырабатывалось не чувство "я", но понятие, концепт, который создали из него люди разных эпох? Я хочу показать вам ряд форм, которые это понятие принимало в жизни людей, обществ, в соответствии с их правовыми

системами, их религиями, обычаями, социальными структурами и формами их сознания.

Направленность моего изложения сразу станет понятной как только я покажу вам, насколько поздним является философское слово "я", насколько поздно возникли категория "я", культ "я" (его искажение) и уважение "я" – в частности, "я" других (его нормальное проявление).

Итак, перейдем к классификации. никоим образом не претендуя на реконструкцию общей истории с глубокой древности до наших дней, изучим вначале некоторые из форм понятия "я", затем, вместе с греками вступив в историю и отталкиваясь отсюда, установим некоторые достоверные связи. Прежде всего, не заботясь ни о чем, кроме логики, мы совершим прогулку по своего рода музею фактов (я не люблю слово *survivals* – "пережитки" по отношению к еще живым и разрастающимся институтам), которыми снабжает нас этнография.

Глава II

"Персонаж" и место "личности"

Пуэбло

Начнем с факта, от которого отталкиваются все исследования подобного рода. Приведу факт, взятый у индейцев пуэбло, у зуны, точнее, тех пуэбло зуны, которых столь замечательно многие годы исследовали Фрэнк Гамильтон Кэшинг (прошедший полное посвящение в пуэбло) и Матильда Кокс Стивенсон и ее муж. Их работы подвергались критике. Но я считаю их достоверными и, во всяком случае, единственными в своем роде. Правда, в этих племенах нет ничего "очень первобытного". "Городки Сибола" были обращены когда-то в христианство, они сохранили свои книги записей крещений; но в то же время они практиковали свое древнее право и религию почти в "натуральном" виде, если можно так выразиться, т. е. примерно таком, как у их предшественников, *cliff dwellers* и обитателей *месы* вплоть до Мексики. По материальной культуре и социальному строю они были и остаются очень близкими мексиканцам и наиболее

цивилизированным индейцам обеих Америк. "Мексика – это пуэбло"³²⁴, – превосходно пишет великий и столь несправедливо третируемый Л. Г. Морган, основоположник наших наук.

Нижеследующее свидетельство принадлежит Фрэнку Гамильтону Кэшингу, которого подвергают критике даже его коллеги из "Бюро американской этнологии". Однако я продолжаю считать его одним из лучших авторов описаний обществ всех времен: а я знаю его опубликованные работы, тщательно следил вообще за тем, что публиковалось о зуни и о пуэбло в целом, и вполне полагаюсь на свое знание множества американских обществ.

Если позволите, я перейду к тому, что относится к ориентации и разделению персонажей в ритуале. Хотя это имеет очень важное значение, как я уже отмечал в другом месте, ограничусь указанием лишь на два момента: *существование известного количества личных имен по кланам; точное определение роли, которую каждый играет в представлении клана и выражает этим именем.*

"В каждом клане можно найти ряд имен, называемых именами детства. Эти имена означают скорее звания, чем прозвища (*cognomen*). Они определяются

социологическими и религиозными обычаями и даются в детстве в качестве "истинных имен", или званий, детей. Но эта совокупность имен, относящихся к любому тотему, например к одному из животных тотемов, не будет названием самого тотемного животного, это будут обозначения одновременно тотема в его разнообразных проявлениях и различных частей тотема или его функций, или атрибутов, реальных или мифических. Далее эти части, или функции, или же атрибуты частей или функций также делятся на шесть разрядов, так что имя, относящееся к одному члену тотема, например правая передняя или задняя нога этого животного, будет соответствовать северу и будет первым по чести в клане (который сам по себе не принадлежит к северной группе). Имя, относящееся к другому члену, скажем к левой передней или задней ноге и их силе, будет принадлежать к западу и будет вторым по чести; третий член, скажем правая лапа, – к югу и будет третьим по чести; четвертый член, скажем левая лапа, – к востоку и будет четвертым по чести; пятый, скажем голова, – к верхним районам и будет пятым по чести; шестой, скажем хвост, – к нижним районам и будет шестым по чести; наконец, сердце или пупок могут быть первыми

или последними по чести. Исследования майора Пауэлла среди маскоев и других племен доказали, что так называемые термины родства среди других индейских племен (в не меньшей, а возможно, и в большей мере это правило применимо к зуни) являются главным образом средствами определения относительного ранга или авторитета, обозначаемых относительным возрастом (более старшим или более молодым) лица, к которому адресуются или о котором говорят, используя этот термин взаимоотношения. Таким образом, для зуни совершенно невозможно назвать другого просто братом: всегда необходимо сказать, старший или младший брат, благодаря чему сам говорящий утверждает свой относительный возраст или ранг. Между членами клана принято также обращаться друг к другу посредством тех же самых родственных имен старшего или младшего брата, дяди или племянника и т. д.; но в зависимости от того, выше или ниже ранг того, к кому обращаются, должен использоваться словесный символ отношения, обозначающий старшего или младшего.

При такой системе устройства, при столь гибких приемах обозначения этого устройства (не только в зависимости от числа районов и их

соподчинения и относительной преемственности и в последовательности их стихий и сезонов, но также и в приписываемых им цветах и т. д.) и, наконец, при таком устройстве соответственно классифицированных имен и терминов взаимоотношений, обозначающих скорее ранг, чем кровнородственную связь, ошибка в порядке церемонии, процессии или заседания совета просто невозможна, и о людях, использующих такие средства, можно сказать, что они вписали и вписывают свои статусы и законы во все повседневные взаимоотношения и высказывания".

Итак, с одной стороны, клан воспринимается как состоящий из *определенного множества личностей*, в действительности персонажей; а с другой стороны, роль всех этих персонажей состоит в том, чтобы каждому в своей части представлять целостность клана, служить ее прообразом.

Так обстоит дело с личностью и кланом. "Братства" еще более сложны. У пуэбло зуньи и, очевидно, у других, таких, как сия, тусаяны, хоппи, вальпи и мишонгови, имена соответствуют не просто организации клана, его парадной, торжественной стороне, как частной, так и общественной, но главным образом рангам в

братствах, которые в старой номенклатуре Пауэлла и "Бюро американской этнологии" назывались "Fraternities", "Secret Societies" ["Братства", "Тайные общества"] и которые мы могли бы с большой точностью уподобить "коллегиям" римской религии. Тайные в своих приготовлениях и многочисленных торжественных обрядах, предназначенных для Общества Мужчин (Кака или Коко, Коемши и т. д.), но также и публичные, почти театральные, представления, особенно у зуныи, у хопи – танцы в масках, в частности танцы катсина, посещение духов, представленных их держателями прав на землю, носителями их знаний. Все это, ставшее сейчас спектаклем для туристов, еще пятьдесят лет назад жило полноценной жизнью и сохраняется до сих пор.

Мисс Б. Фрейере Марекко (сейчас миссис Эйткен) и миссис Э. Клюз Парсонс продолжают расширять и подтверждать наши знания об этом.

С другой стороны, если добавить, что жизни этих индивидов, движущие силы кланов и обществ, охватывающих кланы, поддерживают не только жизнь вещей и богов, но и "собственность" на вещи; что это не только укрепление поюсторонней и потусторонней жизни мужчин, но также и возрождение

индивидов (мужчин), единственных наследников носителей их имен (перевоплощение женщин – совсем другое дело), то вы поймете, что мы видим уже у пуэбло в общем и целом понятие личности, индивида, единого со своим кланом, но уже оторванного от него в церемониале маской, своим званием, рангом, ролью, своей собственностью, своим выживанием и возрождением на земле в одном из своих потомков, наделенном теми же местом в иерархии, именем, званием, правами и функциями.

Северо-запад Америки

Тщательному анализу в связи с теми же фактами следовало бы подвергнуть и другую группу американских племен – племена северо-запада Америки. Британскому Королевскому антропологическому обществу и Британской ассоциации принадлежит честь быть инициаторами всестороннего анализа их институтов, начатого великим геологом Доусоном и столь хорошо продолженного, если не завершено, в выдающихся трудах Боаса и его индейских помощников Ханта и Тейта, в трудах Сепира, Свэнтона, Барбо и т. д.

Здесь также, хотя и в иных, но по природе и функциям одинаковых терминах, встает та же проблема: имени, социального положения, юридического и религиозного "первородства" каждого свободного мужчины и тем более каждого знатного и принца.

Возьму в качестве отправного пункта наиболее изученное из этих важных обществ – квакиютлей и ограничусь некоторыми замечаниями.

Одно предупреждение: как в связи с пуэбло, так и в связи с индейцами северо-запада не следует иметь в виду ничего первобытного.

Прежде всего часть этих индейцев, а именно северные: тлинкиты и хайда, говорят на языках, которые, по мнению Сепира, различаются по тону и родственны языкам, происходящим от корня, обычно называемого прото-сино-тибето-бирманским. Если позволите поделиться моими впечатлениями этнографа, хоть и не кабинетного, но, во всяком случае, "музейного", я опишу очень живое воспоминание о показе квакиютлей уважаемым Патнэмом, одним из основателей этнологического отдела Американского музея естественной истории. Целое большое церемониальное судно с манекенами в натуральную величину, со всем религиозным и правовым оснащением изображало хаматсе, принцев-каннибалов, приплывших морем на ритуал, наверняка брачный. Своими роскошными одежаниями, коронами из коры красного кедра, своими славными экипажами, одетыми чуть менее богато, они создали у меня точное впечатление о том, каким мог быть, например, Северный Китай в глубокой, самой глубокой древности. Думаю, что это судно, это несколько романтизированное изображение, больше не существует, в наших этнографических музеях оно уже вышло из моды. Но это неважно, оно произвело впечатление, по

крайней мере, на меня. Даже лица индейцев живо напоминают мне лица "палеоазиатов" (называемых так потому, что неизвестно, куда отнести их языки). И, отталкиваясь от этой точки цивилизации и заселения, надо учесть еще длительные и многочисленные эволюции, революции, новые формации, которые наш дорогой коллега Франц Боас стремится описать, может быть, несколько поспешно.

Как бы то ни было, все эти индейцы, в частности квакиютли, установили³²⁵ у себя целую социальную и религиозную систему, где в бесконечном обмене правами, поставками, имуществом, танцами, церемониями, привилегиями, рангами одновременно с социальными группами удовлетворяют свои потребности личности. Мы очень ясно видим здесь, как в соответствии с классами и кланами распределяются "человеческие личности", а затем, в зависимости от последних, распределяются действия актеров в драме. Здесь все актеры (теоретически все) – свободные люди. В данном случае драма выходит за эстетические рамки: она является религиозной и в то же время космической, мифологической, социальной и личной.

Прежде всего, как и у зуны, все индивиды в

любом клане имеют имя, даже два имени на каждый сезон: мирское (лето) (WiXsa) и священное (зима) (LaXsa). Эти имена распределены между разделенными семьями, "тайными обществами" и кланами, сотрудничающими в обрядах в ту пору, когда вожди и семьи сталкиваются в бесчисленных и бесконечных *потлачах*, представление о которых я попытался дать в другом месте. Каждый клан имеет два полных набора своих имен собственных или, точнее, своих личных имен: один – для повседневного употребления, другой – тайный, но сам по себе не простой, так как имя индивида, особенно знатного человека, меняется с возрастом и функциями, выполняемыми в связи с этим возрастом³²⁶. Вот что говорится в одной из речей о клане орла, правда, это разновидность привилегированной группы привилегированных кланов.

"Ибо то, что они не изменяют своих имен, начинается с того [времени], когда давным-давно //Öεmaxt!ālalēε предок нумайма G.ig.îlgām of the/Qlōmoyâεyε сделал сиденья Орлов и те сошли (слетели) к нумаймам. И хранитель имени Wiltseεstala говорит: "Теперь нашим вождям дано все, и я пойду прямо вниз [согласно рангу]". Так он говорит, когда раздает собственность: ибо я

просто назову имена // одного из главных вождей нумаймов из племени квакиютлей. Они никогда не изменяют своих имен с (самого) начала, [когда первые человеческие существа жили на земле; ибо имена не могут уйти / из семьи главных вождей нумаймов, только перейти / к старшему из детей главного вождя //"].

Во всем этом действует, стало быть, не только престиж и авторитет вождя и клана, но и само одновременное существование последних и предков, которые перевоплощаются в их держателей прав и оживают в телах тех, кто носит их имена. При этом преемственность обеспечивается ритуалом на всех его фазах. Преемственность вещей и душ обеспечивается только преемственностью имен индивидов, личностей. Последние действуют только в качестве выполняющих возложенную на них функцию, и в то же время они ответственны за весь свой клан, свои семьи, свои племена. Например, ранг, власть, религиозная и эстетическая функции, танец и владение, *paraphernalia* и медь в форме щита, настоящие медные "экю", необычные деньги теперешних и будущих потлачей, завоевываются в результате войны: достаточно убить их обладателя – или завладеть одной из принадлежностей ритуала,

одеждой, – чтобы унаследовать его имена, имущество, должности, предков, его личность – в полном смысле слова³²⁷. Так приобретаются ранги, имущество, личные права, вещи, и в то же время – их индивидуальный дух.

Весь этот огромный маскарад, вся эта драма и этот балет, усложненный экстазом, относятся как к будущему, так и к прошлому, они являются испытанием для служителя культа и доказательством присутствия в нем науалаку (там же, с. 396), первоосновы некоей безличной силы, или предка, или личного бога, во всяком случае, власти сверхчеловеческой, духовной, определяющей. Победный потлач, приобретенная медь соответствуют безошибочному танцу (ср. там же, с. 565) и успешному овладению (см. там же, с. 658, 505, 465 и др.).

Здесь невозможно развить все эти сюжеты. В качестве почти анекдота сообщу вам об одном институте, широко распространенном от нутка до тлинкитов севера Аляски, – это использование замечательных масок с двойными и даже тройными створками, открывающимися, чтобы показать два или три существа (расположенные друг над другом тотемы), которые персонифицирует носитель маски³²⁸. Вы можете увидеть такие маски, очень красивые, в

Британском музее. И все знаменитые *totem poles*, трубки из мыльного камня и прочие предметы, ставшие теперь товаром, предназначенным для туристов, прибывающих по железной дороге или морем, могут быть рассмотрены под этим углом зрения. На одной трубке, которая, по моему мнению, принадлежала хайда и к которой я отнесся без особого внимания, точно изображен молодой иницируемый в островерхой шапке, представляемый своим отцом-духом в шапке и несущий касатку, а под иницируемым, которому они подчинены по нисходящей, – лягушка, несомненно его мать, и ворон, несомненно его дед (по матери).

Мы не будем останавливаться на очень важном факте смены имен на протяжении жизни, главным образом у знати. Надо было бы показать целую серую любопытных фактов наместничества: сын (младший) временно представлен своим отцом, который на время принимает дух умершего деда; нам потребовалось бы здесь целое доказательство наличия у квакиютлей двойного наследования, женского и мужского, и системы чередующихся и смещаемых поколений.

Кроме того, весьма примечательно, что у квакиютлей (и их ближайших родственников:

хейлтсуков, белла кула и др.), каждый момент жизни обозначается, персонифицируется новым именем, новым титулом ребенка и взрослого (мужчины и женщины). Затем он получает имя как воин (естественно, это не относится к женщинам), как принц или принцесса, как вождь или жена вождя; имя для праздника, устраиваемого мужчинами и женщинами, и для особого принадлежащего им церемониала. Он получает имя для пожилого возраста: общества тюленей (пенсионеры, живущие без экстатических состояний, без собственности, без ответственности, без выгоды, но только воспоминаниями о прошлом). Наконец, у них нарекаются именами "тайные общества", где они исполняют главную роль медведей, (часто по отношению к женщинам, представленным здесь своими мужьями или сыновьями, которые играют роль волков), хаматсе (каннибалов) и т. д. Имена получают также: дом вождя (с крышей, опорными столбами, дверями, украшениями, балками, окнами, двуглавой змеей), праздничные лодки, собаки. Следует добавить к перечням, представленным в "Ethnology of the Kwakiutl"³²⁹, что блюда, вилки, медные пластины – все украшено эмблемами, "оживлено", составляет часть личности собственника и его

familia, res его рода.

Мы избрали квакиютлей и вообще жителей северо-запада Америки, потому что они в действительности представляют крайние, предельные случаи, позволяющие увидеть факты лучше, чем там, где, будучи не менее существенными, они остаются еще мелкими и неразвитыми. Но следует иметь в виду, что у большей части обитателей американских прерий, в частности у сиу, существуют институты подобного рода. Так, виннебаго, исследованные нашим коллегой Радином, имеют точно такие же наборы личных имен, определяемых кланами и семьями, которые распределяют их согласно определенному порядку, но всегда в точном соответствии с чем-то вроде логического распределения атрибутов или сил и свойств³³⁰, базирующегося на мифе о происхождении клана и обосновывающего способность того или иного индивида воплощать его персонаж.

Приведем пример такого происхождения имен индивидов, которое Радин детально описывает на примере автобиографии Грохочущего Грома.

"Всякий раз, когда в нашем клане ребенку надо было дать имя, это делал мой отец. Это

право он сейчас передал моему брату.

Творец мира вначале послал четырех человек сверху, и когда они прибыли на эту землю, все, что с ними происходило, было использовано для создания собственных имен. Так говорил нам наш отец. Поскольку они прибыли сверху, постольку отсюда возникло имя Приходящий Сверху, а поскольку они прибыли как духи, у нас есть имя Дух-человек. Когда они прибыли, шел морозящий дождь, и отсюда имена Гуляющий-в-Тумане, Приходящий-в-Тумане, Морозящий Дождь. Говорят, что, когда они прибыли к Внутреннему озеру, они приземлились на маленький куст, и отсюда имя Сгибающий Куст, а так как они опустились на дуб, существует имя Дуб. Поскольку наши предки прибыли с гром-птицами и поскольку существуют животные, вызывающие гром, у нас есть имя Тот, кто Родит Гром. Подобно этому у нас есть Ступающий Мощной Походкой, Разрушающий Землю своей Силой, Идущий с Ветром и Градом. Сверкающий во все Стороны, Единственная Вспышка Молнии, Вспышка Молнии, Шагающий среди Туч, Тот, у кого Длинные Крылья, Ударяющий по Дереву.

Гром-Птицы прилетают со страшными раскатами грома. Все на земле – животных, растения, все затопляет ливень. Страшные удары

грома раздаются повсюду. Из всего этого произошло имя, и это мое имя – Грохочущий Гром"³³¹.

Каждое из имен гром-птиц, разделяющих между собой различные моменты тотема грома, относится к тем предкам, которые постоянно перевоплощались (мы располагаем даже историей двух перевоплощений)³³². Люди, воплощающие предков, являются посредниками между тотемическим животным и духом-хранителем, и предметами, украшенными эмблемами, и обрядами клана или "великими исцелениями". И все эти имена и наследование личностей определяются откровениями и границами, о которых наследник заранее знает и которые указаны его бабушкой или другими предками. Мы обнаруживаем если и не те же, то, по крайней мере, близкие по происхождению факты почти повсюду в Америке. Можно было бы продолжить это доказательство фактами из жизни ирокезов, алгонкинов и т. д.

Австралия

Лучше ненадолго вернуться к более простым, более примитивным фактам. Вот несколько замечаний об Австралии.

Здесь клан также отнюдь не выглядит целиком сведенным к безличному, коллективному существу, к тотему, представленному видом животных, а не индивидов: людей, с одной стороны, животных – с другой³³³. В своем человеческом аспекте он является результатом перевоплощения рассеянных и непрерывно возрождающихся в клане духов (это относится к арунта, лоритья, какаду и т. д.). Даже у арунта и лоритья эти духи очень точно перевоплощаются в третьем поколении (дед – внук), в пятом, где дед и праправнук – тезки. Здесь также это результат женского наследования, пересекающегося с мужским. И, например, можно исследовать в распределении имен среди индивидов по кланам и определенным матримониальным классам (восемь классов у арунта), соотношение этих имен с вечными предками (*ратана*) по их форме в момент зачатия, по форме утробных плодов и детей, рождающихся из них, и между именами этих *ратана* и именами взрослых (являющимися, в частности, названиями функций, выполняемых

в клановых и племенных церемониях)³³⁴. Искусство всех этих распределений состоит не только в том, что оно приводит к религии, но и в том, что оно устанавливает права индивида, его место в племени и в племенных обрядах.

Кроме того, если по причинам, которые сейчас станут понятными, я говорил главным образом об обществах с постоянными масками (зуньи, квакиютли), то не надо забывать, что временные маскарады в Австралии и других местах являются просто церемониями непостоянных масок. Человек фабрикует себе многослойную личность, истинную в случае ритуала, мнимую – в случае игры. Но между раскраской лица, а зачастую и тела и одеждой или маской существует лишь различие в степени и нет различия в функции. И в одном, и в другом случае все ведет к экстатическому представлению предка.

Впрочем, присутствие или отсутствие маски – это скорее черты, так сказать, социального, исторического, культурного произвола, чем фундаментальные черты. Так, у киваи, папуасов острова Киваи, есть великолепные маски, не уступающие даже маскам тлинкитов Северной Америки, в то время как у их довольно близких соседей, маринд-аним, фактически есть лишь

одна очень простая маска, но при этом в великолепных праздниках братств и кланов участвуют люди, украшенные с ног до головы и по этой причине неузнаваемые.

На этом завершим первую часть нашего доказательства. Из нее с очевидностью следует, что громадное множество обществ пришло к понятию персонажа, роли, играемой индивидом в священных драмах, так же как и в семейной жизни. Функция уже создала формулу, существующую как в обществах весьма примитивных, так и в наших собственных обществах. Такие институты, как "пенсионеры-тюлени" у квакиютлей, как обычай арунта, относящих к малозначительным людям того, кто не может больше танцевать, "кто потерял свою *кабару*", совершенно типичны.

Другая точка зрения, от которой я по-прежнему несколько абстрагируюсь, – это представление о перевоплощении некоего числа духов, частично поименованных, в соответствующее число индивидов. И тем не менее! Б. и Ч. Г. Селигман с полным основанием опубликовали материалы Дикона, наблюдавшего это явление в Меланезии. Раттрей наблюдал это в связи с ашантийским *нторо*³³⁵. Надо отметить, что Маупойл нашел в этом один из наиболее

важных элементов культа Фа (Дагомея и Нигерия). Но все это я оставляю в стороне.

Перейдем от понятия персонажа к понятию личности и "я".

Глава III

Латинская *persona*

Известно, до какой степени укоренилось и стало классическим латинское понятие *persona*: маска, трагическая маска, ритуальная маска и маска предка. Оно проявилось еще на заре латинской цивилизации.

Мне необходимо показать, как оно стало нашим собственным понятием. Пространство, время и различия, разделяющие его происхождение от теперешнего состояния, велики. Исторически эволюции и революции выстраиваются друг над другом в соответствии с хронологией, благодаря явным причинам, которые мы сейчас опишем. Эта категория духа то становилась зыбкой, то обретала глубокие корни.

Даже среди очень больших и древних обществ, первыми осознавшими ее, два общества ее, так сказать, изобрели, но лишь затем, чтобы почти окончательно разрушить, и все это происходило начиная с последних веков до нашей эры. Этот поучительный пример предоставляют нам брахманическая и буддийская Индия и древний Китай.

Индия

Индия мне представляется самой древней цивилизацией, обладавшей понятием индивида, его сознания, "я", как я это называю; это – *ахамкара*, "выработка" "я". Оно обозначает индивидуальное сознание; *ахам* = "я" (это то же индоевропейское слово, что и *ego*). Слово *ахамкара*, очевидно, представляет собой технический термин, выработанный какой-нибудь школой мудрых провидцев, находящихся выше всяких психологических иллюзий. *Самкхья*, школа, вероятно непосредственно предшествовавшая буддизму, утверждает составной характер вещей и духов (*самкхья* буквально означает "состав") и считает, что "я" есть нечто иллюзорное. Буддизм же в начале своей истории постановил, что "я" – лишь соединение, делимое, рассекаемое на *скандхи*, и добивался его уничтожения у монаха.

Все великие школы брахманизма эпохи *упанишад*, несомненно предшествующие самой *самкхье*, как и следующим за ними двум ортодоксальным формам Веданты, говорят о пословице "провидцев", вплоть до диалога Вишну, демонстрирующего истину Ариуне в "Бхагавадгите": *тат твам аси*, что почти

буквально означает "that you are" – "ты есть это (вселенная)". Даже позднейший ведический ритуал и его комментарии были уже пронизаны этой метафизикой.

Китай

О Китае я знаю только то, чему мой коллега и друг Марсель Гране любезно согласился меня научить. Нигде еще и сегодня в большей мере не принимается в расчет индивид, особенно его социальное бытие, нигде он не классифицируется более активно. Великолепные работы Гране открывают нам в древнем Китае силу и величие институтов, близких институтам северо-запада Америки. Порядок рождений, ранг и игра социальных классов фиксируют имена, форму жизни индивида или, как говорят, его "лицо" (это выражение начинает распространяться и у нас). Его индивидуальность – это его *мин*, его имя. Китай сохранил архаические понятия. Но в то же время он отобрал у индивидуальности все признаки постоянства и неразложимости. Имя, *мин* – это коллектив, это нечто, доставшееся от других: это имя носил соответствующий предок, и оно так же перейдет к потомку нынешнего носителя. И когда философствовали, когда в некоторых метафизиках пытались выразить, что это такое, об индивиде говорили, что он смесь, состоящая из *шен* и *куэй* (еще два коллектива) в течение этой жизни. Даосизм и буддизм затем еще прошли через это, и понятие личности

больше не развивалось.

Другие нации познали или восприняли идеи того же рода. Те из них, которые сделали из человеческой личности целостную сущность, независимую от всякой другой, кроме Бога, редки.

Наиболее важной из них является римская. Именно там, в Риме, на наш взгляд, возникла эта сущность.

Глава IV

Persona

В противоположность индусам и китайцам римляне, или, лучше сказать, латиняне, вероятно, частично установили понятие личности, название которой осталось латинским. С самого начала мы оказываемся перед теми же системами фактов, что и предшествующие, но уже в новой форме: "личность" (*personne*) больше, чем факт организации, больше, чем имя или право на персонаж я ритуальную маску, она — фундаментальный факт права. В праве, говорят юристы, существуют только *personae*, *res* и *actiones*; этот принцип управляет еще разделением наших кодексов. Но этот результат — факт специфической эволюции римского права. Вот как, не без некоторой дерзости, я мог бы представить себе эту историю³³⁶. Несомненно, изначальный смысл слова — это только "маска". Разумеется, объяснение латинских этимологов, согласно которому *persona* происходит от *per/sonare* — названия маски, которая служит резонатором, усиливающим голос (актера), было придумано позднее (хотя и проводят различие между *persona* и *persona muta*, немой

персонажем драмы и пантомимы). В действительности же это слово, вероятно, даже не от латинского корня; его происхождение считают этрусским, так же как и другие существительные на = *na* (*Porsenna*, *Caecina* и др.). Мейе и Эрну (*Dictionnaire Etymologique*) сопоставляют его с плохо переданным словом *farsu*, а Бенвенист говорил мне, что, возможно, оно происходит от заимствования, сделанного этрусками из греческого *πρόσωπον* (*perso*). Как бы то ни было, даже материально институт масок, и в частности масок предков, вероятно, имел основным очагом возникновения Этрурию. У этрусков была масковая цивилизация. Множество масок из дерева и обожженной глины (восковые утрачены), множество изображений спящих и сидящих предков, найденных при раскопках на территории обширного Тирренского королевства, не идут ни в какое сравнение с масками, найденными в Риме, Лациуме или в Великой Греции (впрочем, на мой взгляд, они чаще всего этрусские по фактуре).

Но если слово и институты изобрели не латиняне, то все же именно они придали им тот исходный смысл, который стал нашим собственным. Вот каким был этот процесс.

Вначале мы находим у латинян определенные

следы институтов, вроде клановых церемоний масок, живописных изображений, которыми актеры украшают себя в соответствии с носимыми именами. По крайней мере, один из значительных ритуалов древнейшего Рима точно соответствует общему типу, четко выраженные формы которого мы описали. Это ритуал *Hirpi Sorani*, волков Соракты (*Hirpi* – наименование волка на самнитском языке). *Irpini appellati nomine lupi, quem irpum dicunt Samnites; eum enit ducem secuti agros occupavere*, учит Фест (93, 25)³³⁷.

Члены семей, носивших это звание, подходили по раскаленным углям к храму богини Феронии; они пользовались различными привилегиями, освобождались от налогов. Джеймс Д. Фрэзер уже высказывал предположение, что это остаток одного древнего клана, ставшего братством и носящего имена, шкуры, маски. Но более того, вполне вероятно, что мы сталкиваемся здесь с самим мифом о Риме. *Acca Larentia*, имя старухи, матери Ларов, чествуемой на ларенталиях (декабрь), – не что иное, как *indigitamentum*, тайное имя Римской Волчицы, матери Ромула и Рема (*Ov., Fastes, I, 55* и сл.)³³⁸. Род, танцы, маски, имя, имена, ритуал. Согласен, что этот факт как бы расколот на два элемента: сохранившееся братство и миф,

повествующий о том, что предшествовало самому Риму. Но оба составляют единое целое. Исследование других римских коллегий позволило бы выдвинуть другие гипотезы. В сущности, самниты, этруски, латиняне жили еще в атмосфере, с которой мы только что расстались: *personae*, масок и имен, индивидуальных прав на обряды, привилегии.

Отсюда до понятия личности – один только шаг. Вероятно, он был сделан не сразу. Я считаю, что легенды, подобные легенде о консуле Бруте и его сыновьях, об окончании действия права отца (*pater*) убивать своих сыновей, своих *sui*, отражают обретение сыновьями *persona* даже при жизни их отца. Я думаю, что восстание плебса, полнота гражданских прав, которой добились (после сенаторских сыновей) все представители плебейской части *gentes* (родов), были решающими. Римскими гражданами были все свободные мужчины Рима. Все они обладали гражданской *persona*; некоторые стали религиозными *personae*. Некоторые маски, имена и ритуалы оставались закрепленными за определенными привилегированными семьями религиозных коллегий.

К тем же результатам приводил другой обычай, а именно присвоение родовых имен,

имен личных и прозвищ. Римский гражданин имеет право на *nomen*, *praenomen* и *cognomen*, которое присваивает ему его *gens*. Имя личное, данное при рождении, отражает, например, отношение по порядку рождения к предшественнику, носившему его: *Primus*, *Secundus*. Священное имя (*nomen* – *nimen*) принадлежит *gens*. Примеры *cognomen*, прозвища (имя, не тождественное *surname*): Насон, Цицерон и др.³³⁹. По решению сената (очевидно, не обходилось без злоупотреблений) никто не имел права присваивать себе какое-либо имя, величать себя именем никакого другого рода, кроме своего собственного. *Cognomen* имеет другую историю, в конечном счете происходит смешение *cognomen*, прозвища, которое можно носить, с *imago*, посмертной маской (Πρόσωπον) покойного предка, отлитой из воска, которые хранились в боковых помещениях семейного дома. Использование этих масок и статуй, вероятно, очень долго сохранялось только в патрицианских семьях, фактически – если и не по закону – никогда широко не распространялось среди плебса. Это скорее узурпаторы, чужаки, принимавшие *cognomina*, не принадлежавшие им. Сами слова *cognomen* и *imago*, так сказать, неразрывно связаны в почти ходячих формулах.

Вот один из фактов, на мой взгляд типичный, от которого я отталкивался во всех этих исследованиях и который я нашел, не занимаясь специально его поисками. Речь идет о Стайене, подозрительном индивиде, против которого Цицерон ведет защиту в пользу Клуенция. Приведем отрывок. *Tum appellat hilari vultu hominem Bulbus, ut placidissime potest. "Quid tu, inquit, Paete?" Hoc enim sibi Staienus cognomen ex imaginibus Aeliorum delegerat ne sese Ligurem fecisset, nationis magis quam generis uti cognomine videretur*³⁴⁰.

Пет – это *cognomen* аэлиев, на который Стайен, лигур, не имел никакого права и который он узурпировал, чтобы скрыть свою национальность и заставить поверить в несвойственное ему происхождение. Здесь перед нами – узурпация личности, фикция личности, звания, происхождения.

Один из прекраснейших, достовернейших документов, отлитая в бронзе от имени императора Клавдия (точно так же, как дошли до нас Анкирские надписи Августа) Лионская таблица (год 48), содержащая императорскую речь о сенатском решении *de Jure honorum Gallis dando*, предоставляет молодым галльским сенаторам, вновь принятым в курию, право на

"отображения" и на *cognomina* их предков. "Теперь им больше не о чем жалеть. Как Персикус, мой дорогой друг, [который был вынужден взять это чужое прозвище... из-за этого сенатского решения] и который теперь может *inter imagines majorum suorum Allobrogici nomen legere* ("выбрать себе имя Аллоброгикус среди образов своих предков)".

До конца римский сенат считал себя состоящим из определенного числа "отцов" (*patres*), представляющих личности, образы их предков.

Собственность *simulacra* (изображаемая) и *imagines* (воображаемая) (Lucret., 4, 296) является атрибутом *persona* (ср. Плиний, 35, 43 и в Дигестах 19.I,17, конец).

В ряду "искусственный персонаж", "маска" и "роль". в комедии и трагедии, в плутовстве, притворстве, чужом для "я" слово *persona* продолжало свой путь. Но основание личного характера права было заложено³⁴¹, и *persona* стала также синонимом истинной природы индивида³⁴².

С другой стороны, право на *persona* обоснованно. Только раб лишен его. *Servis non habet personam* – у него нет личности. У него нет своего тела, нет предков, имени, *cognomen*,

собственного имущества. Древнее германское право еще отличает его от свободного человека, *Leibeigen*, собственника своего тела. Но ко времени, когда были созданы правовые системы саксонцев и швабов, если тело крепостных им и не принадлежало, они владели душой, которую дало им христианство.

Но прежде чем перейти к этой теме, надо напомнить еще об одном вкладе, в котором участвовали не только латиняне, но и их греческие сотрудники, их учителя и истолкователи. Между греческими философами, римскими аристократами и юристами была воздвигнута совсем иная постройка.

Глава V

Личность: моральный аспект

Хочу уточнить: я думаю, что эта работа, этот прогресс были осуществлены главным образом благодаря стоикам, чья волюнтаристская, личностная мораль смогла обогатить римское понятие личности и сама обогатилась в то самое время, когда она обогащала право³⁴³. Я убежден, но, к сожалению, могу лишь начать доказательство того, что невозможно переоценить влияние Афинских и Родосских школ на развитие латинского морального мышления и наоборот – влияние римской действительности и потребностей воспитания молодых римлян на греческих мыслителей. Об этом свидетельствуют уже Полибий и Цицерон, а также позднее – Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет и другие.

Слово *πρόσωπον* имело точно тот же смысл, что *persona*, маска; но оно может также означать персонаж, которым каждый является и хочет быть, его характер (оба слова часто связаны между собой), подлинное лицо. Оно очень быстро, начиная со II в. до нашей эры, приобретает смысл *persona*. Точно выражая *persona* как личность, право, оно сохраняет еще

смысл многослойного образа, например, фигура на носу корабля (у кельтов и др.). Но оно обозначает также человеческую, даже божественную личность. Все зависит от контекста. Слово *πρόσωπον* распространяется на индивида в его наготе, когда сброшены любые маски. И наряду с этим сохраняется значение искусственности, значение наиболее сокровенного в данной личности и значение персонажа.

Все звучит иначе у классических латинских и греческих моралистов (II–IV вв. н. э.): *πρόσωπον* – это отныне только *persona*, и, что очень важно, в придачу к юридическому значению добавляется значение нравственное, значение существа сознательного, независимого, автономного, свободного, ответственного. Нравственное сознание вводит совесть в юридическую концепцию права. К функциям, почестям, обязанностям, правам прибавляется сознательная нравственная личность. Я высказываюсь здесь, может быть, более рискованно, но и более определенно, чем Брюнсвик, который в своей выдающейся работе "Прогресс сознания" часто касался этих вопросов (см., в частности, 1, с. 69 и сл.). С моей точки зрения, слова, обозначающие вначале сознание, затем – психологическое сознание, *συνείδησις* – *ἡ* *συνείδος* в

действительности идут от стоиков, играют техническую роль и четко выражают *consciūs*, *conscientia* римского права. Между старым стоицизмом и стоицизмом греко-латинской эпохи можно даже заметить прогресс, изменение, решающим образом осуществленное в эпоху Эпиктета и Марка Аврелия. От первоначального значения соучастника, "который видел вместе с" – σὺνοιδε, свидетеля, был осуществлен переход к значению "осознание добра и зла". Повседневно употребляясь в латинском языке, это слово перенимает наконец указанное значение у греков, у Диодора Сицилийского, у Лукиана, у Дионисия Галикарнасского, и сознание себя стало достоянием личности. Эпиктет сохраняет еще значение обоих образов, над которыми работала эта цивилизация, когда он пишет то, что цитирует Марк Аврелий: "вылепи свою маску", установи свой "персонаж", свой "тип" и свой "характер"; когда он предлагает то, к чему пришло наше исследование сознания. Значение этого момента в жизни Духа увидел Ренан.

Но у понятия личности еще отсутствовала надежная метафизическая основа. Этой основой оно обязано христианству.

Глава VI

Христианская личность

Метафизическую сущность из моральной личности извлекли христиане, осознав ее религиозную силу. Наше теперешнее понятие человеческой личности в основе своей остается христианским. Здесь мне остается лишь следовать за превосходнейшей книгой Шлоссмана³⁴⁴. Последний прекрасно проследил (вслед за другими, но лучше других) переход от понятия *persona*, человека, олицетворяющего какое-нибудь сословие, к понятию просто человека, человеческой личности.

Понятие "моральной личности", впрочем, стало настолько определенным, что уже начиная с первых дней нашей эры и ранее в Риме, во всей Империи, оно применялось ко всем "условным сущностям", которые мы до сих пор именуем "юридическими лицами", которыми стали корпорации, благотворительные фонды и пр. Вплоть до новейших конституций юридическое лицо обозначалось словом *πρόσωπον*. *Universitas* – это личность личностей, но, подобно городу, Риму, – это вещь, сущность. *Magistratus gerit personam civitatis* – хорошо сказано Цицероном

(De Off., I.34). И фон Карольсфельд очень точно сопоставляет и комментирует "Послание к галатам" (3, 28): "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно, εἰς во Христе Иисусе".

Был поставлен вопрос о единстве личности, о единстве Церкви в связи с единством Бога, εἰς. Он был решен после многочисленных дебатов. Здесь надо было бы проследить всю историю церкви (см. особенно Суида и фрагменты знаменитого Слова о Явлении святого Григория Назианзина, 39, 630, А). Спор о Троице, спор монофизитов, долго волновал умы, пока церковь не решила его, прибегнув к божественной тайне, но вместе с тем проявив полную твердость и ясность: *Unitas in tres personas, una persona in duas naturas* – окончательно утверждает Никейский собор. Триединство и Троица – это единство двух природ Христа. Именно начиная с понятия единого сложилось понятие личности – я верю, что надолго – относительно божественных личностей, но одновременно и относительно человеческой личности, субстанции и формы, тела и души, сознания и действия³⁴⁵.

Я не буду больше ни комментировать, ни продолжать эти теологические изыскания. Кассиодор завершает тем, что определенно

говорит: *persona – substantia rationalis individua* (Ps. VII), т. е. личность есть неразделимая, индивидуальная рациональная субстанция³⁴⁶.

Оставалось лишь претворить эту индивидуальную рациональную субстанцию в то, чем она стала теперь, а именно в сознание и категорию.

Это явилось результатом длительной работы философов, на описание которой у меня остается лишь несколько минут³⁴⁷.

Глава VII

Личность: психологическое существо

Приношу извинения за то, что, резюмируя некоторые собственные исследования и бесчисленные мнения, историю которых можно было бы написать отдельно, я выдвигаю больше идей, чем доказательств.

Тем временем понятие личности должно было претерпеть еще одну трансформацию, чтобы стать тем, чем оно стало менее полутора веков назад: категорией "я". Далекая от того, чтобы быть идеей изначальной, врожденной, от Адама четко зафиксированной в глубинах нашего бытия, она еще и в наше время продолжает строиться, проясняться, специфизироваться, идентифицироваться с познанием себя, с психологическим сознанием.

Вся долгая работа церкви, различных церквей, теологов, философов-схоластов, философов Возрождения, подстегнутых Реформацией, создала, пожалуй, некоторую задержку, препятствия на пути формирования идеи, которую в настоящее время мы считаем ясной. Сознание наших предков вплоть до XVII и даже до конца XVIII в. постоянно беспокоил

вопрос о том, является ли индивидуальная душа субстанцией или же поддерживается субстанцией; является ли она сущностью человека или же составляет лишь одну из двух сущностей человека; является ли она единой и неделимой или делимой и отделяемой; является ли она свободной, выступая как абсолютный источник действий, или она детерминирована и скована другими судьбами, предопределением. Люди с тревогой опрашивали себя, откуда происходит душа, кто ее создал и кто ею управляет. Но участникам споров сект, кружков, больших церковных объединений и философских школ, в частности университетских, не удалось превзойти результат, достигнутый в IV в. нашей эры. Тридентский собор успешно покончил с бесполезной полемикой по поводу личного творения каждой души.

Более того, говоря об определенных функциях души, Возрождение и Декарт, стремясь понять ее природу, обращаются к мышлению, мышлению дискурсивному, ясному, дедуктивному. Именно о ней идет речь в революционном афоризме *Cogito, ergo sum*; именно она образует оппозицию "пространства" и "мышления" у Спинозы. Рассматривается лишь одна часть сознания.

Даже Спиноза³⁴⁸ относительно бессмертия

души сохранял чисто античное представление. Известно, что он не верит в сохранение после смерти какой-либо части души, кроме той, что оживлена "интеллектуальной любовью к Богу". Он повторяет, в сущности, Маймонида, повторявшего Аристотеля (*De an.*, 408, б; ср. 430а. *Gen. An.*, II, 3, 736в). Только поэтическая душа может быть вечной, поскольку две другие души, растительная и чувственная, необходимо связаны с телом, а энергия тела не проникает в *νοῦς*. И в то же время посредством естественной оппозиции, которую хорошо прояснил Брюнсвик³⁴⁹, именно Спиноза, поскольку он выдвигал в первую очередь этическую проблему, обладал наиболее здравым взглядом на отношения индивидуального сознания с божественными вещами, более здравым, чем Декарт и даже сам Лейбниц.

Свое разрешение проблема личности, выступающей только как сознание, нашла не у картезианцев, а в других кругах. Трудно переоценить значение сектантских движений XVII–XVIII вв. для формирования политического и философского мышления. Именно в этих движениях были поставлены вопросы индивидуальной свободы, индивидуального сознания, права общаться непосредственно с

Богом, быть самому себе священником, иметь внутреннего Бога. Понятия моравских братьев, пуритан, веслианцев, пиетистов составляют основу, на которой базируется представление: личность = "я"; "я"=сознанию – и является его главной категорией.

Все это не так уж старо. Понадобился Юм, все революционизировавший (вслед за Беркли, положившим начало), чтобы сказать, что в душе существуют лишь состояния сознания, "восприятия"; но в итоге он колеблется перед лицом понятия "я"³⁵⁰ как фундаментальной категории сознания. Шотландцы лучше приспособили его идеи к новым историческим условиям.

Только у Канта это понятие обретает точную форму. Кант был пиетистом, сведенборгианцем, учеником Тетенса, слабого философа, но искусного психолога и теолога; неразделимое "я" он находил вокруг себя. Кант поставил, но не разрешил вопрос о том, является ли "я", das Ich, категорией.

Человеком, который сказал наконец, что любой факт сознания – это факт "я", человеком, обосновавшим всю науку и всю деятельность по поводу "я", был Фихте. Кант уже сделал из индивидуального сознания, из священного

характера человеческой личности, условие Практического Разума. Фихте³⁵¹ помимо этого сделал категорию "я" условием сознания и науки, Чистого Разума.

С этого времени революция в менталитетах совершилась, каждый из нас обладает своим "я", эхом Деклараций Прав, предшествовавших Канту и Фихте.

Глава VIII

Заключение

От простого маскарада – к маске, от персонажа – к личности, к имени, к индивиду и от него – к существу, обладающему метафизической и моральной ценностью, от нравственного сознания – к священному существу, от него – к фундаментальной форме мышления и деятельности – таков был проделанный путь.

Кто знает, какой прогресс Разума ожидает нас в этом направлении? Какой свет прольют на новые проблемы психология и социология, уже продвинувшиеся вперед, но нуждающиеся в дальнейшем развитии?

Кто знает, будет ли даже эта "категория", которую все мы здесь считаем прочно утвердившейся, всегда признаваться таковой? Она была сформирована только у нас и для нас. Даже ее моральная сила – священный характер человеческой личности – подвергается сомнению, и не только по всему Востоку, который не дошел до наших наук, но даже и в тех странах, где этот принцип был обнаружен. Нам предстоит защищать великие ценности, ведь вместе с нами

может исчезнуть Идея. Не будем, однако, заниматься нравоучениями.

Не следует также слишком увлекаться спекуляциями. Скажем, что социальная антропология, социология, история учат нас видеть, как "продвигается" (Мейерсон) человеческая мысль. Она достигает отчетливого выражения медленно, через века, через общества, их контакты и изменения на первый взгляд — самыми случайными путями. Будем же работать над тем, как нам понимать самих себя, чтобы усовершенствовать эту мысль и выразить ее еще лучше.

Примечания

¹ См.: *Münsterberg*. – Beitrage z. exper. Psychol., 1, 129 и др., 2, 20;

² Ср. *Bastian*. Die Welt in ihren Spiegelungen, с 11, 83; Allerlei aus Menschen- und Völkerkunde. 1886, 1, с. 18.

³ *Spencer, Gillen*. Native Tribes of Central Australia. 1899, с. 107, 217.

⁴ *Haddon*. Head Hunters, 1901, с. 103.

⁵ *Dorsey*. Siouan Sociology. – XVth Rep. of the Bureau of Amer. Ethnol., 1896, с. 203.

⁶ Древние карибы, проживающие в настоящее время на Ксингу.

⁷ Naturvolker des Central Brasiliens, 1892, с. 352.

⁸ Там же, с. 351.

⁹ *Caland*. De Wenschoffers. Amsterdam, 1901;

Hillebrandt. *Vedische Ritual Literatur*. 1896, с. 120;
Negelein Julius von. *Die Volkstümliche Bedeutung
der weissen Farbe*. – *Zeitschrift für Ethnologie*. 1901.

¹⁰ *Die Welt in ihren Spiegelungen*, с интересным атласом (1887); *Ideale Welten* (1893) и т. д.

¹¹ *Kamilaroi and Kurnai* (1880), с. 168; *Further Notes on the Australian Class Systems*. – *Journal of the Anthropological Institute* (далее: JAI), XVIII, с. 61. У Хауитта текстуально: "Это не характерно для данных племен, но встречается в местах, весьма удаленных друг от друга и, возможно, является более общим, чем думают".

¹² См. *Totemism*, с. 85, и *The Origin of Totemism*. – *Fortnightly Review*, 1899.

¹³ Эта терминология, как известно, принята не всеми авторами. Многие предпочитают употреблять слово "классы". Отсюда вытекают досадные смешения с матримониальными классами, о которых речь пойдет немного дальше. Чтобы избежать этих ошибок, каждый раз, когда наблюдатель называет классом фратрию, мы будем заменять первое слово вторым. Единство терминологии облегчит

понимание и сравнение фактов. Было бы весьма желательно, впрочем, чтобы раз и навсегда была достигнута договоренность по поводу этой столь часто употребляемой терминологии.

¹⁴ Эта схема представляет лишь ту организацию, которую мы рассматриваем как типичную. Она наиболее распространена. Но в некоторых случаях мы обнаруживаем ее только в измененном виде. В одних местах тотемические классы состоят из кланов и заменены чисто локальными группами, в других не обнаруживаются ни фратрии, ни классы. Для полноты картины следовало бы даже добавить деление на локальные группы, которое часто накладывается на предшествующие деления.

¹⁵ Notes on Some Tribes of New South Wales. –JAI, 14, с. 350. Впрочем, здесь не говорится, что речь идет только о та-та-тис. В предыдущем разделе упоминается целая группа племен.

¹⁶ Однако вполне вероятно, что речь идет о распределении по тотемическим группам, аналогичном тому, о котором пойдет речь дальше. Но это лишь гипотеза.

¹⁷ Автор использует слово "классы", которое, как мы предупредили, заменено у нас словом "фратрии", так как мы рассчитываем передать таким образом смысл текста, который, однако, не совсем ясен. Отныне мы будем заменять слово, не предупреждая читателя во всех случаях, когда не будет сомнений в понимании мысли автора.

¹⁸ *Palmer*. Notes on Some Australian Tribes. – JAI, 13, с. 300; ср. с. 248.

¹⁹ *Curr*. Australian Race, 3, с. 43.

²⁰ *Br. Smith*. The Aborigines of Victoria (1887). Vol. 1, с. 91.

²¹ *Fison and Howitt*. Kamilaroi and Kurnai, с. 168.

²² *Howitt*. Further Notes on the Australian Class System. – JAI, 18, с. 61, примеч. 3.

²³ *Curr*. Australian Race, 3, с. 27.

²⁴ Notes on Australian Message Stick. – JAI, 18, с. 326; Further Notes, – JAI, 18, с. 61, примеч. 3.

²⁵ Australian Race, 3, с. 27. Мы исправили Карра,

утверждающего, очевидно, из-за типографической ошибки, что пища, съедаемая вонгу, называется обу или вутера. Лучше, впрочем, было бы написать обу и вутера.

²⁶ *Curr. Australian Race*, 3, с. 27. Можно заметить, что каждая фратрия или класс, по-видимому, потребляет мясо животных, таким образом им предназначенных. Однако (мы еще вернемся к этому вопросу) эти животные, предназначенные фратрии или классу, обычно носят тотемический характер, и, следовательно, их поедание запрещено группам индивидов, за которыми они закреплены. Возможно, противоположный факт, сообщаемый нам о вакельбура, — это пример ритуального поедания тотемического животного относящимся к соответствующей тотемической группе? Мы не можем этого утверждать. Возможно также, что это наблюдение содержит некое ошибочное истолкование, которое всегда легко допустить в столь сложных предметах. В действительности весьма примечательно, что тотемы фратрии маллера, согласно представленным нам иллюстрациям, — это опоссум, кустарниковая индейка, кенгуру, мелкая пчела, все животные, поедание которых как раз разрешается обоим матримониальным классам

этой фратрии, т. е. каргилла и банби (ср. *Howitt. Notes on the Austr. Class Systems.* – JAI, 12, с. 45; заметка о Палмере: *Notes on Some Australian Tribes.* – JAI, 13, с. 337).

²⁷ *Howitt. On Some Australian Ceremonies of Initiation.* – JAI, 13, с. 488, примеч. 2.

²⁸ *Howitt. Notes on Australian Message Sticks.* – JAI, 18, с. 326; *Further Notes.* – JAI, 18, с. 61, примеч. 3.

²⁹ Там же. Ср. *Howitt*, там же, JAI, 18, с. 61.

³⁰ *Howitt. On Some Australian Beliefs.* – JAI, 13, с. 191, примеч. 1.

³¹ *Curr. Australian Race*, 3, с. 27: "Если черному вонгу, в одиночестве расположившемуся на стоянку, приснится, что он убил дикобраза, он верит, что назавтра увидит черного каргилла".

³² *Howitt. On Some Australian Beliefs.* – JAI, 13, с. 191, примеч. 1.

³³ *Curr. Australian Race*, 3, с. 28.

³⁴ Карр даже отмечает в данной связи, что эти животные являются тотемами, теми самими, что и предписанная пища: "Убийство приписывается какому-то члену племени, в пищевую шкалу которого включено животное, птица или пресмыкающееся... если это ромбический питон – обад, это будет обад (-человек), и останется лишь найти, кто именно был этот обад".

³⁵ *Howitt*. On Some Australian Ceremonies of Initiation. – JAI, 13, с. 438, примеч. 2. Ср. JAI, 18, илл. XIV, рис. 13.

³⁶ Примеры см.: *Howitt*, там же, с. 438.

³⁷ *Howitt*. Austral. Message Sticks.– JAI, 18, с. 326; JAI, 18, илл. XIV, рис. 25, 16, 136.

³⁸ Там же, с. 326.

³⁹ Майрхед определенно говорит, что этот способ действия применяется соседними племенами. С этой системой вакельбура, вероятно, уместно связать факты, приводимые Ротом относительно питта-питта, калькадунов, матикуди, вунамурра, соседствующих с вакельбура (Ethnological Studies among the Nord West-Central Queensland

Aborigines, 1897, с 57, 58. Ср. Proceed. R. Society Queensland, 1897). У каждого матримониального класса есть набор пищевых запретов, так что "вся пища, находящаяся в распоряжении племени, разделена между его членами (Proceedings, etc., с. 189). Возьмем, например, питта-питта. Индивиды из класса купуру не могут есть игуан, желтых динго, желтую маленькую рыбу "с костью внутри" (с. 57). Вонгко следует избегать кустарниковой индейки, бандикута, крупного сокола, черного динго, "абсолютно белой" утки и т. д.; для куркилла запретны кенгуру, ромбический питон, карп, утка-красноголовка, различные виды ныряющих птиц и т. д.; для бунбури – эму, желтая змея, определенный вид сокола, одна из разновидностей попугая. Мы сталкиваемся здесь с примером классификации, охватывающей, по крайней мере, определенную группу объектов, а именно продукты охоты. А эта классификация имеет образцом классификацию племени по четырем матримониальным классам, или "педо-матронимическим группам", как говорит наш автор. Рот, по-видимому, не исследовал, распространяется ли это деление на остальные природные объекты.

⁴⁰ Kamilaroi and Kurnai, с. 168.

⁴¹ Там же, с. 170. Ср. Бр. Смит (*Aborigines of Victoria*, 1, с. 92), который понимает и отмечает значение этого факта, о котором, говорит он, "можно многое сказать".

⁴² *Br. Smith. Aborigines of Victoria*, 1, 92. *Fison, Howitt. Kamilaroi and Kurnai*, с 168; *Lang A. Mythes, cultes, religions. Франц. пер.*, с. 132. *Frazer. Totemism*, с. 85; *The Origin of Totemism. – Fortnightly Review. 1899*, с. 849; *Curr. Australian Race. 3*, с. 462. Наше изложение опирается на работы Карра, Файсона и Хауитта.

⁴³ *Curr*, 3, с. 461.

⁴⁴ *Fison, Howitt*, с. 169.

⁴⁵ *Curr*, 3, с. 462.

⁴⁶ *Curr*, 3, с. 461.

⁴⁷ Карр прямо говорит, что это только примеры.

⁴⁸ Это выражение не должно заставлять думать, что существует иерархия между кланами. У Файсона и у Карра порядок изложения

расходится. Мы следуем за Файсоном.

⁴⁹ Названию каждого тотема предшествует префикс *бурт* или *боорт*, что значит "сухой". Мы опускаем их в перечне.

⁵⁰ Это "и т. д." означает, что перечень подчиненных объектов не ограничен.

⁵¹ Согласно Карру, это тотем индейки (*лаа*), включающий среди связанных с ним объектов некоторые съедобные корни. В этих расхождении нет ничего удивительного. Они доказывают только, что часто трудно точно определить, какой из объектов, попадающих в один класс с кланом, служит тотемом для всей группы.

⁵² Файсон говорит, что этот тотем – черный попугай. Это, несомненно, ошибка. Карр, просто копирующий данные Стюарта, говорит о белом, что, вероятно, более точно.

⁵³ Kamilaroi and Kurnai, с. 169.

⁵⁴ Kamilaroi, с. 169.

⁵⁵ Further Notes on the Australian Class System. – JAI, 18, с. 60 и сл.

⁵⁶ Видна близость этих названий с названиями кроки и кумите, используемыми племенем из Маунт-Гамбира, что доказывает аутентичность этой системы классификации, обнаруживаемой в столь удаленных друг от друга местах.

⁵⁷ *Howitt*. Australian Group Relations. – Report of the Regents of the Smithsonian Institution. 1883, с. 818.

⁵⁸ *Howitt*, там же; ср. Further Notes. – JAI, 18, с. 61.

⁵⁹ *Howitt*, там же.

⁶⁰ Australian Group Relations. – Report Reg. Smiths. Inst., 1883, с. 818.

⁶¹ Термин, который употребляют для самоназвания индивиды, составляющие это подразделение субклана, буквально означает: "Мы уведомляем друг друга" ("Further Notes", JAI, с. 61). Чтобы составить себе точное представление о сложности этой классификации,

надо прибавить сюда еще один элемент. Объекты распределены не только между кланами живых; мертвые также образуют кланы, имеющие свои собственные тотемы и, следовательно, числящиеся за ними объекты. Это так называемые посмертные тотемы. Так, когда какой-нибудь крокич из тотема *нгауи* (солнца) умирает, он утрачивает свое имя, перестает быть *нгауи* и становится *митбаграргр*, корой железного дерева (*Howitt. Further Notes. – JAI, с. 64*). С другой стороны, между тотемами живых и умерших существует зависимость. Они входят в одну и ту же систему классификации.

⁶² Мы оставляем в стороне воздействие, которое могло оказывать разделение индивидов по четко дифференцированным половым группам на разделение вещей по родам. И тем не менее главным образом там, где каждый пол имеет свой собственный тотем, это влияние, вероятно, должно быть значительным. Мы ограничиваемся указанием на этот вопрос вслед за Фрэзером (см. *Année soc, 4, с. 364*).

⁶³ *Rep. Reg. Smiths. Inst., 1883, с. 819.*

⁶⁴ См. выше замечание по поводу племени из

Маунт-Гамбира.

⁶⁵ *Howitt*. Further Notes, с. 61, 64.

⁶⁶ Report of the Regents of the Smithsonian Inst., 1883, с. 819.

⁶⁷ Предшествующий текст касается только отношений субтотема к тотему, а не тотема к фратрии. Но, очевидно, последние должны восприниматься таким же образом. Если мы не располагаем текстами, специально информирующими нас по этому вопросу, то это потому, что фратрия уже играет незначительную роль в этих племенах и занимает меньшее место в повседневной жизни.

⁶⁸ См. ранее, с. 20.

⁶⁹ Further Notes, с. 61.

В тексте здесь он называется "моивилук"; это синоним "моивук".

⁷⁰ *Howitt*, там же.

⁷¹ *Haddon*. Head Hunters. L., 1901, с. 102.

⁷² Со времени Хэддона (*Head Hunters*, с. 13; *The Ethnography of the Western Tribe of Torres Straits*, JAI, 19, с. 39) известно, что тотемизм встречается только на западных островах и не встречается на восточных.

⁷³ *Haddon*. *Head Hunters*, с. 132. Но названия, даваемые нами фратриям, Хэддоном не используются.

⁷⁴ *Haddon*, там же, с. 138. Ср. *Rivers W. H. A Genealogical Method of Collecting*. – JAI, 1900, с. 75 и сл.

⁷⁵ *Haddon*, там же, с. 171.

⁷⁶ *Hunt*. *Ethnographical Notes on the Murray Islands*. – JAI, No 5, I, с. 5 и сл.

⁷⁷ Мы считаем необходимым обратить внимание на этот факт, потому что он дает нам повод сделать одно общее замечание. Везде, где мы видим, что клан или религиозное братство осуществляют религиозно-магическую власть над различными видами объектов, правомерно спросить себя, нет ли здесь признака старинной классификации, приписывающей к данной

социальной группе эти различные виды существ.

⁷⁸ Источники по этому вопросу столь многочисленны, что мы на все не ссылаемся. Эта мифология настолько развита, что европейцы часто даже считали, что звезды – это души умерших. (см.: *Curr*, 1, с. 255, 403; 2, с. 475; 3, с. 25).

⁷⁹ On Australian Medecine Men. – JAI, 16, с. 53, примеч. 2.

⁸⁰ *Howitt*. On the Migration of die Kurnai Ancestors. – JAI, 15, с/ 415, примеч. 1. Ср. Further Notes. – JAI, 18, с. 65, примеч. 3.

⁸¹ Further Notes. – JAI, 18, с. 66.

⁸² Там же, с. 59. Ср. с. 63, примеч. 2. Они соответствуют пяти пальцам руки.

⁸³ Там же, с. 66.

⁸⁴ См. *Palmer*, JAI, 13, с. 293, 294.

⁸⁵ Индивиды, осуществляющие церемонию, должны быть главным образом из этой фратрии.

См.: *Spencer, Gillen. Native Tribes of Central Australia*, с. 561.

⁸⁶ Известно, что для арунта каждое рождение есть перевоплощение духа мифического предка (Алчеринга).

⁸⁷ *Spencer, Gillen. Native Tribes of Central Australia*, с. 564.

⁸⁸ Там же, с. 565.

⁸⁹ Там же, с. 563, в конце.

⁹⁰ Там же. с. 444.

⁹¹ См. выше, с. 17.

⁹² См. выше, с. 22.

⁹³ В этом можно убедиться, изучая списки кланов, распределенных во фратриях, приводимые Хауиттом в его *Notes on the Australian Class Systems*. – JAI, 12, с. 149; *Further Notes on the Australian*. – JAI, 18, с. 52 и сл.; *Remarks on Mr Palmer's Class Systems*. – JAI, 12, с. 385.

⁹⁴ Именно исключительно с этой точки зрения Хауитт исследовал вотьобалуков, и именно эта сегментация затруднила составление точной таблицы кланов и тотемов, создавая такое положение, при котором один и тот же вид объектов носит характер то тотема, то субтотема.

⁹⁵ *Further Notes*, с. 63 и особенно 64.

⁹⁶ *Australian Group Relations – Report Reg. Smith. Inst.*, 1883, с. 818.

⁹⁷ *Further Notes*, с. 63, 64, 39.

⁹⁸ См. далее, с. 37. Эта сегментация и обусловленные ею изменения в иерархии тотемов и субтотемов, возможно, позволяют объяснить интересную особенность таких социальных систем. Известно, что в Австралии, и частности, тотемами чаще всего являются животные, гораздо реже – неодушевленные объекты. Можно полагать, что первоначально все тотемы брались из животного мира. Но за этими исходными тотемами оказывались классифицированными неодушевленные предметы, которые в результате сегментаций в конце концов были возведены в ранг основных тотемов.

⁹⁹ Native Tribes of Central Australia. L., 1988, с. 112.

¹⁰⁰ Мы считаем полезным воспроизвести здесь этот перечень в том виде, как мы его составили. Разумеется, в нашем перечислении мы не придерживаемся никакого порядка: ветер, солнце, вода или облако (с. 112), крыса, гусеница вичетти, кенгуру, ящерица, эму, цветок хакеа (с. 116), крупный сокол, элонка (съедобный плод), разновидность манны, дикая кошка, ирриакура (вид луковицы), гусеница длиннорогой бабочки, бандикут, манна ильпирла, медовый муравей, лягушка, ягода шанкуна, сливовое дерево, рыба ирпунга, опоссум, дикая собака, большой рыжевато-серый кенгуру (с. 117 и сл.), мелкий сокол (с. 232), ромбический питон (с. 242), маленькая гусеница, большая белая летучая мышь (с. 300, 301), травяное семя (с. 311), рыба интерпитна (с. 316), смертоносная змея (с. 317), местный фазан, разновидность плода мандиниа (с. 320), крыса джербоа (с. 329), вечерняя звезда (с. 360), большая ящерица, карликовая ящерица (с. 389), карликовая крыса (с. 389, 395), семя альшантва (с. 390), другой вид карликовой крысы (с. 396), мелкий сокол (с. 397), змея окранина (с.

399), дикая индейка, сорока, белая летучая мышь, мелкая летучая мышь (с. 401, 404, 406). Имеются также кланы определенной разновидности семян и большой жужелицы (с. 411), голубей интурита (с. 410), водяного животного (с. 414), сокола (с. 416), перепелки, муравья-бульдога (с. 417), двух видов ящериц (с. 439), когтехвостого валлаби (с. 441), другой разновидности цветка хакеа (с. 444), мухи (с. 546), птицы-звонаря (с. 635).

¹⁰¹ L'Année sociologique, 5, с. 108 и сл.

¹⁰² Так, Спенсер и Гиллен не знают точно, является ли сизый голубь тотемом или вторичным тотемом (ср. с. 410 и 448). Не определена и тотемическая значимость разнообразных видов ящериц; так, мифические существа, создавшие первых людей, которые имели тотемом ящерицу, превратились в другой вид ящерицы (с. 389).

¹⁰³ С. 449.

¹⁰⁴ С. 147, 148.

¹⁰⁵ С. 283, 297, 403, 404.

106 С. 149, 150, 404.

107 С. 441.

108 Чуринги – индивидуальные эмблемы, в которых, как считается, обитают души предков, в клане лягушек несут на себе изображения камедных деревьев; церемонии, в которых представляются мифы клана, включают в себя изображение дерева и его корней (с. 145, 147, 623, 626, 670. Ср. с. 335, 344 и рис. 72, 74).

109 С. 448.

110 С. 238, 322.

111 С. 545.

112 С. 329.

113 С. 546.

114 Спенсер и Гиллен говорят только о птицах. Но на самом деле этот факт имеет более общий характер.

115 С. 448, 447.

116 С. 448, 188, 646. Заметно сходство между их названием и именем Илатипра, великого предка этого тотема.

117 С. 305. В некоторых церемониях клана вокруг "ящерицы" заставляют танцевать двух человек, представляющих двух птиц этого вида. И, согласно мифам, этот танец исполнялся уже во времена Алчеринга.

118 С. 320, ср. с. 318, 319.

119 С. 447, 448.

120 С. 448.

121 Там же.

122 Там же, с. 448, 449.

123 См.: *Mathews R. H. The Wombya Organization of the Australian Aborigines. – American Anthropologist. N. S. 1900, с. 494 и сл.*

124 В этом пункте также существует примечательная близость между этим племенем и

арунта, где тоже насчитывается восемь матримониальных классов; по крайней мере, так обстоит дело у северных арунта, а у других то же подразделение четырех первоначальных классов находится в стадии формирования. Причина этого дробления одна и та же в обоих обществах: это трансформация женской филиации в мужскую. Здесь же было показано, как эта революция реально сделала бы невозможным всякий брак, если бы четыре исходных класса не подразделились (см. *Année sociol*, 5, с. 106, примеч. 1). У чингилли, впрочем, это изменение произошло весьма своеобразно. Фратрия и, следовательно, матримониальный класс продолжают передаваться по материнской линии, только тотем наследуется от отца. Таким образом объясняется, как каждый класс одной фратрии имеет в другой соответствующий класс, включающий те же самые тотемы. Дело в том, что ребенок принадлежит к классу материнской фратрии, но имеет те же тотемы, что его отец, который принадлежит к классу другой фратрии.

¹²⁵ *Mathews R. H.* – *Proceedings of the American Philosophical Society (Philadelphia)*. Т. 37. 1898, с. 151 и сл.

126 В этом племени нет известных названий, специально обозначающих фратрии. Поэтому каждую из них мы обозначаем названиями двух ее матримониальных классов. Мы видим, что номенклатура та же, что в системе камиларои.

127 Зуны были превосходно изучены Кэшингом (Zuci Creation Myths – 13th Report of the Bureau of Amer. Ethnology of the Smiths. Instit., 1896, с. 325; Zuci Fetishes. – 2th Report, с. 945). По словам этого автора, они одновременно находятся "среди самых архаичных" и среди "самых развитых" (13th Rep., с. 325). Они превосходно владеют гончарным делом, возделывают зерновые, которые завезли к ним испанцы, занимаются рыболовством; они искусные ювелиры. В течение почти двухсот лет они поддерживали отношения с мексиканцами. В настоящее время они католики, но только внешне; они сохранили свои обряды, обычаи и верования (там же, с. 335). Они живут все вместе в пуэбло, т. е. в микрогородке, образованном фактически шестью-семью группами домов или, точнее, шестью-семью домами. Они отличаются, стало быть, чрезвычайной социальной концентрацией, заметным консерватизмом и в то же время большой способностью к адаптации и развитию.

Хотя мы и не находим у них того первобытного человека, о котором говорят нам Кэшинг и Пауэлл (13th Report, с. LVII; 2nd Report, с. XXVII), все же несомненно, что мы имеем дело с мышлением, развившимся на основе весьма первобытных принципов. История этого племени вкратце изложена Кэшингом (13th Report, с. 327 и сл.). Предлагаемая им гипотеза, согласно которой зуньи имеют двойственное происхождение, ни в коей мере не представляется нам доказанной. Обе работы Кэшинга мы будем цитировать посредством аббревиатур ZCM и ZF.

¹²⁸ 13th Report, с. LIV.

¹²⁹ *Cushing*. ZCM., с. 367 и др.

¹³⁰ 13th Report, с. 378.

¹³¹ Там же, с. 370.

¹³² 2nd Rep., с. 6, 9. Согласно Кэшингу, "степени родства, вероятно, в большой мере, если не полностью, определяются степенями сходства". В другом месте (13th Report, с. 368, 370) автору удалось, по его мнению, применить свою систему объяснения с большой точностью; однако можно

увидеть, что о зуны надо высказываться более осторожно. Мы покажем произвольный в действительности характер этих классификаций.

¹³³ *Cushing*. ZCM, с. 368–370. Почвенные семена в другом случае локализованы на юге.

¹³⁴ *Cushing*. ZCM, с. 361, 387, 388.

¹³⁵ Мы приводим эти объяснения, не отвечая за их обоснованность. Причины, определившие распределение цветов, вероятно, более сложны. Но названные здесь обоснования небезынтересны.

¹³⁶ Кэшинг утверждает, что причина – в "голубом цвете Тихого океана", но он не установил, что зуны когда-либо были знакомы с океаном.

¹³⁷ Там же, с. 367.

¹³⁸ Там же, с. 370. Родство здесь материнское; муж живет у жены.

¹³⁹ Там же, с. 368.

¹⁴⁰ Учитывая клан Центра и допуская, что он

составлял с тех пор обособленную группу вне двух фратрий по 3 клана, что сомнительно.

¹⁴¹ Текст имеет стихотворную форму, а стихотворные тексты сохраняются гораздо лучше, чем прозаические. Кроме того, не вызывает сомнений, что во время их обращения в христианство, т. е. в XVIII в., зуньи в основном имели организацию, очень близкую той, которую изучал у них Кэшинг. Большинство братств и кланов существовало в абсолютно том же виде, как можно установить с помощью имен, записанных в крестильных реестрах миссии (ZCM, с. 383).

¹⁴² ZCM, с. 418.

¹⁴³ Вполне вероятно, что со временем этот клан изменил пространственную ориентацию.

¹⁴⁴ Поскольку мы здесь только показываем, что шесть групп из трех кланов образовались посредством разделения из шести исходных кланов, мы оставляем в стороне девятнадцатый клан. Мы вернемся к нему далее.

¹⁴⁵ "Так жрецы-отцы определили, что существа и

объекты лета и пространство Юга относятся к людям юга... зимние существа и вещи зимы и пространство Севера – к людям зимы" и т. д.

¹⁴⁶ Для краткости мы пользуемся этим выражением для обозначения областей пространственной ориентации.

¹⁴⁷ ZCM, с. 371 и 387–388.

¹⁴⁸ Повсюду в Америке существует связь между теплом, особенно теплом солнца, и земледелием и врачеванием. Что касается братств, рекрутируемых в областях верха и низа, то их функции состоят в порождении и сохранении жизни.

¹⁴⁹ Нам известно, что понятие "середина" имеет относительно позднее происхождение. Середина "была найдена" в определенный момент (ZCM, с. 388, 390, 398, 399, 403, 424–430).

¹⁵⁰ ZCM, с. 369. Следующие отрывки очень показательны в данном отношении: "Они несли части четырех спрятанных вещей, соответствующих областям проживания людей"; "Они несли четыре прорицательских колеса,

соответствующих областям проживания людей" (там же, с. 423–424).

¹⁵¹ См. далее.

¹⁵² Zuni Fetishes, с. 18, 24, 25; рис. III–VI.

¹⁵³ Рассуждение, посредством которого зуни обосновывают это положение барсука, показывает, насколько эти ассоциации идей зависят от причин, совершенно далеких от внутренней природы ассоциированных объектов. Юг считается красного цвета, и говорят, что барсук относится к Югу, потому что, с одной стороны, он белый и черный, а с другой – красный цвет не является ни белым, ни черным (Zuci Fetishes, с. 17). Таковы представления, которые связываются между собой согласно логике, значительно отличающейся от нашей.

¹⁵⁴ Там же, с. 15.

¹⁵⁵ Распределение дичи между шестью хищными животными представлено во многих мифах (см. ZF, с. 16), не согласующихся между собой во всех деталях, но основанных на одних и тех же принципах. Расхождения легко объясняются

изменениями, которые произошли в пространственной ориентации кланов.

156 За исключением двух, шесть животных-фетишей точно совпадают с шестью хищными животными из мифов. Расхождение происходит просто оттого, что два вида были заменены двумя другими, которых породнили с первыми.

157 Это доказывается тем, что фетиш желтого койота, который приписан к Северу в качестве вторичного вида, тем не менее выше рангом фетиша синего койота, который относится к Западу. См. там же, с. 26, 31.

158 Существует, правда, змея, тотем Надира, которая, согласно нашим современным представлениям, является хищным животным. Но зуны так не считает. Для него хищными зверями могут считаться только те, которые снабжены когтями.

159 Там же, с. 18, 19.

160 ZCM, с. 384 и сл.

¹⁶¹ Слово *ка-ка-кве*, на наш взгляд, является древним названием ворона. Такое допущение решило бы все вопросы, связанные с этимологией этого слова и происхождением праздника *ка-ка-кве*. См. *Fewkes W. Tusayan Katchinas. – 15th Rep. Bur. of Ethn., 1897, с. 265, примеч. 2.*

¹⁶² Клан попугая, теперь единственный из области Середины, был, стало быть, первым кланом, родоначальником фратрии лета.

¹⁶³ ZSM, с. 386. Ср. с. 405, 425–426.

¹⁶⁴ Мы говорим о системе зуны, потому что именно у них она лучше и полнее всего наблюдалась. Мы не можем категорически утверждать, что у других индейцев пуэбло развитие шло так же, но мы убеждены, что исследования этих различных народов, осуществляемые в настоящее время Фьюксом, Бурком, миссис Стивенсон, Дорси, приведут к сходным результатам. Достоверно установлено, что у хопи в селении Вальпи и в селении Тусаян находят девять групп кланов, подобных тем, что мы встречали у зуны; первый клан каждой из этих групп носит то же название, что и группа в целом, — доказательство того, что такая

группировка вызвана делением первоначального клана (см. *Mindeleff. A Study of Pueblo Architecture in Tusayan and Cibola. – 8th Report of the Bureau of Ethnol., 1886– 1887; опубликовано в 1891 г., с. 12).* Эти девять кланов включают в себя бесчисленное множество субтотемов, которые, по-видимому, охватывают всю природу. С другой стороны, по отношению к этим кланам четко указываются определенные мифические местности. Так, клан гремучей змеи пришел с Запада и Севера и включает в себя определенное количество объектов, которые тем самым получают пространственную привязку: различные виды кактусов, голубей, сурков и т. д. С Востока пришла группа кланов, имеющая тотемом рог и включающая антилопу, лань, горного барана. Каждая группа происходит из четко определенной области. В то же время символика цвета точно соответствует той, которую мы наблюдали у зуни (см. *Fewkes, – 15th Report of the Bureau of Ethn., с. 267 и сл. – Ср. Mallery. Pictographs of the North Americ. Indians. – 5th Rep., с. 56).* Наконец, так же как и у зуни, хищные чудовища и дичь распределены по областям. Существует, однако, отличие, состоящее в том, что области не соответствуют странам света. CRРаспавшееся пуэбло сия, по-видимому,

сохранило очень отчетливое воспоминание об этом состоянии коллективного мышления (см. *Stevenson. The Sia – 15th Rep.*, с. 28, 29, 32, 38, 41). То, что объекты здесь были разделены сначала по кланам, а потом по областям, определенно доказывается тем, что в каждой области существует один представитель каждого божественного животного. Но в настоящее время кланы здесь существуют уже только в состоянии пережитка. CRM мы считаем, что подобные методы классификации можно найти у навахо (см. *Matthews. The Navaho Mountain Chant. – 11th Rep. 1883–1884*, с. 448–449. Ср. *Buckland A. W. Points of Contact between Old World and Customs of the Navaho Mountain Chant. – JAI, 26, 1893*, с. 349). Мы убеждены также, хотя и не можем здесь доказать это, что многие символы хуичолей (ср. далее изложение работы: *Lumholtz. Symbolism of the Huichol Indians*) и ацтеков, "этих вторых пуэбло", как сказал Морган (*Ancient Society*, с. 199), нашли бы окончательное объяснение в фактах подобного рода. Эта мысль, впрочем, была высказана Пауэллом, Маллери и Сайрусом Томасом.

¹⁶⁵ *Omaha Sociology. – 3th Rep. Bur. Ethn., 1882–1883*, с. 211 и сл.; *A Study of Siouan Cults. –*

11th Rep. 1890, с. 350 и сл.; Siouan Sociology, 15th Report, с. 205 и сл. Ср. публикации текстов тетонов (дакота), омаха и оседжей в "Contributions to North-American Ethnology", том III, часть 2 и том VI, часть 1. *Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe.* Stuttgart, 1895.

¹⁶⁶ И действительно, вообще там, где прослеживается родственная связь по мужской линии, тотемический культ ослабевает и имеет тенденцию к исчезновению (см. *Durkheim. La prohibition de l'inceste...*— *Année Sociol.*, 1, с. 23). Дорси в самом деле отмечает упадок тотемических культов (*Siouan Cults*, с. 391).

¹⁶⁷ См. *Siouan Sociology*, с. 226. Нам представляется весьма вероятным, что этот клан был кланом медведя; сейчас это название первого субклана. Кроме того, клан, соответствующий ему в других племенах сиу, — это клан медведя.

¹⁶⁸ *Omaha Sociology*, с. 236 и сл. Дорси для обозначения этих группировок пользуется словами *genies* и *subgentes*. Нам не представляется необходимым вводить новое выражение для обозначения кланов с мужской линией наследования. Это лишь разновидность

одного рода.

¹⁶⁹ Туман, несомненно, представляется в форме черепахи. Известно, что у ирокезов туман и буря относились к клану зайца. Ср. *Frazer. Origin of Totemism.* – *Fortnightly Rev.*, 1899, с. 847.

¹⁷⁰ *Fletcher A. The Significance of the Scalp-Lock (Omaha Ritual).* – *JAI*, 1898, с. 438. Это расположение соблюдается только в общих передвижениях племени (см. *Omaha Sociology*, с. 219 и сл.; с. 286, § 133. Ср. *Siouan Sociology*, с. 226).

¹⁷¹ Чтобы понять, насколько пространственная ориентация кланов независима от стран света, достаточно представить себе, что она полностью меняется в соответствии с тем, идет ли путь племени с севера на юг, с востока на запад или наоборот. Поэтому Дорси и Макги чересчур смело уподобили эту систему омаха полной классификации кланов и объектов по областям (см. *Siouan Cults*, с. 522 и сл.; *MacGee. The Siouan Indians*, с. 204).

¹⁷² *Siouan Sociology*, с. 233; ср. с. 214.

173 В церемонии кругового перемещения вокруг стран света место, с которого следует отправляться, варьирует в зависимости от клана (Siouan Cults, с. 380).

174 Siouan Sociology, ср. 220; Siouan Cults, с. 523. В этом племени есть достаточно важные субтотемы.

175 У виннебаго, где обнаруживается то же самое распределение кланов и объектов, вход находится на западе (Siouan Cults, с. 522. Ср. *Foster. Indian Record and Historical Data. – American Naturalist, 1885, с. 672–674*). Но это отличие в пространственной ориентации входа не изменяет общего вида поселения. То же самое расположение обнаруживается, впрочем, и у омаха, но не в общем собрании племени, а в частных собраниях отдельных кланов, по крайней мере некоторых. Так, в частности, происходит в клане чатада. В круге, который он образует, когда собирается, земля, огонь, ветер и вода расположены точно так же в четырех различных секторах (Siouan Cults, с. 523).

176 Есть, однако, одно племя среди сиу, где мы находим объекты, по-настоящему

классифицированные по местностям, как у зуны; это дакота. Но у этого народа исчезли кланы, а следовательно, и классификация по кланам. Это мешает отвести ей место в нашем доказательстве. См. *Siouan Cults*, с. 522, 529, 530, 532, 537. Ср. *Riggs*. *Tah-Koo – Wah-Kon* (Washington, 1885, с. 61). Классификация дакота чрезвычайно похожа на китайскую классификацию, которую мы сейчас рассмотрим.

¹⁷⁷ *Howitt*. *Australian Medecine Men*. – JAI, 16, с. 31; *Further Notes*. – JAI, 18, с. 62.

¹⁷⁸ Слово *вартвут* означает одновременно Север и ветер норд-нордвест, или теплый ветер. *Further Notes*, с. 62, примеч. 2.

¹⁷⁹ *Austr. Medecine Men*, с. 31.

¹⁸⁰ *Further Notes*, с. 62 и сл. Далее следует краткое изложение текста.

¹⁸¹ Приводим перевод туземных терминов, обозначающих кланы, насколько возможно его осуществить: 1 и 2 (*нгауи*) означает солнце; 3 (*баревум*) – погреб (?); 4 и 11 (*бачангал*) – пеликан; 5 (*вартвут-бачангал*) –

пеликан-теплый ветер; 6 (*вартвут*) – теплый ветер; 7 (*меи*) – ромбический питон; 8 и 9 (*муниа*) – кенгуру (?); 10 (*вурант*) – черный какаду; 12 (*нгунгул*) – море; 13 (*галлан*) – ядовитая гадюка.

¹⁸² В действительности сам Хауитт отмечает, что его информатор в этом пункте испытывал сомнения. С другой стороны, этот клан реально является тем же самым, что и клан 8, и отличается от него только своими погребальными тотемами.

¹⁸³ *Morgan. Ancient Society*, с. 88, 94–95; *League of the Iroquois*, с. 294 и сл.; *Smith E. A. Myths of the Iroquois*. – 2nd Rep. of Bur. Ethn., с. 114.

¹⁸⁴ *Powell. Wiandot Government*. – 2nd Rep. Bur. Ethn., с. 44.

¹⁸⁵ *Mooney*. – 8th Rep. Bur. Ethn., 1883–1884, с. 507–509.

¹⁸⁶ *Petitot. Traditions indiennes du Canada Nord-West (Bibl. des Trad. Popul., XXVI)*, с. 15 и 20. У лusher существует одна фратрия правой стороны, одна левой и одна – середины.

187 См. выше.

188 *Pfeil*. *Sydsee-Beobachtungen*, с. 28.

189 *Spencer, Gillen*. *Native Tribes*, с. 32, 70, 277, 287, 324, 501.

190 *Spencer, Gillen*, там же, с. 189.

191 Там же, с. 496. Очевидно, мы имеем здесь дело либо с началом, либо с остатками локализации кланов. На наш взгляд, это скорее остатки. Если допустить, как это пытались здесь сделать в прошлом году, что кланы были распределены между фратриями, поскольку фратрии локализованы, то кланы, вероятно, также были локализованы.

192 *Howitt*. *On Certain Australian Ceremonies of Initiation*. – *JAI*, 13, с. 441, 442. То же самое у камиларои (см. *Matthews*. *The Bora or Initiation Ceremonies of the Kamilaroi Tribes*. – *JAI*, 24, с. 414, 25, с. 322, 326).

193 Еще в Риме мы находим следы этих представлений: *mundus* означает одновременно и мир, и место, где собирались комиции.

Отождествление племени (или города) и человечества вызвано, стало быть, не столько преувеличенной национальной гордостью, сколько совокупностью представлений, делающих племя *микрокосмом вселенной*.

¹⁹⁴ В этом случае все, что выживает из прежней системы, — это приписывание некоторых способностей локальным группам. Так, у курнаи каждая локальная группа является хозяином определенного ветра, дующего, как считается, с ее стороны.

¹⁹⁵ *De Groot. The Religious System of China*, с. 319; ср. с. 982 и сл.

¹⁹⁶ Там же, с. 989.

¹⁹⁷ Там же, с. 989.

¹⁹⁸ Дело, однако, еще сложнее: в каждой из 4 областей заключены 7 созвездий; отсюда 28 китайских созвездий. (Известно, что многие ученые приписывают китайское происхождение множеству созвездий на всем Востоке.) Звездные, земные, атмосферные влияния — все участвуют в этой системе, так называемой Фэн-шуй, или

"ветра и воды". Об этой системе см.: *De Groot*. ч. 1. гл. 12 и дальнейшие ссылки.

¹⁹⁹ Там же, с. 960.

²⁰⁰ См. И-цзин, глава XVII в переводе Легга ("Sacred Books of the East", т. XVI). Мы опираемся на описание, сделанное Гроотом (с. 964). Естественно, в этих классификациях не хватает всего того, что напоминает греческую и европейскую логику. Они изобилуют противоречиями, нагромождениями. Однако вследствие этого они становятся в наших глазах еще более интересными.

²⁰¹ *De Groot*, там же, с. 956.

²⁰² *De Groot*, там же, с. 962.

²⁰³ См. ранее, с. 35.

²⁰⁴ См. *de Groot*, там же, с. 966, 973. В древнейших классических текстах они называются 10 матерями и 12 детьми.

²⁰⁵ Известно, что двенадцатикратные и шестидесятикратные деления послужили

китайцам основой для измерения небесного круга и для разделения прорицательского компаса.

206 De Groot, там же, с. 966.

207 Там же. с. 986–988.

208 Там же, с. 44, 987.

209 Мы не можем удержаться от мысли, что циклы в двенадцать делений и двенадцать лет, представленные животными, первоначально были лишь единственным и единым делением времени, одно из которых – эзотерическое, другое – экзотерическое. В одном тексте они называются "двумя дюжинами, принадлежащими друг другу"; это, по всей видимости, указывает на то, что они были единственной и единой дюжиной, по-разному обозначенной.

210 Здесь элементов вновь не более четырех: земля перестает быть элементом, становясь первоначалом. Это было необходимо, чтобы могла быть установлена арифметическая связь между элементами и двенадцатью животными. Противоречия здесь бесчисленны.

²¹¹ *Williams W.* The Middle Kingdom. II, 1899, с. 69 и сл. Уильямс, кроме того, сводит десятилетний цикл к пяти элементам, так что каждая пара десятикратного деления времени соответствует одному элементу. Вполне возможно также, что десятилетнее деление составляло часть пространственной ориентации по пяти областям, а двенадцатикратное деление пространственной ориентации входило в четыре страны света.

²¹² *Williams, I*, с. 792.

²¹³ *Joung.* The Kingdom of the Yellow Robe, 1896, с. 92. Другие авторы упоминают лишь совет прорицателей и учет циклов. См. *Pallegoix.* Description du Royaume Thai, 1, с. 253; Dictionnaire siamois-francais. Introd., с. II; *Chevillard.* Le Siam et les Siamois. P., 1889, с. 252; ср. с. 154; *De la Loubere.* Description du royaume de Siame. Amsterdam, 1714, vol. 1, с. 156; vol. 2, с. 62. Этот цикл, вероятно, имел довольно сложную историю. В Камбодже цикл использовался, как и в Китае (*Moura.* Vocabulaire francais-cambodgien, 1876, с. 15). Но ни авторы, ни своды законов не упоминают о матримониальных запретах, связанных с этим циклом (см. *Leclure A.* Codes cambodgiens. P., 1898). Вероятно, поэтому здесь

имеет место просто верование исключительно прорицательского происхождения, тем более популярное, что китайское прорицательство более употребительно в этих обществах.

²¹⁴ *Doolittle*. *Social Life of the Chinese*. 1, 1879, с. 66, 69.

²¹⁵ Там же, 2, с. 341..

²¹⁶ Там же, с. 342. Ср. *de Groot*. *Relig. Syst. of China*, I, 1, с. 106, где, по-видимому, тот же факт отмечается в другой форме.

²¹⁷ Задавались даже вопросом, не было ли прямого или косвенного заимствования одного из этих народов у другого.

²¹⁸ *Bouché-Leclercq*. *Astrologie grecque*, с. 390 и сл.; с. 316.

²¹⁹ Эпикур как раз критикует прогнозы, основанные на животных (небесных?), как базирующиеся на гипотезе о совпадении времен, направлений и событий, порождаемых божеством (*Ad Pythocl. Usener, Epicura*. с. 55, I. 13).

[220](#) *Bouché-Leclercq*, там же, с. 319, 76 и сл. Ср. *Ebers*. Die Körpertheile, ihre Bedeutung und Namen in Alt-Egypten (Abhdl. d. kgl. bauer. Akad. Hist. Kl., t. XXI, 1897, и сл.).

[221](#) Согласно Пан Ку, автору второго века, который опирается на гораздо более древних авторов. См.: *de Groot*, The Religious System of China. Часть II, 1; том IV, с. 13 и сл.

[222](#) *Usener*. Gottliche Synonymen. – *Rheinisches Museum*, t. LII, с. 357.

[223](#) Слово принадлежит Максу Мюллеру, который, впрочем, ошибочно применяет его к ранним формам брахманизма.

[224](#) См. *Barth*. The Religions of India, 1891, с. 29, 160.

[225](#) Götternamen, 1896, с. 346 и сл.

[226](#) Индусская философия изобилует соответствующими классификациями объектов, элементов, смыслов, ипостасей. Перечень главных из них с комментариями можно найти в: *Deussen*. Allgemeine Geschichte der Philosophie, 1,

2, с. 85, 89, 95 и т. д. Значительная часть "Упанишад" состоит в рассуждениях о генеалогиях и соответствиях.

227 Этим они очень четко отличаются от того, что можно было бы назвать технологическими классификациями. Вероятно, во все времена человек более или менее четко классифицировал объекты, которыми он питался, в соответствии со способами, применяемыми для овладения ими, например, на животных, живущих в воде, или в воздухе, или на земле. Но вначале составленные таким образом группы не связаны между собой и не систематизированы. Это деления, различения понятий, а не классификационные перечни. Кроме того, очевидно, что эти различения непосредственно вовлечены в практику и лишь выражают некоторые ее аспекты. Именно по этой причине мы не говорим о них в этой работе, где мы стремимся главным образом несколько прояснить происхождение логической процедуры, лежащей в основе научных классификаций.

228 Еще и теперь для последователей многих культов продукты питания прежде всего классифицируются на два больших рода:

скромное и постное, и известно, сколько субъективного в этой классификации.

229 Де ля Грассери довольно туманно и почти без доказательств развивал идеи, достаточно близкие нашим, в своей работе "Religions comparées au point de vue sociologique", гл. III.

230 То, что понятно у римлян и даже у зуньи, менее понятно у жителей острова Пасхи и называется у них Те Пито-те Хенуа ("пуп земли"); но идея повсюду вполне естественна.

231 Journal de psychologie, 1920; ср.: "Le rire".— Journal de psychologie, 1921, с. 47; "Le langage du rire".

232 Der Trdnengruss der Indianer. Lpz.. 1907. Ср.: *Durkheim* в *Année sociologique*, 11, с. 469.

233 Représentation collective de la mort. — *Année sociologique*, 10, с. 18 и сл.

234 Formes élémentaires de la vie religieuse, с. 567 и сл.

235 Introduction to the History of Religion, с. 46 и сл.

Д. Д. Фрээр (The Belief in Immortality and the Worship of the Dead, 1913, с. 147) хорошо понимает, что эти обряды регулируются обычаем, но в конечном счете дает им чисто анимистическое и интеллектуалистское объяснение.

²³⁶ Ср. *Fauconnet. La responsabilitй*, 1920, с. 236 и сл.

²³⁷ О *kou* см.: *Roth*, с. 17, примеч. 65, с. 27, примеч. 150 и т. д. Слово *kou* обозначает либо злой дух, либо совокупность злых духов, включая колдунов и демонов. Ср. там же, с. 33, примеч. 161, *a Koi, Koi, the Koi*.

²³⁸ Примеры: очень красивое описание одного из этих сеансов на западе Виктории. *Dawson. Aborigines of South Austr.*, с. 663; Юин (восточная часть Нового Южного Уэльса). *Howitt. South Eastern Tribes*, 422. Это лишь старые, давно засвидетельствованные факты.

²³⁹ Примеры этого ритуала встречаются от мыса Бедфорд (Сев. Квинсленд), у кокойимидир (см.: *Roth, Bulletin 9*, с. 378, 383, 185 – "being dragged by the corpse's spirit" ["влекомые духом

покойника"]]. Ср. Grammar of the Kokoyimidir Language, с. 33 – "рассказ о женщине, не верящей в то, что она запрещает") до юга Австралии: *Wyatt. Encounter Bay Tribes. – Woods. Tribes of Southern Australia*, с. 164–165; ср. с. 178; особ. см. *Wunna Wunna. В Центральной Австралии: Gason. Dieyerries, – Curr. Australian Race*, II, с. 62, и т. д. Он засвидетельствован также в Новом Южном Уэльсе (*Fraser. Aborigines*, с. 83; *Bonney, Customs* и т. д. *Darling R. – Journal of the Anthropological Institute*, 1882, с. 134) и даже на побережье (Форт Стефенс) : *Scott W. – Howitt. South Eastern Tribes*, с. 465.

²⁴⁰ Так, Таплина (*Narrinyerri*, с. 21) почти текстуально повторяют Рот (*Bulletin 9*, 462), Спенсер и Гиллен (*Native Tribes of Central Australia*, с. 540), Эйльман (*Eingeborenen*, с. 114, 233).

²⁴¹ *Roth. – Bull. 9. с. 15. Tom Petrie. Reminiscences* (племя из района Брисбена), с. 59; ср. *Roth. – Bulletin*, с. 400.

²⁴² *Petrie. Reminiscences*, с. 29; *Mathew. Two Representative Tribes (Kabi)*, с. 142.

243 *Spencer and Gillen. Northern Tribes of Central Australia*, с. 520 (ср. аналог. у диери); *Howitt. South Eastern Tribes*, с. 446.

244 О зятях, воющих при получении имущества покойного (варрамунга), см.: *Spencer, Gillen. Northern Tribes*, с. 522. Ср.: *Spencer. Tribes of Northern Territory*, с. 147 – относительно примечательного факта ритуальных и межплеменных экономических поставок в связи со смертью у какаду севера Австралии. Демонстрация печали и стала чисто экономическим и юридическим делом.

245 Здесь нет смысла объяснять, почему женщины являются основной движущей силой погребального обряда. Вопросы эти – исключительно социологического порядка; вероятно, это разделение религиозного труда вызвано множеством факторов. Тем не менее для ясности изложения и для понимания чрезвычайной важности этих чувств социального происхождения отметим некоторые из них: 1) женщина – существо *minoris resistentiae* [с меньшей силой сопротивления], на которую возлагают и которая возлагает на себя тягостные обряды, так же как это происходит с чужаками

(ср. *Durkheim. Formes ййimentaires*, с. 572). Впрочем, она сама обычно чужая и подвергается притеснениям, которым когда-то группа подвергала всех своих членов (см. о коллективных обрядах агонии у варрамунга: *Hertz R. Reprйsentation coll...*, с. 184; ср. *Strehlow. Aranda Stdmmе...*, IV, II, с. 18, 25, где уже только женщины валятся в кучу на умершего); 2) женщина – существо, находящееся в более тесных отношениях со злыми силами: ее менструации, колдовство, проступки делают ее опасной. Ее считают в какой-то мере ответственной за смерть мужа. Можно найти текст любопытного рассказа австралийской женщины, см. *Roth. Structure of the Kokoymidir Language (Cap Bedford)*. – Bulletin 3, с. 24; ср. Bulletin 9, с. 341, неточный перевод – с. 374. Ср. *Spencer, Gillen. Native Tribes*, с. 504. 3). В большинстве племен мужчине, воину как раз запрещено кричать по любому поводу, в частности от боли, особенно при ритуальных пытках.

²⁴⁶ Вот некоторые из наиболее старых свидетельств. Относительно южной части Австралии и Виктории: *Smyth B. Aborigines of Victoria*, II, 297, I, 101, 104. Относительно западной части Нового Южного Уэльса: *Vonney*.

Tribes of N. S. Wales. – Journal of the Anthropological Institute, III, с/ 126. О нарриньери: *Taplin*. Narrinyerri Tribe, с. 20; ср. рис., с. 75; *Eylmann*. Eingeborenen, с. 240. О восточной части Нового Южного Уэльса (камиларои): *Curr*. Austr. Race, II, 318, III, с. 29. О племени Сиднея: *Collins*. – Journal.... II, 17; *Fraser*. Aborigines of N. S. W., с. 53.

²⁴⁷ Перечни этих женщин даются полностью только новейшими и лучшими из этнографов. См. *Spencer, Gillen*. Native Tribes, с. 506, 507; Northern Tribes, с. 520. Tribes of Northern Territory, с. 255 (матери, женщины определенного матримониального класса); *Strehlow*. Aranda Stamm IV, II; ср. с. 25 (лоритья).

²⁴⁸ Это следует из текстов, названных в предыдущем примечании.

²⁴⁹ Пример: *Grey*. – Journals of Discovery. II, с. 316 – старые женщины поют: "Наш младший брат" и т. д. (Зап. Австр.).

²⁵⁰ Вдова поет и плачет месяцами у тарумба. *Mathews*. Ethnological Notes. – J. Pr. Roy. Soc. NSW, 1900, с. 274. То же самое у юалайи. *Parker*

L. Euahlayi Tribe, с 93. У букуронгов Ярры, знаменитом племени из района Мельбурна, одна "dirge" ["погребальная песнь"] исполнялась женщиной в течение десяти дней траура. *Br. Smyth. Aborigines of Victoria*, I, с. 106.

²⁵¹ Пример: племя Гленормитона. *Roth. – Bulletin* 9, с. 394. Скотт Нинд (*Natives of King George Sound. – Journal of the Roy. Geogr. Soc.*, I, с. 46). один из старейших исследователей западной части Австралии, говорит, что они расчесывают и царапают себе носы, чтобы вызвать плач.

²⁵² *Narrinyerri Tribe*, с. 21. *Roth*, там же. Эйльман (*Eingeborenen* с. 114 и 233) говорит, давая, возможно, перевод своих предшественников *pflichtgemdsses Wejammern* ["оплакивать по обязанности"].

²⁵³ Грей (*Journal*, II, с. 331) говорит о племенах Вассе Ривер: "Shrill wailing, of the females... dirge... even musical, chauntes really beautiful" ("Пронзительные стенания женщин... погребальная песнь... даже музыкальная, звучит действительно красиво").

²⁵⁴ Пример: *Br. Smyth*, I, с. 101. Лангло Паркер

дает достаточно хорошее музыкальное описание, см. с. 83).

²⁵⁵ Пример: Greville Teulon (о баркинджи) в.: *Curr. Australian Race*, II, с. 204: "Невозможно услышать ничего более жалобного и музыкального". Mathews (коби) в: *Curr*, III, с. 165: рефрен здесь — крик и вдобавок одна очень музыкальная фраза: "мой брат (отец) умер".

²⁵⁶ *Fraser*, см. выше.

²⁵⁷ *Spencer, Gillen*. N. T., с. 506; ср. 504; ср. с. 222–227, где дана его неправильная орфография; смысл уточнен Штреловом, IV, II, с. 28. У какаду залива Карпентария мы знаем короткий обряд словесного заклинания души умершего. *Spencer*. North. Terr. с. 241; ср. *Вергилий*, Энеида, III, 67, 68:

Animanque sepulchro condimus et magna supremum
voce ciemus.

["...И в последний раз громогласно

Все взывают к нему, схоронив его душу в
могиле".

Пер. С. Ошерова]

²⁵⁸ *Lumholtz*. Among the Cannibals, с. 264.

²⁵⁹ *Howitt*. South Eastern Tribes, с. 159.

²⁶⁰ Пример: *Roth*. – Bulletin 9, с. 385; ср. Bull. 5, с. 15 и сл.

²⁶¹ См.: *Grey*, цит. место, II, с. 316, 317 – один из примеров наиболее длинного текста в австралийской поэзии; *L. Parker*, с. 87–88; ср. с. 72, с описанием страны, где "женщины не могут делать огонь".

²⁶² *Roth*. – Bull. 3, с. 26 – исполняемые всем племенем.

²⁶³ У малланпара: Bull. 3, с. 26, примеч. 26.

²⁶⁴ См. превосходное новейшее описание: *Strehlow*, IV, II, с. 24.

²⁶⁵ Ср. *Dumas*. Le rire, с. 47.

²⁶⁶ Некоторые случаи этого рода можно найти в хорошем перечне африканских материалов Штейнмеца (*Steinmetz*. Der Selbstmord bei den Afrikanischen Naturvölkern. – Zeitschr. f. Sozial Wiss, 1907). Отметим, в частности, самоубийства

вследствие утраты престижа, еще часто встречающиеся у нас и в Китае и столь многочисленные в древности.

²⁶⁷ Medizin der Naturvölker, с. 10–13.

²⁶⁸ Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie.

²⁶⁹ Герц отлично разобрался в большей части документов, опубликованных о Новой Зеландии до войны. Он готовил большой труд "Грех и искупление в низших обществах", введение к которому было опубликовано (Rev. de l'Hist. des Religions, 1921), а остальную часть я надеюсь восстановить благодаря сохранившимся великолепным заметкам и важным фрагментам, свидетельствующим о выдающемся произведении. Он столкнулся с этим вопросом в связи с понятием смертного греха. Я позволил себе обратиться к этим документам. Мне пришлось заняться этими фактами в связи с исследованием о происхождении веры в действенность слов в Австралии, и по этому вопросу мое рассмотрение этнографических публикаций об австралийских аборигенах также достаточно полно. Я, однако, рассматриваю

детально только незначительное число описаний, которые труднодоступны, оставляя в стороне известных авторов.

²⁷⁰ Например, *Casalis. Basulas*, с. 259.

²⁷¹ *La responsabilitй*.

²⁷² *Formes ййментaires de la vie religieuse*.

²⁷³ Леви-Брюль неоднократно исследовал эти факты под углом зрения понятия причины ("*Fonctions mentales dans les sociйtйs infйrieures*" и "*Mentalitй primitive*").

²⁷⁴ Дюркгейм и я тщательно собирали эти факты. Их перечень можно найти в книге "Элементарные формы религиозной жизни", с. 84, No 1–4; ср. с. 84, примеч. 2. Они зафиксированы главным образом в племенах центра и юга, у нарриньери, племени залива Энкау́нтер и т. д. Уточним, что в случае табу Юнбеаи (*Langloh Parker. Euahlayi Tribe*, с. 20) последний является индивидуальным тотемом, а не тотемом клана.

²⁷⁵ *Howitt. Native Tribes of South East Australia*, с. 769.

276 Этот случай мании преследования и одержимости типичен, с нашей точки зрения (ср. Самоа), так же как типичны отношения между индивидом и силами, которые могут становиться злыми и вытеснять его дух своим.

277 Там же.

278 См. описание курдаича у арунта и лоритья в работе: *Strehlow. Aranda und Loritja Stamme*, IV, II, с. 20 и др.; о магии в связи с трауром – с. 34. Случаи самоубийства у австралийцев редки. Штрелов дважды отмечает, что они неизвестны у арунта и лоритья: "Они слишком дорожат жизнью".

279 *Narrative of a Visit to the South Australian Colonies*. 1843, с. 105.

280 *Eden C. H. My wife and I in Queensland*, 1872, с. 110–111.

281 Опубликовано Ротом, см.: *Royal Geographical Society of Queensland*, 1902, с. 47, 49.

282 *Notes of a Naturalist in the district of W.*

Kimberley. Proc. Limm. Soc. of N. S. Wales, 1888, с. 654.

[283](#) Н.-Р., Australian Blacks (Lachlan River). – Australian Anthropological Journal. Science of M. 1 (I series, 1), с. 100, стб. 1.

[284](#) The Aborigines of the Tower Murray. – Royal Geographical Society of South Australia, 5, с. 13.

[285](#) *Ward A.* The Miracle of Mapoon. L., 1908 (наблюдения сделаны совместно с Хеем, сотрудником Рота).

[286](#) Там же, с. 105 (около 1850 г.).

[287](#) Letters of Victorian Pioneers.

[288](#) *Siebert.* Dieri. – Globus, XCVII, 1910, с. 47, стб. 2.

[289](#) *Newland.* Parkingi. – Roy. Geog. of S. Australia, 2, с. 126.

[290](#) *Aiston, Horne.* Savage Central Australia, 1923, с. 150, 152.

291 Native Tribes of the Northern Territory of Australia, с. 349–350.

292 Мы видим здесь проклятие, удваивающее физико-моральную санкцию табу.

293 Повторение проклятия.

294 Customs and Traditions of Aborigines of Western Australia, Roebourne, 1904, с. 6.

295 Siebert, Dieri. – Globus, 47, 1910, с. 46, стб. 2.

296 Chant de Wodampa.– Globus, 47, с. 48, стб. 1.

297 Roy. Geog. Soc. of South Australia, V, с. 43.

298 *Wornsnop*. Prehistoric Arts. – Journal of the Royal Geographical Society of South Australia, 1886, 11 (к сожалению, автор мало писал).

299 Journal of the Polynesian Society (далее – JPS), 2, с. 71, 73; Maori Race, с. 20 и сл.

300 *Hawaii*, с. 20, 191.

301 Вплоть до убийства или самоубийства,

утверждает Коленсо (см. далее).

³⁰² Резюме описания этого сознания, сделанное Коленсо (обследование, проведенное около 1840 г.), см.: Transactions of the New-Zealand Institute, 1, с. 380.

³⁰³ Causes Leading to the Extinction of the Maori. – Trans. N.-Zeal. Inst., XIV, с. 371.

³⁰⁴ *Eisdon Best. – Goldie. Maori Medi cal Lore.* Trans. N.-Z. Inst. XXXVII, с. 3; ср. XXXVIII, с. 221.

³⁰⁵ Мы видим, что они не смешивают ошибочно самоубийство и смертельную депрессию. Но не следует также искать в этом разделении, принятом среди теологов племени тухое, точности, которой в нем нет. Так, раны, полученные на войне, также являются последствием магии и греха.

³⁰⁶ *Mariner-Martin. Account of the Tonga Islands*, 2, с. 133.

³⁰⁷ (Особенно в верованиях салевао). *Turner. Samoa*, с. 50, 51. На Новой Зеландии данное

верование, по-видимому, функционирует только в санкциях, связанных с культом черепахи.

308 1, с. 109, 111.

309 (Mythe Ngai Tahu). Н. Т. (de Croiselles) in: JPS, 10, 73.

310 *Elsdon Best* (Omens). – JPS, 7, с. 13. Об этих смертях, преследованиях и т. д. см.: *White*. Maori Customs, 1864; *Goldie*. Medical Lore, с. 7.

311 О *макулу* (магии) и *пахунду* (спровоцированном грехе) см. *Tregear*. Maori Race, с. 201.

312 Племена тухое – *Elsdon Best*. Omens and Superstitions Beliefs. – JPS, с. 119 и сл. Если *атуа*, вспомогательный дух, не оказывается сильнее, он "чахнет" (*waste away*).

313 О *вакапахуну*, вынужденном грехе, когда "сознание охватывает околдованного", см.: *Elsdon Best* (Tuhoe). Maori Magic. – Transact. N. – Zeal. Institut, XXXIV, с. 81 ; Arts of War. – JPS, 11, 52.

314 О "вынужденном грехе" ("вакахехе") см.

Shortland. Traditions, с. 20.

³¹⁵ Maori Medical Lore, с. 78, 79. Сравнения берутся из работ Эндрю Лэнга "Миф, ритуал и религия" (*Lang A. Myth, Ritual, and Religion*); Аткинсона, племянника Эндрю Лэнга, относительно полинезийского факта; Файсона и одного информатора Хауитта о фиджийских и австралийских фактах; Кодрингтона о Меланезии. Голди (Goldie, с. 80) пользуется термином "танатомания" и утверждает, что число фактов бесконечно. На Гавайях один колдун, которому европеец сказал, что он тоже колдун, умер от упадка сил. На Сандвичевых островах (Гавайи) в 1847 г. во время эпидемии огромное множество людей скончалось не только от болезни, но и от страха и этой фатальной меланхолии. Эту эпидемию прозвали *окуу*, потому что люди отдавали (*окуу*) свои души и умирали. Аналогичным образом на Фиджи в случае эпидемии люди становятся неспособными спасти себя и других; говорят, что они стали *такайя*, подавленными отчаявшимися, напуганными, и потеряли всякую надежду выжить.

³¹⁶ С. 77, 81.

317 Копия, сделанная Голди (*Goldie*, с. 79), уступает как полному тексту и переводу Дэвиса (*Davis C. O. Maori Mementoes*, с. 192 (текст), с. 191 (перевод), так и особенно переводу Герца. Голди опустил воззвание к солнцу, совершенно еврипидовское по духу.

318 В другом песнопении описывается неотступное преследование животного, проникшего в плоть, на этот раз посредством магии.

319 *Shand. Moriori*. – JPS, 113, с. 79.

320 XXXII, 19, 21 (ср. там же с. 17).

321 *Le suicide*, 1897.

322 Две диссертации в *Ecole des Hautes Etudes* уже касались проблем этого рода: *Le Coeur Ch. Le Culte de la Gññiration en Guinée* (t. XLV de la *Bibliothique de l'Ecole des Hautes Etudes, Sciences Religieuse*); *Larock V. Essai sur la Valeur sacrй et la Valeur sociale des noms de personnes dans les sociйtйs infйrieures*. Leroux, 1932).

³²³ См. *Hubert, Mauss*. Мѣlanges d'Histoire des Religions, предисловие (1909).

³²⁴ Относительно соответствующих датировок различных цивилизаций, занимавших этот ареал *basket people, cliff dwellers*, обитателей *месы* и, наконец, развалин пуэбло (квадратных и круглых), см. хорошее изложение новых правдоподобных гипотез: *Roberts F. H. I.* The Village of the Great Kivas on the Zuci Reservation. – *Bulletin of American Ethnology*, p 111, 1932. Washington, с 23 и сл.; *он же*. Early Pueblo Ruins. – *BAE*, No 90, с. 9.

³²⁵ Ср.: *Davy*. Foi jurйе. P., 1922; *Mauss*. Essai sur le Don (см. наст. изд. – *примеч. пер.*). Здесь я не мог акцентировать внимание на факте "личности" (это было вне моего предмета), ее правах, обязанностях и религиозных влияниях, на наследовании имен и т. д. Ни Дави, ни я не настаивали также на том факте, что помимо обменов мужчинами, женщинами, наследствами, договорами, имуществом, ритуальными поставками потлач, особенно вначале, содержит танцы инициации и, более того, экстаз и одержимость вечными и перевоплощающимися духами. Все, даже война, сражения,

осуществляется только между носителями наследственных титулов, воплощающих эти души.

³²⁶ *Boas*. Ethnology of the Kwakiutl. – 35th Ann. Rep. of the Bureau of American Ethnology, 1913–1914. Washington, 1921, с. 431.

³²⁷ Лучшее общее изложение Боаса см.: The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. – Report of the U. S. National Mus., с. 396.

³²⁸ Последняя створка открывает если не все лицо, то, по крайней мере, рот, а чаще всего – глаза и рот (ср. там же, с. 628, рис. 195).

³²⁹ См. с. 792–801.

³³⁰ *Radin*. The Winnebago Tribe. 37th Ann. Report. Bureau of American Ethnology, V, с. 246 (имена клана буйвола и следующие для других кланов); см. главным образом распределение четырех из первых шести имен для мужчин и то же для женщин. См. другие перечни, начиная с Дорси (с. 221).

³³¹ См. тот же факт, изложенный несколько

иначе, в: *The Winnebago Tribe*, с. 194.

³³² *Radin P. Crashing Thunder (The Autobiography of an American Indian)*. N. Y., 1927, с. 41.

³³³ Формы тотемизма такого рода обнаруживаются во Французской Западной Африке и в Нигерии; при этом число ламантинов и крокодилов в той или иной реке соответствует числу людей. И, вероятно, в других местах животные индивиды исчисляются так же, как человеческие индивиды.

³³⁴ Об этих сериях имен см. нижнюю часть пяти генеалогических таблиц (у арунта). *Strehlow. Aranda Stämme. Тетрадь иллюстраций, часть V. Интересно проследить примеры с Джеррамба (Медовый Муравей) и Малбанка (носители имени героя-просветителя и основателя рода Дикой Кошки), которые множество раз вновь появляются в совершенно достоверных генеалогиях.*

³³⁵ См. *Herskovits. The Ashanti Ntoro*. – *JRAI*, 67, с. 287–296. Хороший пример возрождения имен у банту см.: *Smith E. W., Dale A. The Ila-Speaking Peoples of Northern Rhodesia*. L., Macmillan, 1920;

Ч. Г. и Б. Селигман никогда не выпускали из виду этот вопрос.

³³⁶ Социолог и историк римского права всегда стеснены тем обстоятельством, что мы не располагаем почти никакими подлинными источниками древнейшего права: только несколькими фрагментами эпохи Царей (Нума) и несколькими отрывками из Закона Двенадцати Таблиц, а кроме того – фактами, зарегистрированными очень поздно. Начало наших достоверных знаний о всем римском праве через надлежащим образом изложенные или установленные правовые тексты относится лишь к III–II вв. до н. э., даже позже. Тем не менее нам необходимо представить себе прошлое права и города. О последнем и его первоначальной истории можно прочитать книги Пиганиоля и Каркопино.

³³⁷ Ясный намек на форму тотема-волка, бога хлебных злаков Roggenwolf (герм.). Слово *hirpex* дало *herse* (ср. *Lupatum*). См. *Meillet et Rrnout*.

³³⁸ См. там же комментарии Фрэзера, а также ср. стих 453, *Акка*, причитающая над останками Рема, убитого Ромулом, – основание *Lemuria*

(зловещего праздника лемуров, душ окровавленных мертвецов) (игра слов: Remuria – Lemuria).

³³⁹ Следовало бы более развернуто изложить вопрос об отношениях в Риме между *persona* и *imago* и между *persona* и именем: *nomen*, *pranomen* и главным образом *cognomen*. Но на это практически нет времени. Личность – это *conditio*, *status*, *munus*. *Conditio* – это ранг (например, *secunda persona* Эпаминонда, вторая фигура после Эпаминондаса).

Status – это состояние гражданской жизни. *Munus* – это обязанности и почести в гражданской и военной жизни. Все это определяется именем, которое само, в свою очередь, определяется семейным и классовым положением, происхождением. Следует прочесть в "Фастах" в переводе и с превосходным комментарием Д. Д. Фрэзера отрывок, где трактуется происхождение имени Августа (II, стих 476; ср. I, стих 589) и причина того, что Октавиан Август не захотел взять имя ни Ромула, ни Квирина (*quitenet hoc nomen, Romulus ante fuit*), а взял такое, которое резюмирует священный характер всех других (ср. Frazer, к стиху 40). Мы находим здесь всю римскую теорию имени. Так же и у Вергилия:

Марцелл, сын Августа, получает имя уже при самом своем зарождении, где его "Отец" Эней его видит. Здесь также следовало бы рассмотреть *titulus*, о котором говорится в этих стихах. Эрну говорил мне, что, по его мнению, само слово, вероятно, этрусского происхождения.

Следовало бы также рассмотреть грамматическое понятие "личности", которое мы используем, *persona* (греческое грамматическое πρόσωπον).

340 Pro Cluentio, 72.

341 Другие примеры узурпации *praenomina* см.: Светоний. Нерон, 1.

342 Так, Цицерон (*ad Atticum*) говорит *naturam et personam meam* и *personam sceleris* в другом месте.

343 О морали стоиков, насколько я информирован, лучшей книгой остается *Bonhofer. Ethik der Stoa* (1894).

344 *Persona und πρόσωπον im Recht und im Christlichen Dogma*. Lpz., 1906. Анри Леви-Брюль познакомил меня с ней уже давно и тем самым облегчил мне доказательство. См. также первую

часть 1-го тома *Carolsfeld L. I., von. Geschichte der Juristischen Person.*

³⁴⁵ См. замечания Шлоссмана, там же, с. 65 и др.

³⁴⁶ См. *Concursus de Rusticus.*

³⁴⁷ Об этой истории, о революции понятия единства можно еще много говорить. См., в частности, 2-й том "Прогресса сознания" Брюнсвика.

³⁴⁸ Этика, ч. V, теорема 40. Королларий, теорема 23 и схолия; ср. с теоремой 39 и схолией, теоремой 38 и схолией, теоремой 29, теоремой 21. Понятие интеллектуальной любви идет от Леона Еврея, флорентийца и платоника.

³⁴⁹ *Progris de la Conscience*, I, с. 182 и сл.

³⁵⁰ Блондель напоминает мне об интересных замечаниях Юма, в которых тот ставит вопрос об отношении "сознание – я". "Трактат о человеческой природе". Кн. 1, гл. "О тождестве личности".

³⁵¹ *Die Thatsachen des Bewusstseins* (зимний курс –

1810–1811 гг.). Прекрасное и краткое его изложение см.: *Xavier Lyon*. Fichte et son temps. Т. 3, с. 161–169.

ОЧЕРК О ДАРЕ. ФОРМА И ОСНОВАНИЕ ОБМЕНА В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Данная работа представляет собой часть более обширных исследований. В течение ряда лет наше внимание направлено на изучение одновременно системы договорного права и системы экономических поставок между различными частями или подгруппами так называемых первобытных обществ, а также тех, которые мы могли бы назвать архаическими. Это огромный комплекс фактов, каждый из которых сам по себе очень сложен. Здесь перемешано все, что составляет собственно социальную жизнь обществ, предшествовавших нашим, вплоть до протоисторических.

В этих "тотальных" ("целостных"), как мы предлагаем их называть, социальных явлениях одновременно находят выражение разного рода институты: религиозные, юридические и моральные — и вместе с тем политические и семейные; экономические, предполагающие особые формы производства и потребления или, точнее, поставок и распределения; не говоря уже о феноменах эстетических, венчающих эти

факты, и морфологических, выражающихся в названных институтах. Из всех указанных сложнейших аспектов, из этого множества находящихся в движении социальных объектов мы хотим рассмотреть здесь только одну глубинную, но специфическую черту: добровольный, внешне, так сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер этих поставок. Они почти всегда облекались в форму подношения, великодушно вручаемого подарка, даже тогда, когда в этом жесте, сопровождающем сделку, нет ничего, кроме фикции, формальности и социального обмана, когда за этим кроются обязательность и экономический интерес. Более того, хотя мы и обозначим точно разнообразные принципы, породившие эту обязательность обмена (т. е. самого разделения общественного труда), все же из всех этих принципов мы углубленно изучим лишь один. 1 Какова юридическая и экономическая норма, заставляющая в обществах отсталого или архаического типа обязательно отвечать подарком на подарок? Какая сила, заключенная в даримой вещи, заставляет одариваемого делать ответный подарок? Такова проблема, на которой мы сосредоточим

внимание, не упуская из виду все остальные. Привлекая достаточно большое число фактов, мы надеемся ответить именно на этот вопрос и показать направление, в котором может развернуться все исследование смежных вопросов. Выяснится также, каковы новые проблемы, стоящие перед нами: те, что касаются постоянной формы договорной морали, т. е. способа, по которому и в наши дни вещное право продолжает зависеть от обязательного права; а также другие, касающиеся форм и идей, которые всегда, по крайней мере частично, направляли обмен и которые до сих пор в определенной мере замещают понятие индивидуальной выгоды.

Таким образом, мы достигнем сразу двух целей. С одной стороны, мы придем к своего рода археологическим выводам относительно природы соглашений между людьми в обществах, окружающих нас или непосредственно нам предшествовавших. Мы опишем феномены обмена и договора в тех обществах, которые вовсе не лишены, как утверждалось, экономических рынков (так как рынок — человеческий феномен, не чуждый, с нашей точки зрения, "каждому из известных обществ), но где порядок обмена отличен от нашего. Рынок в них прослеживается до возникновения института

торговцев и до их главного изобретения – денег в собственном смысле.

Мы увидим, как функционировал этот рынок до того, как были найдены, во-первых, современные, можно сказать, формы (семитская, эллинская, эллинистическая и римская) договора и продажи, а во-вторых – монетного чекана. Мы увидим, как действуют в этих соглашениях мораль и экономика. И поскольку мы установим, что мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах, поскольку мы считаем, что обнаружили здесь одну из фундаментальных основ наших обществ, мы сможем извлечь отсюда некоторые нравственные выводы относительно проблем, порожденных нашим правовым и экономическим кризисом, на чем и остановимся. Эта страница социальной истории, теоретической социологии, нравственных выводов, политической и экономической практики, в сущности, приводит нас к тому, чтобы опять в новой форме поставить старые и в то же время всегда новые вопросы.

Метод, примененный в работе

Мы пользовались методом точного сравнения. Прежде всего, мы, как и всегда, исследовали наш

предмет только в определенных, заранее отобранных ареалах: в Полинезии, в Меланезии, на северо-западе Америки, а также в некоторых важных правовых системах. Затем, естественно, мы отбирали лишь те правовые системы, где документы и проведенная филологическая работа открывали доступ к сознанию самих обществ, поскольку дело касалось терминов и понятий: это еще больше ограничило область наших сравнений. Наконец, отдельные части нашего исследования относятся к системам, каждую из которых мы стремились описывать последовательно в ее интегрированности. Мы, таким образом, отказались от такого распространенного вида сравнений, где перемешивается все и вся, где институты теряют всякий местный колорит, а источники – свой особый стиль.

Поставка. Дар и потлач

Настоящая работа составляет часть серии давних исследований архаических форм договора, проводимых Дави и мной. Здесь необходимо кратко изложить суть этих исследований.

Представляется маловероятным, чтобы как в достаточно близкую к нам эпоху, так и в

обществах, столь неудачно называемых первобытными или низшими, когда-либо существовало нечто похожее на то, что называют "естественной экономикой". Вследствие странного, но вошедшего в традицию заблуждения для доказательства существования этого типа экономики привлекали даже тексты Кука относительно обмена и меновой торговли у полинезийцев. Тех самых полинезийцев, которых мы будем здесь рассматривать, дабы показать, насколько далеки они в области права и экономики от естественного состояния.

В экономических и правовых системах, предшествовавших нашим, не установлен обмен имущества, богатства продуктов просто в форме рыночной торговли между индивидами. Сначала принимают на себя взаимные обязательства обмениваются и договариваются не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно. Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении.

Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств—лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора. Наконец, эти поставки и ответные поставки осуществляются преимущественно и добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба. Мы предложили назвать все это системой совокупных тотальных поставок. В целом наиболее чистый тип этих институтов представлен, на наш взгляд, союзом двух фратрий в австралийских или североамериканских племенах, где обряды, заключение браков, наследование имущества, правовые и экономические связи, военные и жреческие ранги — все дополняет друг друга и предполагает сотрудничество обеих половин племени. Игры, например, регулируются ими особенно тщательно. Глинкиты и хайда, два племени северо-запада Америки, хорошо выражают природу этих обычаев, говоря, что "обе фратрии проявляют друг к другу уважение".

Однако в последних двух племенах

северо-запада Америки и во всем этом регионе обнаруживается, конечно, типичная, но развитая и относительно редкая форма, этих тотальных поставок. Мы предложили назвать ее потлачем, как, впрочем, называют ее американские авторы, используя чинукское название, которое вошло в повседневный язык белых и индейцев от Ванкувера до Аляски. "Потлач" означает главным образом "кормить", "расходовать". Эти весьма богатые племена, живущие на островах, на побережье или между Скалистыми горами и побережьем, проводят зиму в непрерывном праздновании: пиршествах, ярмарках и торгах, которые одновременно являются торжественными собраниями племени. Последнее располагается на них согласно своим иерархическим братствам и своим секретным обществам, которые часто путают с братствами и с кланами; и все это – кланы, бракосочетания, инициации, сеансы шаманизма, культ великих богов, тотемов и коллективных или индивидуальных предков клана – смешивается в сложном переплетении обрядов, юридических и экономических поставок, установлений политических рангов в мужском союзе, в племени, в конфедерациях племен и даже в международном плане и. Но особенно

примечателен в этих племенах принцип соперничества и антагонизма, доминирующий во всех названных действиях. Дело доходит до сражений, до предания смерти вождей и знати, вступающих в подобное противостояние. И наряду с этим наблюдается расточительность, уничтожение накопленных богатств с целью затмить вождя-соперника вместе с его близкими (обычно имеются в виду дед, тесть, зять). Здесь имеет место тотальная поставка в том смысле, что именно весь клан через своего вождя договаривается за всех, за все, чем он обладает, и за все, что он делает. Но со стороны вождя эта поставка приобретает явно выраженную агонистическую манеру. Ей присущи черты ростовщичества и расточительства, в ней прежде всего отразилась борьба знати между собой за место в иерархии, которым впоследствии воспользуется клан.

Мы предлагаем оставить название "потлач" для такого рода института, который можно наиболее осторожно и точно, хотя и слишком длинно, назвать тотальные поставки агонистического типа.

До сих пор мы находили примеры данного института почти исключительно в племенах северо-запада и части севера Америки, в

Меланезии и в Папуа. Повсюду в других местах, в Африке, Полинезии и Малайзии, в Южной Америке, в остальной части Северной Америки, обмен между кланами и семьями, как нам представлялось, относится к более элементарному типу тотальной поставки. Однако более углубленные исследования сейчас обнаруживают довольно значительное число промежуточных форм между таким обменом с ожесточенным соперничеством и уничтожением богатств, как на северо-западе Америки и в Меланезии, и другими, с соревнованием более умеренным, в которых стороны состязаются в подарках; так мы соперничаем в наших праздничных подарках, пиршествах, свадьбах, в повседневных приглашениях и так же чувствуем себя обязанными отплатить, *revanchieren*, как говорят немцы. Мы установили существование этих промежуточных форм в индоевропейской античности, в частности у фракийцев.

Этот тип правовых и экономических отношений включает в себя самые разнообразные правила и идеи. Наиболее важный среди этих духовных механизмов, очевидно, тот, что обязывает возместить полученный подарок. Но нигде моральное и религиозное основание такого принуждения не выражено более явно, чем в

Полинезии. Исследуем же его более детально, и мы ясно увидим, какая сила толкает к тому, чтобы возместить полученную вещь и вообще выполнять вещные договоры.

Глава I

Обмениваемые дары и обязанность возмещать их (полинезия)

I. Тотальная поставка: женское имущество взамен мужского (самоа)

В исследованиях, посвященных распространению системы договорных даров, долгое время считалось, что в Полинезии не существует собственно потлача. Наиболее близкие к нему институты в полинезийских обществах воспринимались как не выходящие за рамки системы "тотальных поставок", постоянных договоров между кланами, поставляющими своих женщин, мужчин, детей, обряды и т.д. Факты, изученные нами ранее, в частности на Самоа, примечательный обычай обмена геральдическими циновками между вождями во время бракосочетания, казались не выходящими за пределы этого уровня. Элементы соперничества, разрушения, борьбы, казалось, отсутствуют, в то время как в Меланезии они существуют. Наконец, было слишком мало фактов. Теперь мы можем быть менее

осторожными в своих выводах.

Прежде всего, система договорных подарков на Самоа распространяется далеко за пределы бракосочетания; они сопровождают такие события, как рождение ребенка, обрезание, болезнь, наступление половой зрелости девушки, погребальные обряды, торговля.

Затем четко прослеживаются два существенных элемента потлача в собственном смысле: честь, престиж, мана, которую несет с собой богатство, и безусловная обязанность возмещать дары под угрозой потерять маиу – власть, талисман и источник богатства, воплощенный в самой власти. С одной стороны, как пишет об этом Тэрнер: "После праздников рождения, после получения и возврата олоа и тонга, иначе говоря, мужского и женского имущества, муж и жена оказывались не более богатыми, чем ранее. Но они испытывали удовлетворение от того, что увидели и что считали высокой честью: множество имущества, собранного по случаю рождения их сына". С другой стороны, эти дары могут быть обязательными, постоянными, без каких-либо ответных поставок, кроме порождающего их правового состояния. Так, ребенка, которого сестра (отца) и, следовательно, зять, дядя по

материнской линии, принимает для воспитания от своего брата (и зятя), даже называют тонга – "материнское имущество". Таким образом, он является "каналом, через который имущество коренной семьи (тонга) продолжает перетекать из семьи ребенка в эту семью. С другой стороны, ребенок для его родителей есть средство добиться чужого имущества (олоа), принадлежащего принявшим его родственникам в течение всего времени проживания у них ребенка". "... Это принесение в жертву (естественных связей) постоянно облегчает торговый обмен своей и чужой собственности". В целом ребенок, материнское имущество, является средством, благодаря которому имущество материнской семьи обменивается на имущество отцовской. Здесь достаточно констатировать, что, живя у своего дяди по материнской линии, он, несомненно, имеет право жить у него и, следовательно, обладает общим правом на его собственность; эта система "fosterage" представляется весьма близкой общему праву, признаваемому в Меланезии за материнским племянником на собственность его дяди. Не хватает только темы соперничества, борьбы, разрушения, чтобы существовал потлач.

Отметим, однако, эти два термина: олоа,

тонга, особое внимание обратив на второй из них. Он обозначает один из в-идов парафернального имущества¹, в частности свадебные циновки, наследуемые дочерьми, рожденными в этом браке, украшения, талисманы, которые женщина приносит с собой во вновь созданную семью с условием возмещения. В общем, по предназначению тонга — нечто вроде недвижимого имущества. Олоа в целом обозначает предметы, большей частью инструменты, принадлежащие только мужу; это главным образом движимое имущество. Этот термин сейчас применяют также по отношению к вещам, исходящим от белых.

Это, несомненно, недавнее расширение смысла. И мы можем пренебречь переводом Тэрнера: "Олоа — чужое", "тонга — свое". Он неточен и недостаточен или же безынтересен, так как он доказывает, что некоторые виды собственности, называемые тонга, больше связаны с землей, кланом, семьей и личностью, чем другие, называемые олоа.

Но если мы расширим поле нашего наблюдения, понятие тонга сразу же приобретет иной масштаб. Оно обозначает на маорийском, таитянском, танганском и мангареванском языках все, что является собственностью в прямом

смысле слова, все, что делает человека богатым, могущественным, влиятельным, все, что можно обменять, объект возмещения. Это не только сокровища, талисманы, гербы, священные циновки, идолы, но иногда также традиции, культы и магические ритуалы. Здесь мы соприкасаемся с понятием собственности-талисмана, которое, как мы уверены, свойственно всему малайско-полинезийскому и даже всему тихоокеанскому миру.

II. Дух отданной вещи (маори)

Итак, наблюдение это приводит нас к очень важной констатации. Предметы таонга, по крайней мере в теории права и религии маори, очень тесно связаны с личностью, кланом, землей: они проводники своей "маны", магической, религиозной и духовной силы. В одной пословице, к счастью обнаруженной сэром Д. Грэм и Ч. О. Дэвисом, к ним обращена мольба уничтожить человека, принявшего их. Стало быть, они содержат в себе эту силу на тот случай, если правовая обязанность, особенно обязанность возмещать, не стала бы соблюдаться.

Наш незабвенный друг Герц предвидел значение этих фактов. С присущим ему трогательным бескорыстием он отметил на карточке "для Дави и Мосса" следующий факт. Коленсо говорит: "У них было нечто вроде системы обмена или скорее наделения подарками, которые впоследствии следовало обменивать или возместить". Например, (меняют сушеную рыбу на вареную птицу, на циновки. Все это обменивается между племенами или "дружественными семьями без всяких условий".

Но Герц отметил также – я вижу (это по его

карточкам – один текст, значение которого ускользнуло от нас обоих (так как он и мне был известен).

По поводу хау, духа вещей и, в частности, духа леса и живущей в нем дичи, Тамати Ранаипири, один из лучших информаторов Элсдона Беста среди маори, совершенно случайно и неожиданно (дает нам ключ к решению проблемы. "Я расскажу вам сейчас о хау... Хау – это не дующий ветер. Никоим образом. Представьте себе, что вы обладаете определенным предметом (таонга) и даете мне этот предмет, даете без установленной платы. Мы не оформляем торговой сделки по этому поводу. Затем я даю этот предмет третьему лицу, которое то истечения: некоторого времени решает вернуть нечто в виде платы (уту), он дарит мне какую-то вещь (таонга). Но та таонга, которую он дает мне, есть дух (хау) таонги, который я получил от вас и который я дал ему. Необходимо, чтобы я вернул вам таонги, полученные мною за эти таонги (полученные от вас). С моей стороны не будет справедливо (тика) держать эти таонги у себя, независимо от того, желательны (раве) они или неприятны (кино). Я должен дать их вам, так как они представляют собой хау таонги, которую вы мне дали. Если бы я оставил эту вторую таонгу

себе, это могло бы причинить мне большое горе, даже смерть. Таково хау, хау личной собственности, хау таонги, хау леса. Кати эна (Довольно об этом)".

Этот важный текст заслуживает некоторых комментариев. Будучи чисто маорийским, изобилующий еще теологическими и юридическими неточностями, учениями "дома таинств", но временами удивительно ясный, он содержит лишь одно непонятное место: вмешательство третьего лица. Но чтобы правильно понять маорийского юриста, достаточно сказать: "Таонга и всякая личная собственность в строгом смысле слова обладают неким хау, духовной властью. Вы даете мне какой-нибудь предмет, я даю его третьему лицу; тот отдает мне другой предмет, потому что его принуждает хау моего подарка; а я обязан дать вам эту вещь, потому что надо вернуть вам то, что в действительности составляет продукт хау вашей таонги".

Такая интерпретация не только проясняет эту идею, но и выдвигает ее на одну из главенствующих позиций в маорийском праве. Обязывает в полученном "обменном" подарке именно то, что принятая вещь не инертна. Даже оставленная дарителем, она сохраняет в себе

что-то от него самого. Через нее он обретает власть над получателем, так же как, владея этой вещью, он обладает властью над вором. Ибо таонга одушевляется хау своего леса, своей местности, своей почвы; она действительно является "коренной": хау преследует всякого владельца.

Оно преследует не только первого получателя дара и даже в известных случаях третьего, но всякого индивида, которому таонга просто передана. В сущности, именно хау хочет вернуться в место своего рождения, в святилище леса и клана и к владельцу. Именно таонга или его хау, которое, впрочем, само представляется чем-то вроде индивида, неотступно следуют за чередой пользователей, пока те не возместят через пиры, угощения и подарки из своей сущности, своих таонга, своей собственности или же труда и торговли эквивалент полученному или нечто более высокой ценности, что, в свою очередь, обеспечит дарителям авторитет и власть над первоначальным дарителем, ставшим последним получателем дара. Такова, по-видимому, главная идея, управляющая на Самоа и Новой Зеландии обязательной циркуляцией богатств, дани и даров.

Данный факт проясняет наличие двух важных

систем социальных явлений в Полинезии и даже за ее пределами. Прежде всего устанавливается природа юридической связи, вызывающей передачу вещи. Мы вскоре вернемся к этому вопросу и покажем, как эти факты могут способствовать созданию общей теории обязательств. Но пока что совершенно ясно, что в маорийском праве правовая связь, связь посредством вещей – это связь душ, так как вещь сама обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь – это подарить нечто от своего "Я". Итак, теперь мы лучше представляем себе самоё природу обмена посредством даров, всего того, что мы называем тотальными поставками, а среди последних – природу "потлача". В этой системе идей считается ясным и логичным, что надо возвращать другому то, что реально составляет частицу его природы и субстанции, так как принять нечто от кого-то – значит принять нечто от его духовной сущности, от его души. Задерживать у себя эту вещь было бы опасно, смертельно, и не просто потому, что это не дозволено, но также и потому, что не только морально, но и физически и духовно эти идущие от личности вещи, эта сущность, пища, движимое и недвижимое имущество, женщины или

потомки, обряды или союзы обладают над вами религиозно-магической властью. Наконец, даваемая вещь не инертна. Будучи одушевленной, часто индивидуализированной, она стремится к возвращению в "родительский дом", как это называет Герц, или же к созданию для клана и почвы, местности, откуда она вышла, некоего эквивалента самой себя.

III. Другие темы: обязанность давать, обязанность принимать

Чтобы вполне понять институт тотальной поставки и потлача, остается найти объяснение двум другим дополняющим его моментам. Ведь тотальная поставка включает "е только обязанность возмещать полученные дары, но и две другие, столь же важные: делать подарки, с одной стороны, принимать их – с другой. Единая теория трех названных обязанностей, трех тем единого комплекса дала бы достаточно фундаментальное объяснение этой формы договора между полинезийскими кланами. Пока же мы можем указать лишь подход к трактовке предмета.

Мы легко обнаружим множество фактов, относящихся к обязанности принимать, так как клан, семья, компания, гость не вольны не просить гостеприимство, не принимать подарки, не торговать, не заключать союзы посредством обмена женщинами и родством. Даяки даже развили целую правовую и моральную систему, обязывающую людей не уклоняться от участия в трапезе, на которой они присутствуют или которую готовят.

Обязанность давать не менее важна; ее изучение сможет прояснить, как люди становились менялами. Мы можем отметить лишь несколько фактов. Отказаться дать, пригласить, так же как и отказаться взять, тождественно объявлению войны; это значит отказаться от союза и объединения. Кроме того, дают потому, что вынуждены это делать, потому, что получатель обладает чем-то вроде права собственности на все, что принадлежит дарителю. Эта собственность выражается и воспринимается как духовная связь. Так, в Австралии зять, который должен отдавать все продукты своей охоты тестю и теще, не может ничего есть в их присутствии, боясь, как бы их дыхание не отравило его еду. Ранее мы рассматривали подобные права, которыми обладают таонга племянника по женской линии на Самоа, полностью сравнимые с правами такого же племянника (вазу) на Фиджи.

Во всем этом содержится совокупность прав и обязанностей потреблять и возмещать, соответствующих правам и обязанностям дарить и принимать. Но эта неразделимая смесь симметричных и противоположных прав и обязанностей перестает казаться противоречивой, если представить себе, что существует прежде

всего сочетание духовных связей между вещами, относящимися в какой-то мере к душе, и индивидами и группами, отчасти воспринимающими себя как вещи.

И все эти институты выражают исключительно один факт, один социальный порядок, одну определенную форму сознания, а именно: все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения. Все уходит "приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределенными по рангам, полам и поколениям, происходил постоянный обмен духовного вещества, заключенного в вещах и людях.

IV. Ремарка. подарок людям и подарок богам

Четвертая тема, имеющая значение в экономике и этике – это тема подарка, вручаемого людям для богов и природы. Мы не провели общего исследования, необходимого для выявления значения данного явления. Более того, не все факты, которыми мы располагаем, относятся к очерченным нами ареалам. Наконец, мифологический элемент, который мы еще плохо понимаем, в данном случае слишком силен, чтобы мы могли от него абстрагироваться. Поэтому мы ограничимся несколькими замечаниями.

Во всех обществах северо-восточной Сибири и у эскимосов западной Аляски, так же как и у эскимосов азиатского берега Берингова пролива, потлач воздействует не только на людей, соперничающих в щедрости, не только на вещи, которые они передают друг другу или потребляют во время потлача, не только на души умерших, которые на нем присутствуют, участвуют в нем или имя которых носят люди; он воздействует также и на природу. Обмен подарками между людьми, *name-sakes* [люди, названные в честь кого-либо], тезки духов,

побуждают духов мертвых, богов, вещи, животных, природу быть "щедрыми к ним". Обмен подарками создает большие богатства, объясняют они. Нельсон и Портер дали нам хорошее описание этих праздников и их воздействия на мертвых, на дичь, китов и рыбу, на которых охотятся эскимосы. Эти праздники на жаргоне охотников-трапперов выразительно обозначают как "Зовущий праздник", часть "Приглашения к празднику". Они выходят обычно за пределы зимних поселений. Это воздействие на природу очень четко прослежено в одном из последних трудов об эскимосах.

Азиатские эскимосы изобрели даже нечто вроде особого механизма – колесо, украшенное разного рода провизией и водруженное на шесте с головой моржа на верхушке. Эта часть шеста выступает за пределы церемониального шатра, ось которого он образует. Он приводится в движение изнутри шатра с помощью другого колеса, и его вращают в направлении движения солнца. Невозможно лучше выразить тесную взаимосвязь всех этих тем.

Она очевидна также у чукчей и коряков крайнего северо-востока Сибири. У тех и других существует потлач. Но прибрежные чукчи, как и их соседи юиты, азиатские эскимосы, которых мы

только что говорили, больше всего практикуют эти обязательные и добровольные обмены дарами в процессе длительных "Thanksgiving Ceremonies", церемоний благодарственных действий, следующих одна за другой в каждом доме, особенно часто зимой. Остатки праздничного жертвоприношения выбрасываются в море или рассеиваются по ветру; они возвращаются в родные края и уносят с собой убитую за год дичь, которая вернется в следующем году. Йохельсон упоминает праздники того же рода у коряков, за исключением праздника кита, но он не присутствовал на них. У коряков система жертвоприношения весьма развита.

Богораз справедливо сближает эти обычаи с русской "колядой": ряженые дети ходят от дома к дому, прося яйца, муку, и им не смеют отказывать. Известно, что этот обычай распространен в Европе.

Взаимоотношения этих договоров и обменов между людьми, с одной стороны, и между людьми и богами – с другой, проясняют целую область теории жертвоприношения. Мы прекрасно понимаем их главным образом в тех обществах, где эти договорные и экономические ритуалы .практикуются между людьми, но где эти люди выступают часто как замаскированные,

шаманистские инкарнации, находящиеся во власти духа, имя которого они носят. Фактически они действуют только в качестве представителей духов, ибо тогда эти обмены и договоры вовлекают в свой круговорот не только людей и вещи, но и более или менее тесно связанные с ними священные существа. Это в полной мере относится к потлачу тлинкитов, к одному из двух видов потлача у хайда и к потлачу у эскимосов.

Эволюция шла естественно. Одной из первых групп существ, с которыми людям пришлось вступать в договоры и которые по природе своей были призваны участвовать в договорах, оказались духи мертвых и боги. В самом деле, именно они являются подлинными собственниками вещей и благ мира. Именно с ними было необходимее всего обмениваться и опаснее всего не обмениваться. Но в то же время обмен с ними был наиболее легким и надежным. Точный смысл и цель жертвенного уничтожения – служить даром, который обязательно будет возмещен. Все формы потлача северо-запада Америки и северо-востока Азии знакомы с этой темой уничтожения. Предают смерти рабов, жгут драгоценный жир, выбрасывают в море медные изделия и даже сжигают дома вождей не только для того, чтобы продемонстрировать власть,

богатство, бескорыстие, но и для того, чтобы принести в жертву духам и богам, в действительности смешиваемым с их живыми воплощениями, носителей их титулов, их признанных союзников.

Но появляется уже и другая тема, которая не нуждается в человеческой поддержке и, возможно, столь же стара, как и сам потлач: люди верят, что покупать надо у богов и что боги умеют возместить стоимость вещей. Вероятно, нигде эта идея не выражена более типично, чем у тораджей с острова Целебес. Круит говорит, "что собственник там должен ?покупать" у духов право совершать определенные действия со ?своей", а фактически с ?их", собственностью". Прежде чем рубить "свой" лес, даже перед тем как начать работать на "своей" земле, установить столб для "своего" дома, надо заплатить богам. Хотя вообще понятие покупки, по-видимому, очень слабо выражено в гражданском и торговом обычае тораджей, понятие покупки у духов и богов, напротив, встречается постоянно.

Касаясь форм обмена, которые мы сейчас опишем, Малиновский отмечает подобные факты на Тробрианских островах. Найдя останки злого духа, "таувау" (змею или земноводного краба), его заклинают, дарят ему ваигу'а – один из тех

ценных предметов (заключающих в себе украшение, талисман и богатство одновременно), которые используются в обменах кула. Такой дар оказывает прямое воздействие на дух этого духа. С другой стороны, вовремя праздника мила-мила, потлача в честь мертвых, оба вида ваигу'а, относящиеся к куле и те, которые Малиновский впервые называет "постоянными ваигу'а", выставляют и преподносят духам на (таком же) помосте, как у вождя. Это делает их духов добрыми. Они уносят тень этих ценных вещей в страну мертвых, где соперничают в богатствах, как соперничают живые, вернувшиеся с торжественной кулы. Ван Оссенбрюгген, который является не только теоретиком, но и замечательным наблюдателем, живущим в самом месте наблюдения, обратил внимание на еще одну черту этих институтов. Дары людям и богам преследуют также цель купить мир с теми и с другими. Таким способом устраняют злых духов и, тире, дурные влияния, даже неперсонализированные, ибо проклятие человека позволяет завистливым духам проникнуть в вас, убить вас, дурным силам – действовать, а проступки против людей ставят несчастного виновного лицом к лицу со зловещими духами и вещам.ц. Таким образом ван Оссенбрюгген

интерпретирует, в частности, разбрасывание денег свадебным кортежем в Китае и даже плату за невесту. Это интересная мысль, на основе которой выстраивается целая цепь фактов. Мы видим, что из этого может получиться набросок теории и истории договорного жертвоприношения. Последнее предполагает наличие описываемого нами вида институтов, и, наоборот, оно реализует их в полной мере, так как боги дающие и возмещающие существуют для того, чтобы давать многое взамен малого.

Вероятно, отнюдь не случайно две торжественные формулы договора: латинская *do at des* ("даю тебе, чтобы ты дал") и санскритская *dadami se, dehi me* – сохранились в религиозных текстах.

Другая ремарка: милостыня. Позднее, однако, в процессе эволюции правовых и религиозных систем люди, представляющие богов и мертвых, появляются вновь (если они вообще когда-либо переставали их представлять). Например, у хауса Судана во время созревания "гвинейской пшеницы" случаются эпидемии лихорадки; единственный способ избежать заболевания – дарить эту "пшеницу" бедным. У тех же хауса (на сей раз района Триполи) во время Великой Молитвы (Бабан Салла) дети (как в

средиземноморских и европейских обычаях) ходят по домам: "Можно войти?" – "О длинноухий заяц, – отвечают им, – и за одну косточку отплачивают". (Бедный рад заработать на богатых.) Эти дары детям и бедным нравятся мертвым. Возможно, у хауса эти обычаи имеют мусульманское происхождение или же одновременно мусульманское, негритянское и европейское, а также берберское.

Во "всяком случае, мы видим, как вырисовывается здесь теория милостыни. Милостыня является следствием морального понятия дара и богатства, с одной стороны, и понятия жертвоприношения – с другой. Щедрость обязательна, потому что Немезида мстит за бедных и богов из-за излишков счастья и богатства у некоторых людей, обязанных от них избавляться. Это древняя мораль дара, ставшая принципом справедливости: и боги и духи согласны с тем, чтобы доля, которую им выделяли и уничтожали в бесполезных жертвоприношениях, служила бедным и детям. В этой связи уместно обратиться к истории этических воззрений семитов. Первоначально арабская садака, так же как и древнееврейская цедака, представляет собой только справедливость, которая затем превращается в

милостыню. Можно даже датировать эпохой Мишны, победой "Бедных" в Иерусалиме, момент рождения учения о милосердии и милостыне, обошедшего мир вместе с христианством и исламом. Именно в это время слово цедака меняет смысл, так как оно не обозначало милостыню в Библии.

Но вернемся к нашему основному предмету: дару и обязанности возмещать дар.

Приведенные факты и комментарии имеют не только локальный этнографический интерес. Сравнение может расширить и углубить эти данные.

Итак, основные элементы потлача обнаруживаются в Полинезии, даже если там нельзя найти институт в целом: во всяком случае, обмен в форме дара там является правилом. Но выделить эту правовую тему только в маорийской или сугубо полинезийской среде не даст ничего, кроме демонстрации эрудиции. Переменим тему. Мы можем показать, что, по крайней мере, обязанность одаривать распространена гораздо шире. Мы отметим также распространение других обязанностей и докажем, что данная интерпретация применима ко многим другим группам обществ.

Глава II

Распространенность этой системы. Щедрость, честь, деньги

I. Правила щедрости. Андаманцы (N. B.)

Начнем с того, что такие обычаи обнаружены также у пигмеев – самых первобытных людей, согласно отцу Шмидту. Браун с 1906 г. наблюдал факты подобного рода среди андаманцев (Северный остров) и превосходно описал их в связи с обычаями гостеприимства между локальными группами и визитами-празднествами, ярмарками, способствующими добровольно-обязательному обмену (торговля охрой и продуктами моря в обмен на продукты леса и т.д.). "Хотя такой обмен имеет важное значение, однако, поскольку локальная группа и семья в других случаях фактически могут обходиться собственными орудиями и т. д., эти подарки не служат той же цели, что торговля и обмен в более развитых обществах. Намерения их носят прежде всего моральную окраску, подарки должны породить дружеские чувства между обоими участниками

действия, и если бы эта операция не привела "такому результату, вся она потеряла бы смысл...".

"Никто не волен отказаться от предложенного подарка. Все, и мужчины и женщины, стараются превзойти друг друга в щедрости. Происходило нечто вроде соревнования за то, кто сможет дать больше всего вещей наибольшей ценности. Подарки скрепляют брак, образуют родство между двумя парами родителей. Они придают двум "сторонам" единую сущность, и эта сущностная идентичность отчетливо выражается запретом, который впредь, начиная с момента помолвки и до конца их дней, будет подчинять себе обе группы родственников: больше они не видятся друг с другом, не разговаривают, но непрерывно обмениваются подарками. Реально этот запрет выражает и тесную близость, и страх, царящие между этими категориями взаимных кредиторов и должников. Существование такого принципа доказывается следующим: одно и то же табу, означающее одновременно тесную связь и отчужденность, устанавливается еще между молодыми людьми обоих полов, прошедшими в одно время обряд "поедания черепахи и поедания свиньи" и также обязанными всю жизнь обмениваться подарками. Подобного рода факты

встречаются также в Австралии. Браун сообщает также об обрядах встречи после долгой разлуки, об объятиях, приветственных слезах; он показывает, как обмен подарками служит их эквивалентом и как в нем замешаны и чувства и люди.

В сущности, это смесь. Души смешивают с вещами, вещи – с душами. Соединяют жизни, и соединенные таким образом люди и вещи выходят каждый из своей среды и перемешиваются. А именно в этом и состоят договор и обмен.

II. Принципы, причины и интенсивность обменов дарами (меланезия)

Меланезийцы лучше, чем полинезийцы, сохранили или развили потлач. Но наш предмет иной. Во всяком случае, они лучше, чем полинезийцы, с одной стороны, сохранили, с другой – развили всю систему даров и этой формы обмена. А поскольку у них гораздо более четко, чем в Полинезии, проявляется понятие денег, система отчасти усложняется но также и уточняется

Новая Каледония. Мы находим не только идеи, которые предстоит выделить, но даже их непосредственное выражение в характерных свидетельствах, которые Леенхардт собрал о новокаледонцах. Он начал описывать пилу-пилу и систему праздников, подарков, поставок всякого рода, включая денежные, которые, несомненно, надо квалифицировать как потлач. Правовые заявления в торжественных речах глашатаев весьма типичны. Так, во время церемониального представления ямса на пиршестве глашатаи говорит: "Если есть какая-нибудь старинная пилу, с которой мы не встречались там, у Ви... и т.д., этот ямс устремляется туда, как когда-то такой же

ямс пришел от них к нам...". Возвращается вещь сама по себе. Далее в той же речи дух предков "ниспосылает... на эти части пищи эффект своего действия и силы". "Результат совершенного вами действия проявляется сегодня. Все поколения заговорили его устами". А вот другой способ представления правовой связи, не менее выразительный – "Наши праздники – это движение иглы помогающей соединять части маленьких соломенных крыш, чтобы сделать из них одну только крышу, только одну клятву". Возвращаются те же самые вещи, одна и та же связующая нить. Другие авторы приводят такие же факты.

Тробрианские острова. На другом краю меланезийского мира существует весьма развитая система, равнозначная системе новокаледонцев. Жители Тробрианских островов относятся к числу наиболее цивилизованных народов этого района. Сегодня это богатые ловцы жемчуга, а до прихода европейцев – богатые производители гончарных изделий, раковинных денег, каменных топоров и драгоценных изделий; они всегда были хорошими коммерсантами и отважными мореплавателями. И Малиновский действительно точно называет их "аргонавтами западной части Тихого океана", сравнивая их с сотоварищами

Ясона. В своей книге, одной из лучших в области дескриптивной социологии, разместившейся, так сказать, на территории предмета, который нас интересует, он описывает нам всю систему межплеменной и внутриплеменной торговли, носящую название кула. Нам остается дожидаться описания всех институтов, управляемых теми же правовыми и экономическими принципами: бракосочетания, праздника мертвых, инициации и т.д. Следовательно, описание, которое мы дали, носит лишь временный характер. Но факты значительны и достоверны.

Кула представляет собой нечто вроде большого потлача; осуществляя большую межплеменную торговлю, она распространилась на всех Тробрианских островах, на части островов Д'Антракосто и островов Амфлетт. На этих территориях она косвенно затрагивает все племена, а прямо – несколько больших племен: племена добуна на островах Амфлетт, киривина из Синакеты и китава на островах Тробриап, вакута на острове Вудларк. Малиновский не дает перевода слова кула, несомненно означающего круг. И действительно, дело происходит так, как будто все эти племена, морские экспедиции, ценные вещи и предметы обихода, пища и праздники, услуги всякого рода, ритуальные и

сексуальные, эти мужчины и женщины вовлечены в круг и совершают по этому кругу упорядоченное движение во времени и в пространстве.

Торговля кула – занятие знати. Оно отводится вождям, которые являются одновременно командирами флотилий, отдельных лодок, коммерсантами, а также получателями даров от своих подчиненных в виде их детей, братьев, супруга или супруги, тоже находящихся у них в подчинении и в то же время являющихся вождями различных подчиненных деревень.

Кула осуществляется в благородной манере, внешне чисто бескорыстно и скромно. Ее строго отличают от простого экономического обмена полезными товарами, именуемого гимвали. Последний реально практикуется в дополнение к куле на больших первобытных ярмарках, каковыми являются собрания межплеменной кулы, или на маленьких рынках внутриплеменной кулы; он отличается очень упорным торгом сторон, т. е. поведением, недостойным в куле. Об индивиде, не ведущем кулу с необходимым благородством, говорят, что он ее "ведет, как гимвали". Внешне, во всяком случае, кула, как и потлач в северо-западной Америке, состоит в том, чтобы одни давала, а другие получали, причем

получатели в следующий раз становятся дарителями. В наиболее развернутой, торжественной, возвышенной конкурентной форме кулы, происходящей во время больших морских экспедиций, увалаку, правило предписывает уезжать, не беря с собой ничего для обмена, даже для вручения в обмен на пищу, которую отказываются просить. Полагается только получать. Когда же год спустя гостившее племя будет принимать флотилию из племени хозяев, подарки будут возмещены с избытком.

Однако и в куле меньшего масштаба морское путешествие используется для обмена грузами; сама знать занимается коммерцией, так как по этому поводу существует обширная туземная теория. Многих вещей домогаются, их выпрашивают, обменивают, устанавливаются всякого рода связи помимо кулы, но последняя по-прежнему остается целью, решающим моментом в этих связях.

Само дарение выступает в очень торжественных формах, к полученной вещи выражают пренебрежение, ее опасаются, ее берут лишь через минуту после того, как она брошена к ногам. Даритель принимает преувеличенно с кроимы и вид; торжественно и под звуки раковины поднося свой подарок, он извиняется за

то, что дает лишь то, что у него осталось, и бросает к ногам соперника и партнера даримую вещь. Однако звуки раковины и глашатай возвещают всем торжественность передачи. Всем этим стремятся показать щедрость, свободу, независимость и благородство. И тем не менее, в сущности, действуют механизмы долга, и даже долга вещевого.

Основным объектом этих обменов-даров являются ваигу'а, нечто вроде денег². Они бывают двух видов: мвали, красивые браслеты, сделанные из полированных раковин и надеваемые по поводу важных событий их владельцами или родственниками последних; сулава, ожерелья, изготовленные искусными токарями Синакеты из красивых, туго завитых красных раковин, отливающих перламутром. Их надевают в торжественных случаях женщины, в виде исключения – мужчины, например чтобы отогнать беду. Но обычно и ожерелья и браслеты накапливают как сокровища. Их держат, чтобы наслаждаться их обладанием. Изготовление украшений, добыча и ювелирная обработка раковин, торговля этими двумя объектами обмена л престижа, вместе с другими, более светскими и заурядными видами торговли, являются источником богатств тробрианцев.

Согласно Малиновскому, эти ваигу'а охвачены чем-то вроде циркулярного движения: мвали, браслеты, постоянно передаются с запада на восток, а сулава всегда путешествуют с востока на запад.

Эти два противоположно направленные движения совершаются между всеми островами Тробриан, Д'Антракasto, Амфлетт и отдельными островами Вудларк, Маршалл Беннетт, Тюбе-тюбе и, наконец, крайним юго-востоком побережья Новой Гвинеи, откуда идут грубо обработанные браслеты. Там эта торговля встречается с большими экспедициями того же рода, идущими от Новой Гвинеи (южная часть островов Масоим), которые описывает Селигмал.

В принципе циркуляция этих знаков богатства непрерывна и неотвратима. Их нельзя ни хранить слишком долго, ни медлить или скупиться при избавлении от них, нельзя преподносить их никому иному, кроме как определенным партнерам в определенном направлении: "браслетное направление" — "ожерельное направление". Должно и можно хранить их от одной кулы к другой, и вся община гордится ваигу'а, которые получил кто-нибудь из ее вождей. Бывают даже такие случаи, как подготовка погребальных торжеств, больших

с'ои, во время которой дозволено все время получать и ничего не возвращать. Но это только для того, чтобы устроитель все вернул, все израсходовал во время самого торжества. Стало быть, полученный подарок становится собственностью. Но это собственность особого рода. Можно сказать, что она причастна к разнообразным правовым принципам, которые мы, люди нового времени, тщательно отделили друг от друга. Это собственность и владение, залог и аренда, вещь продаваемая и покупаемая и в то же время "сданная на хранение, подлежащая передаче и фидеикомиссу³, так как она дается вам лишь при условии ее использования для другого или для передачи ее третьему, "отдаленному партнеру", мури-мури. Таков экономический, юридический и моральный комплекс, подлинный тип, который Малиновский сумел открыть, определить, наблюдать и описать.

Этот институт имеет также свою мифологическую, религиозную и магическую сторону. Ваигу'а – это не просто индифферентные предметы, не просто монеты. Все они, по крайней мере наиболее дорогие и желанные (и другие объекты обладают таким же престижем), имеют имя, личность, историю; с ними случаются даже любовные приключения. Дело доходит до

того, что некоторые индивиды даже заимствуют их имена. Нельзя сказать, чтобы в действительности они были объектом некоего культа, так как тробрианцы – позитивисты в своем роде. Но нельзя не признать важность и священность природы этих предметов. Обладание ими "само по себе веселит, ободряет, утешает". Собственники ощупывают их и смотрят на них часами. Простой контакт способен передать их свойства мо. Ваигу'а кладут на лоб, на грудь умирающего, ими трут его живот, их заставляют плясать перед его носом. Они составляют его последнюю поддержку.

Но более того. Сам договор ощущается в этой природе ваигу'а. Не только браслеты и ожерелья, но даже любое имущество, украшения, оружие – все, что принадлежит партнеру, настолько оживлено чувством, если не собственной душой, что они сами принимают участие в договоре. Прекрасная формула заклинания, формула "завораживания двустворчатой раковиной", будучи произнесенной, служит тому, чтобы приворожить, привлечь из к "кандидату в партнеры" вещи, которые ему надлежит просить и получать:

*(Возбуждение овладевает моим партнером),
Возбуждение овладевает его собакой,
Возбуждение овладевает его поясом...*

И так далее: его гварой (табу на кокосовые орехи и бетель) ... его ожерельем багидо'у... его ожерельем багирику ... его ожерельем багидуду" и т. д.

Другая формула, более мифологическая и любопытная, хотя и более обыденная, выражает ту же идею. У партнера по куле есть помощник, крокодил, которого он призывает и который должен принести ему ожерелья (на Китава – мвали).

Крокодил, накинься на твоего человека, унеси его, затолкай его под гебобо (место для хранения товаров в лодке).

Крокодил, принеси мне ожерелье, принеси мне багидо'у, багирику и т. д.

Предыдущая формула того же ритуала взывает к хищной птице.

Последняя колдовская формула союзников и договаривающихся сторон (у добу или китава, жителей округа Киривина) содержит куплет, которому даются два истолкования. Ритуал очень

длительный, он долго повторяется и имеет целью перечислить все, что кула оттеняет, все проявления ненависти и войны, которые надо подвергнуть заклятию, чтобы начать дружеские переговоры.

Вот твоя ярость – собака принюхивается.

Вот твоя боевая раскраска – собака принюхивается. И т.д.

Согласно другим вариантам:

Твоя ярость, собака послушна. И т. д.

Или же:

Твоя ярость уходит как отлив – собака играет.

Твой гнев уходит как отлив – собака играет. И т. д.

Следует понимать: "Твоя ярость становится подобной играющей собаке". Основное – это метафора собаки, которая встает и подходит лизнуть руку хозяина. Так должен сделать мужчина или же женщина добу. Другая интерпретация, изощренная, по словам

Малиновского, не свободная от схоластики, но, очевидно, вполне аборигенная, дает иной комментарий, который в большей мере совпадает с тем, что мы знаем об остальной части: "Собаки играют носом к носу. Как это давно установилось, когда вы произносите слово "собака", драгоценные вещи поступают так же (т.е. играют). Мы дали браслеты, взамен придут ожерелья, и те и другие встретятся (как собаки, которые обнюхивают друг друга при встрече)". Притча, ее образы красивы. Здесь представлено сразу все переплетение коллективных чувств: возможная ненависть союзников, разобщенность ваигу'а, преодолеваемая волшебством; люди и драгоценные вещи, собирающиеся, как собаки, которые играют и прибегают на зов.

Другое символическое выражение – брак мвали, браслетов, женских символов и сулава, ожерелий, мужского символа, которые стремятся друг к другу, как самец к самке.

Эти различные метафоры точно передают то же самое, что в других терминах выражает мифологическая юриспруденция маори. В социологическом плане здесь вновь отражено смешение вещей, ценностей, договоров и людей.

К сожалению, мы плохо знаем правовой порядок, господствующий в этих сделках. Либо

он не осознан и плохо сформулирован жителями округа Киривина, информаторами Малиновского, либо, будучи ясным для тробрианцев, он должен стать объектом нового обследования. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные детали. Первый дар ваигу'а носит название вага, "opening gift". Он начинается – и решительно обязывает получателя дара сделать подарок взамен, иотиле, который Малиновский превосходно переводит как "clinchng gift" – "дар, завершающий сделку". Другое название последнего дара – куду – зуб, который откусывает, отсекает, разрубает и освобождает. Последний дар обязателен, его ждут, и он должен быть равен первому; при случае можно взять его силой или обманом. Можно мстить магическими средствами или, по крайней мере, оскорблениями и руганью за плохой или невозмещаемый иотиле. Если человек не может дать его эквивалента, можно в крайнем случае предложить базы, который только "колет" кожу, не откусывая ее, т. е. не завершает дело. Это нечто вроде подарка ожидания, дающего отсрочку; он успокаивает заимодавца – экс-дарителя, но не освобождает должника, будущего дарителя. Все эти детали любопытны, формы выражение поражают, но здесь нет санкции. Является ли она чисто нравственной и

магической? Только ли презирается и при случае околдовывается индивид, "скупой в куле"? Не теряет ли неверный партнер нечто иное: свой знатный ранг или, по крайней мере, место среди вождей? Вот что еще надо выяснить.

Но, с другой стороны, такая система типична. За исключением древнего германского права, о котором речь пойдет дальше, на современном уровне наблюдений, наших исторических, юридических и экономических знаний, трудно встретить практику дара-обмена более четкую, более полную и более осознанную, в то же время лучше понятую наблюдателем, чем та, которую Малиновский обнаружил на островах Тробриан.

Кула – основная часть этой практики – сама по себе составляет лишь наиболее торжественный момент в обширной системе поставок и ответных поставок, которая охватывает поистине всю совокупность экономической и гражданской жизни островов Тробриан. Кула представляется именно кульминационным пунктом этой жизни, особенно интернациональная и межплеменная кула. Конечно, она составляет одну из целей существования и больших путешествий, но в целом в них участвуют только вожди, притом лишь вожди прибрежных племен, а точнее – некоторых прибрежных племен. Кула лишь

конкретизирует, объединяет м-ножество других институтов.

Прежде всего, сам обмен ваигу'а включается во время кулы в целую серию других обменов крайне разнообразной гаммы: от торга до заработанной платы, от просьбы до чистой вежливости, от полного гостеприимства до умолчаний и стыдливости. Во-первых, за исключением больших торжественных экспедиций, имеющих чисто церемониальный и соревновательный характер, увалаку, все кулы представляют случай для гимвали, прозаических обменов, а последние не обязательно происходят между партнерами. Существует свободный рынок между индивидами союзных племен наряду с более тесными объединениями. Во-вторых, между партнерами в куле происходит непрерывный обмен дополнительными подарками – их преподносят и получают взамен, – а также обязательные торги. Кула даже предписывает их существование. Создаваемое ею объединение, составляющее ее принцип начинается с первого подарка, вага, которого добиваются изо всех сил "упрашиваниями". Ради этого первого подарка можно угодничать перед будущим еще независимым партнером, которому платят в некотором роде первой серией подарков. Хотя

есть уверенность в том, что ответный ваигу'а, иотиле, будет возмещен, однако нельзя быть уверенным, что будет дана вага и что сами "упрашивания" будут приняты. Этот способ прошения и принятия подарка является правилом; каждый из вручаемых таким образом подарков носит специальное имя; их демонстрируют, прежде чем вручить; в данном случае это пари. Другие носят название, указывающее на благородную и магическую природу даримого объекта. Но принять одно из этих подношений – значит выразить склонность к тому, чтобы войти в игру, если не остаться в ней. Некоторые имена этих подарков выражают правовую ситуацию, которую их принятие влечет за собой: в этом случае сделка считается заключенной. Этот подарок обычно представляет собой нечто достаточно ценное, например большой топор из гладкого камня, ложка из китовой кости. Принять его в действительности значит обязаться дать вага, первый желаемый дар. Но пока стороны еще остаются полупартнерами. Только торжественная передача вещи связывает их полностью. Значение и природа этих подношений связаны с особым соперничеством, возникающим между возможными партнерами из прибывающей

экспедиции. Они выискивают наилучшего возможного партнера из другого племени. Причина существенна, так как союз, который стремятся создать, устанавливает нечто вроде клана между партнерами. Чтобы осуществить выбор, надо, стало быть, соблазнить, обольстить. Полностью учитывая ранги, надо достигнуть цели раньше других или лучше других, произвести, таким образом, наиболее широкие обмены на самые богатые вещи, которые, естественно, являются собственностью самых богатых людей. Конкуренция, соперничество, хвастовство, стремление к возвышению и выгоде – таковы мотивы, скрывающиеся за этими актами.

Таковы дары прибытия; на них отвечают и им соответствуют другие дары – это дары отъезда (называемые в Синакете тало'и, прощальные); они всегда превосходят дары прибытия. Итак, наряду с кулой уже совершен цикл ростовщических поставок и ответных поставок.

Естественно, на протяжении всего времени совершения этих сделок происходили поставки в виде гостеприимства, пищи и женщин (в Синакете). Наконец, все это время преподносят и другие дополнительные дары, всегда аккуратно возмещаемые. Представляется даже, что обмен этими коро-тумна является первобытной формой

кулы, когда она включала в себя также обмен каменными топорами и изогнутыми свинными клыками.

Впрочем, в нашем понимании вся межплеменная кула представляет собой лишь крайний, наиболее торжественный и драматический пример более общей системы. Она полностью выводит само племя за его узкие пределы, даже за пределы его интересов и прав, однако обычно кланы, деревни внутри себя объединены связями того же рода. Только в данном случае . это локальные и домашние группы, и их главы, снимаясь со своих мест, наносят друг другу визиты, ведут торговлю и заключают браки. Возможно, это уже не называется кулой. Тем не менее Малиновский с полным основанием пишет не только о "морской куле", но и о "внутренней куле" и о "куловых общинах", снабжающих вождя объектами его обмена. Но не будет преувеличением говорить в этих случаях и о потлаче в собственном смысле. Например, визиты жителей киривины на Китаву на траурные церемонии с'ои содержат множество иных элементов помимо обмена ваигу'а. Мы видим там нечто вроде ложного наступления (иоулавада), распределение пищи с выставлением свиней и ямса.

С другой стороны, ваигу'а и все эти объекты не всегда приобретаются, производятся и обмениваются самими вождями и, можно оказать, они не производятся и не обмениваются вождями.и для самих себя. Большая часть стекается к аождам в форме даров от их родственников более низкого ранга, в частности от зятьев, являющихся в то же время вассалами, или от сыновей, которые получили отдельное владение. Взамен, когда экспедиция возвращается, большая часть ваигу'а торжественно передается вождям деревень, кланов и даже простым людям при соединившихся кланов, в делом – любому, кто принял участие в экспедиции, прямое или косвенное, а часто очень косвенное. Таким образом они получают компенсацию.

Наконец, рядом или, если угодно, над, под, вокруг и, на наш взгляд, в .глубине этой системы внутренней кулы, система обмениваемых даров охватывает всю экономическую, племенную и .моральную жизнь тробрианцев. Она пропитана ею, как очень точно говорит Малиновский. Она представляет собой постоянное "давать и брать". Она как будто пронизана со всех сторои дарами даваемыми, получаемыми, возвращаемыми, обя;зательными и корыстными, дарами для возвышения и за услуги, в качестве вызова и

залога. Мы не можем привести здесь все эти факты, публикацию которых сам Малиновский, впрочем, не закончил. Приведем всего два основных.

Существует зависимость, совершенно аналогичная отношениям кулы и вази. Она устанавливает регулярные обязательные обмены между партнерами из земледельческих племен, с одной стороны, и мореходных племен – с другой. Союзник-земледелец раскладывает свои продукты перед домом своего партнера-рыболова. Тот в следующий раз – после большой рыбной ловли – с избытком возместит полученные в земледельческой деревне продукты продуктами своего труда. Это та же система разделения труда, существование которой мы констатировали на Новой Зеландии.

Другая важная форма обмена приобретает выставочный аспект. Это сагали, большие раздачи пищи, которые устраивают во многих случаях: при сборе урожая, постройке хижины вождя и новых лодок, при траурных празднествах. Эти раздачи устраиваются для групп, оказавших услуги вождю или его клану в обработке земли, перевозке больших стволов деревьев, из которых вытесывают лодки, и балок, в услугах по погребению, оказываемых людьми

из клана умершего и т.д. Эти раздачи совершенно равнозначны потлачу у тлинкитов; в них возникает даже тема борьбы и соперничества. Мы видим в них столкновение кланов и фратрий союзных семей, и вообще они выступают как групповые явления в той мере, в какой в них не ощущается индивидуальность вождя.

Но помимо этого группового права и коллективной экономики, уже менее родственных куле, к данному типу принадлежат, на наш взгляд, все индивидуальные отношения обмена. Возможно, только некоторые из них относятся к категории простой сделки. Однако, поскольку последняя совершается почти исключительно между родственниками, союзниками или партнерами по куле и вази, маловероятно, чтобы этот обмен был действительно свободным. Вообще, даже то, что получают или чем завладевают любым способом, не хранят для себя, если только могут без этого обойтись; обычно полученное передают кому-нибудь другому, например шурина. Случается, одни и те же вещи, которые приобрели и отдали, возвращаются обратно в тот же день.

Все вознаграждение за поставки любого рода, вещи и услуги возвращаются обратно. Приведем без дальнейшей систематизации наиболее важные

из них.

Покала и карибуту, "sollicitory gifts"⁴, которые мы видели в куле, являются видами .по отношению к гораздо более обширному роду, достаточно точно соответствующему тому, что мы называем заработной платой. Ее вручают богам, духам. Другое родовое название заработной платы – это капула, мапула – знаки признательности и хорошего приема, и они должны быть возмещены. В этом вопросе Малиновский, по нашему мнению, сделал весьма значительное открытие, проясняющее все экономические и юридические отношения между полами в браке: разного рода услуги, оказываемые жене мужем, рассматриваются как зарплата – дар за услугу, оказываемую женой, когда она предоставляет то, что Коран называет также "нивой".

Несколько наивный юридический язык тробрианцев увеличил различия в названиях разного рода ответных поставок, обозначаемых соответственно названию компенсируемой поставки, даваемой вещи, обстоятельствам и т. д. Некоторые названия учитывают все эти моменты, например дар, вручаемый колдуну или по случаю присвоения титула и называемый лага. Невозможно представить себе, до какой степени

весь этот словарь усложнен странной неспособностью разделять и определять и удивительной изощренностью номенклатур.

Другие меланезийские общества.

Увеличивать число сравнений с другими районами Меланезии нет необходимости. Однако некоторые извлеченные из разных мест детали подкрепят наши выводы и докажут, что тробрианцы и новокаледонцы просто развили принцип, встречающийся и у других родственных им народов.

На крайнем юге Меланезии, на Фиджи, где мы установили существование лотлача, действуют и другие примечательные институты, входящие в систему дарения. Существует период, называемый керекере, во время которого нельзя ни в чем никому отказать: сюда входит обмен подарками между двумя семьями во время бракосочетания и т. д. Более того, деньги на Фиджи, в виде зубов кашалота, точно такие, как деньги тробрианцев. Они носят название тамбуа. К ним добавляются камни ("матери зубов") и украшения, различные амулеты, талисманы и фетиши племени. Чувства, питаемые фиджийцами в отношении своих тамбуа, точно такие, как только что описанные нами: "К ним относятся как к куклам, их вынимают из корзины, ими восхищаются и

говорят об их красоте; их "мать" смазывают и полируют". Их дарение является принудительным: принять их – значит взять на себя обязательства.

Меланезийцы Новой Гвинеи и часть папуасов, подвергшихся их влиянию, называют свои деньги тау-тау; они относятся к той же категории и являются объектом тех же верований, что и деньги на островах Тробриан. Но надо связать это название также с таху-тахуш, что означает "заимствование свинины" (моту и коита). Однако это слово нам знакомо. Это тот самый полинезийский термин, корень слова таонга, обозначающий на Самоа и Новой Зеландии драгоценности и собственность, собранные в семье. Сами слова являются полинезийскими, как и вещи.

Известно, что у меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи существует потлач.

Прекрасные данные о племенах острова Буин и банаро, сообщаемые Турнвальдом, уже обеспечили нас множеством опорных пунктов для сравнения. Там, в частности, очевиден религиозный характер обмениваемых вещей – это относится к деньгам, к способу, которым ими компенсируют песнопения, женщин, любовь, услуги: как и на островах Тробриан, они

представляют собой нечто вроде залога. Наконец, Турнвальд проанализировал в хорошо изученной категории фактов один, наиболее ярко иллюстрирующий "систему взаимных даров, и "брак посредством покупки" (неточное название). Последний в действительности охватывает поставки в любых направлениях, включая поставки со стороны семьи новобрачной. Женщину, родственники которой не сделали достаточных ответных подарков, отправляют обратно.

В целом весь мир островов и, вероятно, часть родственного ему мира Южной Азии знаком с той же правовой и экономической системой. Следовательно, представление об этих меланезийских племенах, еще более богатых и активно торгующих, чем полинезийские, должно значительно отличаться от того, что широко распространено. У этих людей экономика выходит за рамки домашнего хозяйства, а система обмена весьма развита и отличается, быть может, более интенсивными и стремительными ритмами, чем та, которая еще сто лет назад была присуща нашим крестьянам или прибрежным рыбацким деревням. Экономическая жизнь у них широко развита и выходит за пределы островов и диалектных

групп, они ведут активную торговлю. Однако система купли-продажи в очень сильной степени замещена у них дарением ответными дарами.

Препятствие, с которым столкнулось это право (равно как и германское право, мы это увидим далее), – это неспособность абстрагировать и разделить свои экономические и юридические понятия. Впрочем, они в этом и не нуждались. В этих обществах ни клан, ни семья не могут ни разъединиться, ни разграничить свои действия. Даже сами индивиды, какими бы влиятельными и сознательными они ни были, не могут осознать, что им надо противопоставить себя друг другу, и уметь отделить одни свои действия от других. Вождь сливается со своим кланом, а клан – с ним; индивиды ощущают, что они действуют только единообразно. Холмс тонко замечает, что в обоих языках, папуасском и меланезийском, с которыми он познакомился в устье р. Финке (тоарипи и намау), имеется "лишь один термин для обозначения покупки и продажи, для выдачи займа и его получения". Операции, "противоположные по содержанию, выражаются одним и тем же словом". "Строго говоря, они не знали получения и выдачи ссуды в том смысле, в каком мы употребляем эти термины, но всегда было нечто даваемое в виде

вознаграждения за заем и возвращаемое .при возврате займа". Эти люди понятия не имеют ни о продаже, ни о предоставлении займа, однако же осуществляют юридические и экономические операции, выполняющие ту же функцию.

Аналогичным образом понятие сделки меланезийцам так же несвойственно, как и полинезийцам.

Круит, один из лучших этнографов, продолжая пользоваться словом "продажа", дает нам точное описание того, как это понимается жителями Центрального Целебеса. И тем не менее тораджи с давних пор находятся в контакте с малайцами, активными торговцами.

Итак, определенная часть человечества, относительно богатая, трудолюбивая, создавшая значительные излишки, могла и может обменивать множество вещей в иных формах и на иных основаниях, чем те, что присущи нам.

III. Северо-запад Америки. Честь и кредит

Из приведенных наблюдений над некоторыми меланезийскими и полинезийскими народами уже вырисовывается весьма четкий облик порядка дарения. Материальная и моральная жизнь, обмен функционируют там в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Более того, эта обязательность выражается мифологическим, воображаемым или, если угодно, символическим и коллективным способом: она принимает форму интереса к обмененным вещам. Последние никогда не отрываются от участников обмена, а создаваемые ими общность и союзы относительно нерасторжимы. В действительности этот символ социальной жизни — постоянство влияния обмениваемых вещей — лишь выражает достаточно прямо способ, которым подгруппы этих сегментированных обществ архаического типа постоянно встраиваются одна в другую, во всем чувствуя себя в долгу друг перед другом.

Индейские племена северо-запада Америки обладают теми же самыми институтами, только более радикальными, более четко выраженными. Прежде всего можно утверждать, что сделка здесь неизвестна. Даже после длительного контакта с

европейцами ни одна из многочисленных .передач имущества, производимых здесь постоянно, не существуют иначе, как в торжественных- формах потлача. Мы опишем последний институт, исходя из нашей точки зрения.

(...)

Сам потлач, столь распространенный и в то же время столь характерный для этих племен, есть не что юное, как система взаимообмена дарами. Потлач отличает лишь вызываемое им буйство, излишества, антагонизмы, с одной стороны, а с другой – некоторая скудость юридических понятий, более простая и лубая структура, чем в Меланезии, особенно у двух наций Севера: тлинкитов и хайда. Коллективный характер договора проступает у них более явственно, чем в Меланезии и Полинезии. Эти общества, несмотря на их внешний облик, в сущности, ближе к тому, что мы называем тотальными простыми поставками. Юридические и экономические понятия в них также отличаются меньшей четкостью, ясностью и точностью. Тем не менее на практике принципы определены и достаточно ясны.

Два понятия в них, однако, гораздо четче выражены, чем в меланезийском потлаче или чем

в более развитых и расчлененных институтах Полинезии: это понятие кредита, рассрочки и понятие чести⁵.

Как мы видели, в Меланезии, в Полинезии дары циркулируют вместе с уверенностью, что они будут возмещены, имея в качестве "гарантии" силу даваемой вещи, которая сама есть эта "гарантия". Но в любом обществе природа дара обязывает к определенному сроку. Из самого определения явствует, что совместная трапеза, раздача кавы, уносимый талисман не могут быть возвращены немедленно. Необходимо "время", чтобы осуществить любую ответную поставку. Понятие срока, таким образом, логически присутствует, когда речь идет о нанесении визитов, брачных договорах, союзах, заключении мира, прибытии на регулярные игры и бои, участии в тех или иных праздниках, оказании взаимных ритуальных и почетных услуг, "проявлениях взаимного уважения" – любых явлениях, обмениваемых одновременно с вещами, становящимися все более многочисленными и дорогими по мере того, как эти общества становятся богаче.

Современная экономическая и юридическая историография полна заблуждений в этом вопросе. Пропитанная новыми идеями, она

создает себе априорные представления об эволюции следуя так называемой необходимой логике; по существу же она остается в данном случае в плену старых традиций. Нет ничего опаснее этой "бессознательной социологии", как называл ее Симиан. Например, Кук также утверждает: "В первобытных обществах понимают только режим непосредственного обмена, в передовых обществах практикуется продажа за наличные. Продажа в кредит характеризует высшую фазу цивилизации; она появляется вначале в искаженной форме как сочетание продажи за наличные и займа". На самом же деле отправной пункт иной. Он содержится в категории права, которую юристы и экономисты, не интересующиеся этим, оставляют в стороне; это дар, феномен сложный, особенно в его наиболее древней форме, форме тотальной поставки, которую мы не изучаем в этом исследовании. Однако дар с необходимостью порождает понятие кредита. Эволюция не вызвала перехода права от экономики непосредственного обмена к торговле, а в торговле – оплаты наличными к рассрочке. Именно из системы подарков, даваемых и получаемых взамен через какой-то срок, выросли, с одной стороны, непосредственный обмен (через

упрощение, сближение ранее разделенных сроков), а с другой стороны, покупка и продажа (последняя – в рассрочку и за наличные), а также заем. Ибо нет никаких доказательств того, чтобы хотя бы одна правовая система, предшествующая описываемой нами фазе (в частности, вавилонское право), не знала кредита, известного во всех архаических обществах, существующих вокруг нас. Вот как, просто и реалистично, можно решить проблему двух "моментов времени", которые договор соединяет и которые уже исследовал Дави.

Не менее значительна роль, которую в этих соглашениях индейцев играет понятие чести.

Именно здесь индивидуальный престиж вождя и престиж его клана не связаны так тесно с расходами и точным ростовщическим расчетом при возмещении принятых даров, с тем чтобы превратить в должников тех, кто сделал вас должниками. Потребление и разрушение при этом действительно не знают границ. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем. Принцип антагонизма и соперничества составляет основу всего.

Политический статус индивидов в братствах и кланах, ранги разного рода достигаются "войной имуществ" так же, как и войной, удачей, наследованием, союзом или браком. Но все рассматривается так, как если бы это была только "борьба богатств". Бракосочетание детей, участие в братствах осуществляются только в процессе обменных и ответных тютлачей. Их теряют в потлаче, как теряют на войне, в игре, на скачках, в борьбе. В ряде случаев их даже не дарят и возмещают, а просто разрушают, не стремясь создавать даже видимость желания получить что-либо обратно. Сжигают целые ящики рыбьего жира (candle-fisch) "ли китового жира, сжигают дома и огромное множество одеял, разбивают самые дорогие медные изделия, выбрасывают их в водоемы, чтобы подавить, унижить соперника. Таким образом обеспечивают продвижение по социальной лестнице не только самого себя, по также и своей семьи. Такова, стало быть, правовая и экономическая система, в которой тратятся и перемещаются значительные богатства. Если угодно, можно назвать эти перемещения обменом или даже коммерцией, продажей, то это коммерция благородная, проникнутая этикетом и великодушием. Во всяком случае, когда она осуществляется в другом

духе, с целью непосредственного получения прибыли, она становится объектом подчеркнутого презрения

Как мы видим, понятие чести, активно действующее в Полинезии, всегда присутствующее в Меланезии, здесь производит настоящие опустошения. В этом пункте классические учения также неправильно оценивают значение побудительных причин человеческого поведения и всего, чем мы обязаны предшествующим нам обществам. Даже столь искушенный ученый, как Ювелен, счел необходимым выводить понятие чести, рассматриваемое как неэффективное, из понятия магической эффективности. Он усматривает в чести, престиже лишь суррогат этой эффективности. Реальность сложнее. Понятие чести в не меньшей мере присуще этим цивилизациям, чем понятие магии. Сама полинезийская мана символизирует не только магическую силу каждого существа, но также его честь, и один из лучших переводов этого слова — это авторитет, богатство. Потлач у тлинкитов и хайда состоит во взгляде на взаимные услуги как на честь. Даже в подлинно первобытных племенах, таких, как австралийские, вопросы чести столь же чувствительны, как в наших

обществах, где получают удовлетворение от поставок, пищевых подношений, обрядов так же, как и от даров. Люди научились связывать между собой честь и имя задолго до того, как научались расписываться.

Потлач северо-запада Америки был достаточно изучен во всем, что касается самой формы договора. Необходимо, однако, выявить место, которое должны занять исследования потлача, проведенные Дави и Леонардом Адамом, в более широких рамках интересующего нас предмета. Ибо потлач гораздо больше, чем юридический феномен: он — один из тех феноменов, которые мы предлагаем называть "тотальными". Он является религиозным, мифологическим и шаманистским, поскольку вожди, участвующие в нем и представляющие его, олицетворяют в нем предков богов, имена которых они носят, танцы которых они пополняют и во власти чьих духов они находятся. Он является экономическим, и надо измерять стоимость, значение, основания и следствия этих соглашений, огромных, даже если исходить из сегодняшней европейской стоимости. Потлач есть также феномен социально-морфологический: собрание племен, кланов и семей, даже наций сообщает ему нервозность, чрезвычайное

возбуждение. Люди братаются и в то же время остаются чужими; они общаются и противодействуют друг другу в гигантской коммерции и постоянном турнире. Мы не касаемся чрезвычайно многочисленных эстетических явлений. Наконец, даже с юридической точки зрения, в придачу к тому, что уже выявлено в форме этих контрактов и в том, что можно было бы назвать человеческим объектом договора, в придачу к юридическому статусу договаривающихся сторон (клайов, семей, рантов и брачующихся), надо добавить вот что: материальные объекты договоров, обмениваемые в них вещи, также обладают особым свойством, заставляющим их давать и особенно возмещать.

Если бы не недостаток места, в ходе наших рассуждений было бы полезно разграничить четыре формы потлача на северо-западе Америки: 1) потлач, в котором участвуют исключительно или почти исключительно фратрии и семьи вождей (тлинкиты); 2) потлач, в котором фратрии, кланы, вожди и семьи играют примерно равную роль; 3) потлач между вождями, выступающими друг против друга кланами (цимшианы); 4) потлач вождей и братств (квакиютли). Но подобное разграничение потребовало бы слишком много места, и, кроме

того, три формы из четырех (за исключением той, что у цимшиан) были выделены и представлены Дави. Наконец, в части, касающейся нашего исследования, направленного на три темы дара: обязанности давать, обязанности брать и обязанности возмещать, эти четыре формы потлача относительно одинаковы.

Три обязанности: давать, получать, возмещать

Обязанность давать составляет сущность потлача. Вождь должен устраивать потлач за себя, своего сына, зятя или дочь, за своих умерших. Он сохраняет свой ранг в племени и в деревне, даже в собственной семье, он поддерживает свой ранг среди вождей в национальном и международном масштабе, только если доказывает, что духи и богатство постоянно посещают его и ему благоприятствуют, что богатство это обладает им, а он обладает богатством, и доказать наличие этого богатства он может, лишь тратя его и распределяя, унижая других, помещая их в тени своего имени. Знатный квакиютль и хайда обладают точно таким же понятием о "лице", как китайский ученый или чиновник. Об одном из великих мифических вождей, не дававшем потлач, говорится, что у него было "испорченное лицо". Выражение здесь даже более точное, чем в Китае. Ибо на северо-западе Америки потерять престиж — значит одновременно потерять душу: это действительно "лицо", танцевальная маска, право воплощать дух, носить герб, тотем; это действительно вступает в игру персона, которую

теряют в потлаче, в игре даров, как теряют их на войне или вследствие ритуальной ошибки. Во всех этих обществах спешат давать. В любой момент, выходящий за рамки повседневности, не считая даже зимних торжеств и собраний, вы должны пригласить друзей, разделить с ними плоды удачной охоты или собирательства, идущие от богов и тотемов; вы должны распределять среди них все, что раздается на потлаче, где человек был приглашенным; вы должны выражать признательность подарками за всякую услугу, услуги вождей, зависимых людей, родственников – и все это делается, по крайней мере среди знати, – из страха нарушить этикет и потерять свой ранг.

Обязанность приглашать совершенно очевидна, когда она выполняется кланами по отношению к кланам или племенам " по отношению к шлеменам. Она имеет смысл лишь в том случае, когда применяется к людям, не входящим в семью, клан или фратрию. Надо приглашать всех, кто может к очень хочет прийти или приходит на праздник, на потлач. Забвение этого имеет пагубные последствия. Один важный миф цимшиан показывает, в каком состоянии духа зародилась существенная тема европейского фольклора: тема злой феи, которую забыли

пригласить на крестины и на свадьбу. Канва установлений, на которой вышита эта тема, здесь четко обозначена; мы видим, в каких цивилизациях она функционировала. Принцесса из одной деревни цимшиан появилась в "краю норок" и рождает чудесным образом от "Норки". Она возвращается со своим ребенком в деревню своего отца, вождя. "Норка" ловит больших белых палтусов, которыми его дед угощает всех своих собратьев, вождей всех племен. Он представляет внука всем и советует им не убивать его, если они его встретят на рыбной ловле в облике животного:

"Вот мой внук, принесший для вас эту пищу, которой я угощал вас, гости мои". Таким образом дед разбогател от всякого рода имущества, которое приносили ему, когда к нему приходили угощаться китовым и тюленьим мясом, свежей рыбой, которую "Норка" приносил в голодные зимы. Но в гости забыли пригласить одного вождя. Однажды, когда экипаж лодки из племени, которым пренебрегли, встретил в море "Норку", державшего в зубах большого тюленя, лучник с лодки убил "Норку" и забрал тюленя. И дед и племена искали "Норку" до тех пор, пока не узнали, что произошло с забытым племенем. Последнее принесло извинения; оно не знало

"Норку". Его мать-принцесса умерла от горя; невольный виновник вождь принес вождю-деду разного рода подарки в качестве искупления. И миф заключает: "Вот почему народы устраивали большие праздники, когда рождался и получал имя сын вождя: чтобы все его знали". Потлач, распределение благ, составляет фундаментальный акт "признания": военного, юридического, экономического, религиозного, – во всех смыслах слова. Вождя или его сына "признают", и ему становятся "признательными".

Иногда ритуал праздников у квакиютлей и других племен этой группы выражает тот же принцип обязательности приглашения. Случается, что часть церемоний начинается церемонией Собак. Собаки представлены людьми в масках, которые уходят из одного дома, с тем чтобы силой проникнуть в другой. Церемония напоминает о событии, когда люди из трех других кланов племени собственно квакиютлей не пригласили представителей наиболее высокопоставленного среди них клана гетела. Последние не захотели остаться "непосвященными", они проникли в дом для танцев и все разрушили.

Обязанность принимать носит не менее принудительный характер. Отказаться от дара, от

потлача не имеют права. Действовать так – значит обнаружить "боязнь необходимости вернуть, боязнь оказаться "уничтоженным", не ответив на подарок. В действительности это как раз и значит быть "уничтоженным". Это означает "потерять вес" своего имени; это или заранее признать себя побежденным, или, напротив, в некоторых случаях провозгласить себя победителем и непобедимым. Реально, вероятно, по крайней мере, у квакиютлей признанное положение в (иерархии, победы в предыдущих потлачах позволяют отказываться от приглашения или даже в случае присутствия на празднике отказываться от дара без последующей войны. Но тогда потлач обязателен для отказавшегося; особенно необходимо устроить более богатый праздник жира, где может состояться точно такой же ритуал отказа. Вождь, считающий себя выше, отказывается от подносимой ему ложки, наполненной жиром; он выходит за своей "медью" и возвращается с ней, чтобы "погасить огонь" (жира). Далее следует ряд формальностей, обозначающих вызов и обязывающих отказавшегося вождя устроить другой потлач, другой праздник жира. Но в принципе любой дар всегда принимается и даже расхваливается. Следует громко оценить

приготовленную еду. Но, принимая ее, знают, что берут на себя обязательство. Дар принимают "на спину". Вещью и тиром не просто пользуются, но принимают вызов, а принять его смогли потому, что есть уверенность в ответе на него, в доказательстве равенства. Сталкиваясь подобным образом, вожди доходят до того, что оказываются в (комических ситуациях, несомненно осознаваемых как комические. Как в древней Галлии или в Германии, как на наших студенческих, солдатских или крестьянских пирушках, пожирают огромное количество еды, гротескным образом "оказывают честь" тому, кто приглашает. Покорность проявляют даже потомки того, кто бросил вызов. Уклониться от дарения, как и от принятия, — нарушить обычай, так же как и уклониться от возмещения.

Обязанность отвечать на дары — это весь потlach в той части, которая не сводится к чистому разрушению. Сами же эти уничтожения, чаще всего жертвенные, посвященные духам, по-видимому, не нуждаются в безусловном возмещении, особенно когда они совершаются верховным вождем в клане или вождем клана, уже признанного высшим. Но в нормальных условиях потlach всегда требует ответного потлacha с избытком, и всякий дар должен возмещаться с

избытком. Процент общего "избытка" колеблется от 30 до 100 в год. Даже если за оказанную услугу человек получает одеяло от своего вождя, он вернет ему два по случаю свадьбы в семье вождя, возведения на трон сына вождя и т. д. Вождь же, в свою очередь, отдаст ему все вещи, которые он получит во время ближайших потлачей, когда противоположные кланы возместят ему его благодеяния.

Обязанность достойно возмещать носит императивный характер. Если не отдаривают или не разрушают эквивалентные ценности, навсегда теряют лицо.

Санкцией для обязанности отдаривать служит рабство за долги. Она функционирует, по крайней мере, у квакиютлей, хайда и цимшиан. Это институт, реально сопоставимый по своей природе и по функции с римским пехит⁶. Индивид, который не смог вернуть долг или потлач, теряет свой ранг и даже ранг свободного человека. У квакиютлей, когда неплатежеспособный индивид берет займы, о нем говорят как о "продающем раба". Нет нужды еще раз отмечать тождество этого выражения и римского.

Хайда говорят даже – как будто им известно латинское выражение – о матери, делающей

подарок матери молодого вождя по поводу его помолвки со своей юной дочерью, что она "обвивает его нитью".

Но, подобно тому как тробрианская кула – это лишь крайний случай обмена дарами, потлач в обществах северо-западного побережья Америки – это лишь нечто вроде необычайного продукта системы подарков. По крайней мере в краю фратрий, у хайда и тлинкитов, остаются существенные следы прежней совокупной поставки, столь характерной, впрочем, и для атапасков, важной группы родственных племен. Подарками обмениваются по любому поводу, в связи с каждой услугой, и все возмещается впоследствии или даже тотчас же, с тем чтобы быть перераспределенным незамедлительно. Цимшианы очень близки к соблюдению тех же правил. И во многих случаях у квакиютлей они функционируют даже вне потлача. Мы не будем настаивать на этом очевидном моменте: старые авторы не описывают потлач в других терминах, так что можно задаваться вопросом, составляет ли он особый институт. Напомним, что у чинуков, одого из наименее изученных и наиболее важных для изучения племен, слово "потлач" означает дар

Сила вещей

Можно продвинуться в анализе еще дальше и доказать, что в вещах, обмениваемых в потлаче, имеется свойство, заставляющее дары циркулировать, заставляющее дарить и возмещать их.

Прежде всего, по крайней мере, квакиютли и цимшианы между различными видами собственности проводят то же различие, что и римляне или тробрианцы и самоанцы. У них существуют, с одной стороны, объекты потребления и обыкновенного раздела. (Я не обнаружил следов обмена.) А с другой стороны, существуют фамильные ценности, талисманы, медные гербовые пластины, одеяла из шкур или гербовые ткани. Этот последний класс объектов передается столь же торжественно, как передаются женщины на бракосочетаниях, "привилегии" зятю, имена и обереги детей и зятьев.

Было бы неточно говорить в данном случае об отчуждении. Эти объекты скорее даются взаймы, чем продаются и уступаются навсегда. У квакиютлей некоторые из них, хотя и появляются на потлаче, не могут уступаться. В сущности,

такая "собственность" – это *саса*, святыня, с которой семья расстается с трудом или не расстается никогда.

Более глубокие наблюдения обнаружат такое же разделение вещей у хайда. Они, по существу, даже обожествили, подобно древним, понятие собственности, имущества. Посредством мифологического и религиозного усилия, достаточно редкого в Америке, они возвысились до субстанциализации абстракции "Госпожа собственность" (английские авторы говорят *Property Woman*), о которой мы располагаем мифами и описаниями. У них она вовсе не мать, это богиня – родоначальница доминирующей фратрии, фратрии орлов. Но, с другой стороны, существует страшный факт, вызывающий очень далекие реминисценции с азиатским и античным мирами: она, вероятно, тождественна "королеве" – основной фигуре (игры в чурки, той, которая все выигрывает, чье имя богиня частично носит. Эта богиня находится в краю тлинкитов, и миф о ней, а возможно, и ее культ обнаруживается у цимшиан и квакиютлей.

Совокупность этих драгоценных вещей составляет магическое наследство; последнее часто тождественно и дарителю к получателю, а также духу, который одарил клан этими

талисманами, или герою, создателю клана, которому дух дал их. Во всяком случае, совокупность этих вещей во всех указанных племенах всегда имеет духовное происхождение и является духовной по природе. Более того, она заключена в ящике, точнее, в большом сундуке, украшенном гербами, который наделен развитой индивидуальностью, который говорит, который привязан к своему владельцу, хранящему его душу, и т.д.

Каждая из этих драгоценных вещей, каждый из этих знаков богатства, как и на островах Тробриан, обладает своей индивидуальностью, своим именем, своими свойствами, своей силой. Большие раковины абалоне, покрытые ими щиты, украшенные ими одеяла сами по себе с изображениями гербов, лиц, глаз, а также с ткаными и вышитыми изображениями животных и людей, дома и балки, декорированные стены— все они представляют собой живые существа. Все говорит: крыша, огонь, изваяния, роспись,— так как магический дом строится не только вождем, или его людьми, или людьми парной фратрии, но также и богами и предками; именно он принимает и исторгает одновременно духов и "прошедших инициацию.

Каждая из этих драгоценных вещей, кроме

того, содержит в себе способность к воспроизведению. Она не просто знак и залог; она также знак и залог богатства, магический и религиозный принцип высокого положения и изобилия. Блюда и ложки, которые употребляют на торжественных трапезах, украшенные, резные, с эмблемой тотема клана или тотема ранга, – это живые вещи. Это копии орудий, бесчисленных, созидающих пищу, которую духи давали предкам. Сами они считаются волшебными. Таким образом, вещи смешиваются с духами, их творцами, орудия еды – с пищей. Кроме того, блюда у квакиютлей и ложки у хайда являются важнейшими ценностями, необходимыми для очень ограниченного обращения, и очень скрупулезно распределяются между кланами и семьями вождей.

Деньги, обозначающие почет

Однако объектом наиболее важных верований и даже культа выступают медные слитки с клеймом, которые являются основополагающими для потлача. Прежде всего во всех этих племенах существует культ меди и миф о ней как о живом существе. Медь, по крайней мере у хайда и квакиютлей, отождествляется с лососем, который сам является объектом культа. Но помимо этого элемента метафизической и технической мифологии все эти куски меди то отдельности являются объектом индивидуальных и своеобразных верований. Каждый значительный слеток вождей имеет свое имя, свою собственную индивидуальность, свою собственную стоимость в полном смысле слова, магическую и экономическую, постоянную, устойчивую, несмотря на смену потлачей, через которые они проходят, и даже вопреки частичным или полным разрушениям.

Медные слитки обладают, кроме того, притяжением, привлекающим другую медь, так же как богатство притягивает богатство, как достоинства влекут за собой почести, обладание духами, прекрасные союзы, и наоборот. Они

живут, самостоятельно движутся и вовлекают в движение другие медные пластины. Одна из них у квакиютлей называется "увлекающая за собой медь", это выражение рисует, как медные пластины собираются вокруг нее, а имя ее владельца – это "имущество, стекающееся ко мне". Другое распространенное имя медных пластин – "приносящая собственность". У хайда и тлинюитов медные пластины – это "сильные" около принцессы, приносящей их. В других местах вождь, владеющий ими, делается непобедимым. Они представляют собой "гладкие божественные вещи" дома. Часто миф отождествляет их всех, духов-дарителей медных пластин, собственников этих пластин и сами пластины. Невозможно различить, что создает силу одного из духов и богатство другого: медь говорит, ворчит; она требует, чтобы ее отдали, разбили, ее покрывают одеялами, чтобы согреть, так же как вождя накрывают одеялами, которые он должен раздать. Но, с другой стороны, одновременно с имуществом передаются богатство и удача. Это ее дух, это ее духи-помощники делают (посвященного обладателем медных пластин, талисманов, которые сами являются средством приобретения медных пластин, богатств, рангов и, наконец,

духов; впрочем, все эти вещи равнозначны. В сущности, когда оцениваются одновременно медные пластины и другие постоянные формы богатства, которые также являются объектами чередующихся накоплений и потлача (маски, талисманы и т. д.), они все смешиваются с их использованием и с их действием. Через ях посредство достигаются ранги; именно потому, что .приобретают богатство, добиваются духа, а последний, в свою очередь, овладевает героем, преодолевающим препятствия. И тогда этот герой также заставит себе заплатать своими шаманистскими трансами, ритуальными танцами, услугами за его командование. Все держится друг за друга, перемешивается; вещи обладают личностью, а личности в определенном смысле представляют собой постоянные вещи клана. Титулы, талисманы, медные пластины и духи вождей – это омонимы и синонимы, имеющие одинаковую природу и функцию. Циркуляция имуществ сопровождает циркуляцию мужчин, женщин и детей, пиров, обрядов, церемоний и танцев и даже циркуляцию -шутков и оскорблений. Суть везде одна и та же. Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают "уважение" – мы говорим также "знаки внимания". Но дело также

и в том, что, одаривая, отдают себя, а отдают себя потому, что именно себя -вместе со своим имуществом "должны" другим.

Первое заключение

Итак, среди четырех значительных групп народов мы вначале обнаружили в двух или трех группах потлач, затем выявили главную причину и стандартную форму самого потлача и, наконец, обнаружили за ним и во всех этих группах архаическую форму обмена, форму подносимых и получаемых в ответ даров. Более того, мы идентифицировали циркуляцию вещей в этих обществах с циркуляцией прав и личностей. Мы могли бы на этом и остановиться. Масштаб, распространенность, важность этих явлений позволяют нам полностью представить себе порядок, который типичен, вероятно, для очень значительной части человечества в течение весьма длительной переходной фазы, который сохраняется еще и у других народов, помимо тех, что мы сейчас описали. Они позволяют нам понять, что этот принцип обмена-дара, вероятно, присущ обществам, которые вышли из стадии "совокупной, тотальной поставки" (от клана к клану и от семьи к семье), но еще не пришли к чисто индивидуальному договору, к рынку, где обращаются деньги, к продаже в собственном смысле и особенно — к понятию цены,

определяемой во взвешиваемой и пробируемой монете.

Примечания

¹ Имущество жены, не вошедшее в состав приданного.

² Одно принципиальное замечание об употреблении понятия денег. Несмотря на возражения Малиновского, мы настаиваем на использовании этого термина. Малиновский применяет понятие денег к объектам, служащим не только средством обмена, но еще и эталоном для измерения стоимости. Симиан высказал мне такие же возражения по поводу использования понятия стоимости в обществах подобного рода. Оба названных ученых, конечно, правы со своей точки зрения; они понимают слова "деньги" и "стоимость" в узком смысле. В таком понимании экономическая стоимость возникала только тогда, когда были деньги, а деньги существовали только в тех случаях, когда драгоценные вещи, сами накопленные богатства и знаки богатств действительно превратились в деньги, т. е. были отчеканены, обезличены, оторваны от всякой связи с любым юридическим лицом, коллективным или индивидуальным, кроме

государственной власти, которая их печатает. Но вопрос, поставленный таким образом, сводится лишь к произвольным границам, которые могут быть поставлены употреблению слова. На мой взгляд, таким образом определяют только второй тип денег – наш.

Во всех обществах, предшествующих тем, в которых стали превращать в деньги золото, бронзу и серебро, существовали другие вещи: камни, раковины и драгоценные металлы, в особенности те, которые служили средством обмена и платежа. Во многих обществах, окружающих нас до сих пор, фактически функционирует та же самая система, и именно ее мы и описываем.

Да, эти драгоценные предметы отличаются от того, что мы привыкли воспринимать как орудие освобождения. Вначале, помимо своей экономической сущности, своей стоимости, они обладают преимущественно магической сущностью и выступают главным образом как талисманы: *life-givers* [дающие жизнь], как говорил Риверс и как говорят Перри и Джексон. Более того, они весьма широко циркулируют внутри общества и даже между обществами. Но они еще привязаны к лицам или кланам (первые римские монеты чеканили *gentes*), к

индивидуальности их прежних собственников и к прошлым договорам между юридическими лицами. Их стоимость еще субъективна и личностна. Например, монеты из нанизанных раковин в Меланезии еще измеряются пядью дарителя. Мы увидим и другие важные примеры этих институтов. Верно также, что эти стоимости неустойчивы и лишены свойств, необходимых для эталона, меры. Например, их цена растет и снижается вместе с числом и величиной передач, в которых они были использованы. Малиновский проводит очень красивое сравнение ваигу'а островов Тробриан, обретающих престиж в процессе путешествий, с жемчужинами в короне. Подобно этому стоимость медных пластин, украшенных гербами, на северо-западе Америки и циновок на Самоа растет с каждым потлачем, с каждым обменом.

Но, с другой стороны, с обеих точек зрения эти драгоценные вещи выполняют те же функции, что и деньги в наших обществах, и, следовательно, могут удостоиться включения в ту же категорию, по крайней мере. Они обладают покупательной способностью, и эта способность исчисляется. За такую-то американскую "медь" причитается плата в столько-то одеял, такому-то ваигу'а соответствует столько-то корзин ямса.

Идея числа там присутствует даже тогда, когда это число устанавливается иначе, чем авторитетом государства, и варьирует в ряде кул и потлачей. Более того, эта покупательная способность по-настоящему освобождает от обязательств. Даже если она признана только между определенными индивидами, кланами и племенами и только между союзниками, она носит не менее публичный, официальный, фиксированный характер. Брудо, друг Малиновского, как и он долго живший на островах Тробриан, платил ловцам жемчуга ваигу'а, так же как и европейскими деньгами или товарами по твердому курсу. Переход от одной системы к другой осуществлялся легко, стало быть, был возможен.

На наш взгляд, человечество долго действовало на ощупь. Вначале, на первой фазе, оно обнаружило, что некоторые вещи, почти все магические и драгоценные, не разрушались в результате использования, и наделило их покупательной способностью. (В то время мы обнаружили древность происхождения денег.) Далее, на второй фазе, после того как удалось заставить циркулировать эти вещи в племени и за его пределами, человечество обнаружило, что эти инструменты покупки могут служить средством

исчисления и циркуляции богатств. Это стадия, которую мы сейчас описываем. И только начиная с этой стадии, в семитских обществах в достаточно древнюю эпоху, а в других местах, вероятно, в не очень отдаленные времена, изобрели третью фазу – средство оторвать эти драгоценные вещи от групп и людей, сделать их постоянным инструментом измерения стоимости, прямо-таки всеобщей, хотя и не рациональной мерой – в ожидании лучшей. Стало быть, на наш взгляд, существовала форма денег, которая предшествовала нашим формам, не считая тех, которые относятся к предметам обихода (например, медные и железные пластинки, слитки и т. д. в Африке и в Азии), и не считая скот в европейском древнем обществе и в современных обществах Африки.

Приносим извинения за то, что были вынуждены затронуть столь обширный вопрос. Но он слишком тесно связан с нашим предметом, поэтому необходимо было его прояснить.

³ Фиддеикомисс – в древнем Риме поручение наследователя наследнику передать какое-либо имущество (также называемое фидеикомиссом) третьему лицу, казанному наследователем.

⁴ Дары, которыми добиваются ответных даров.

⁵ О потлаче Боас лучше всего написал следующее (12th Report on the North-Western Tribes of Canada.— В. А. Adv. Sc., 1898, с. 54–55 (ср. Fifth Report, с. 38): "Экономическая система индейцев Британской Колумбии, как и у цивилизованных народов, широко базируется на кредите. Во всех своих предприятиях индеец полагается на помощь друзей. Он обещает заплатить им за эту помощь впоследствии. Если оказанная помощь заключается в ценных вещах, измеряемых индейцами в одеялах, как мы измеряем их в деньгах, он обещает вернуть стоимость займа с процентами. Индеец не располагает системой письменности, и поэтому, чтобы обеспечить гарантии соглашению, оно совершается публично. Получение в долг, с одной стороны, оплата долга — с другой, — это потлач. Эта экономическая система развита до такой степени, что капитал, которым владеют все индивиды, объединенные в племя, намного превышает количество наличных ценностей, находящихся в распоряжении. Иначе говоря, условия совершенно аналогичны тем, которые господствуют в нашем собственном обществе: если бы мы пожелали, чтобы нам оплатили все

наши займы, то обнаружилось бы, что в действительности денег для их оплаты никоим образом недостаточно. Результатом попытки всех заимодавцев погасить свои займы является разрушительная паника, от которой общество долго не может оправиться.

Необходимо понять, что индеец, приглашающий всех своих друзей и соседей на большой потлач, где на первый взгляд растрачиваются результаты труда многих лет, преследует две цели, которые мы не можем не признать разумными и достойными похвалы. Первая цель – оплатить свои долги. Это совершается публично, с большими церемониями и в манере нотариального акта. Другая цель состоит в таком размещении плодов своего труда, чтобы извлечь наибольшую выгоду как для себя, так и для своих детей. Те, кто получает подарки на этом празднике, получают их как займы, которые они используют в своих теперешних предприятиях, но по прошествии нескольких лет они должны вернуть их с выгодой для дарителя или его наследника. Стало быть, потлач в конечном счете рассматривается индейцами как способ обеспечить благосостояние своих детей в случае, если они оставят их сиротами в юном возрасте..." Исправив термины "долг", "оплата", "погашение",

"заем", заменив их терминами "сделанные подарки" и "ответные подарки", которые, впрочем, Боас в конце использует, мы получаем достаточно точное представление о функционировании в потлаче понятия "кредит".

О понятии чести см.: Boas. Seventh Report on the N. W. Tribes, с. 57.

⁶ Формальный договор между кредитором и должником, согласно которому должник гарантировал возврат долга, ручаясь своей собственной свободой.

ТЕХНИКИ ТЕЛА *(Les techniques du corps)*

Глава I **Понятие техники тела**

Я говорю именно о техниках тела, потому что теорию техники можно создать, опираясь на исследование, изложение фактов, простое и ясное описание техник тела. Под последними я понимаю традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом. Во всяком случае, надо идти от конкретного к абстрактному, а не наоборот.

Я хочу познакомить вас с частью предмета, который не преподают в других местах и который я регулярно читаю в курсе "Дескриптивной этнологии" (книги, содержащие "Краткие инструкции" и "Инструкции для этнографов", должны быть опубликованы). Этот курс я много раз читал в Институте этнологии Парижского университета.

Когда естественная наука прогрессирует, то прогресс этот всегда осуществляется только на

пути к конкретному и неизведанному. Но неизведанное находится я на границах наук, там, где, как сказал Гёте, профессора "поедают друг друга" (я говорю "поедают", но Гёте не столь вежлив). Как правило, именно в этих слабо отграниченных друг от друга областях коренятся животрепещущие проблемы. Эти целинные земли, впрочем, имеют отличительный знак. В естественных науках, в том виде, в каком они сегодня существуют, мы всегда находим один скверный раздел. Обычно существует такая область, где наука о неких фактах не сведена в понятия, когда факты эти даже не сгруппированы органичным образом. В подобных случаях перед этим множеством фактов мы прибавляем табличку неведения, обозначая их как "разное". Туда-то и необходимо проникнуть. Можно с уверенностью сказать, что именно там содержатся истины, которые необходимо обнаружить прежде всего потому, что мы знаем о своем незнании, а также потому, что мы ясно ощущаем наличие множества фактов. Читая в течение многих лет свой курс "Дескриптивной этнологии", я вынужден был на себе испытать проклятие и позор рубрики "разное" в одном вопросе, где эта рубрика в этнографии выглядела действительно странной. Мне было хорошо известно, что,

например, походка, стиль плавания, другие явления подобного рода носят специфический характер в определенных обществах, что полинезийцы плавают не так, как мы, а мое поколение плавало не так, как нынешнее. Но что это были за социальные явления? Они относились к "разному", а поскольку данная рубрика внушает отвращение, я часто думал об этом "разном", по крайней мере, каждый раз, когда должен был говорить о ней, а нередко и просто так.

Прошу извинить меня за то, что, описывая понятие техник тела, я расскажу вам о том, в связи с какими конкретными обстоятельствами и я стремился и как смог четко поставить общую проблему. Это был ряд осознанных и неосознанных попыток.

Сначала в 1889 г. я познакомился с одним человеком, инициалы которого я помню, но фамилию забыл, поленился ее поискать. Он написал блестящую статью "Плавание" для готовившегося тогда издания "Британской энциклопедии 1902 года (статьи "Плавание" в двух последующих изданиях хуже). Он показал мне, что этот вопрос интересен с исторической и этнографической точек зрения. Это был отправной пункт, толчок к последующим наблюдениям. Впоследствии я наблюдал

изменения в техниках плавания у моего поколения (я замечал это и за самим собой). Нам, психологам, так же как и биологам и социологам, один пример сразу прояснит, о чем идет речь. Когда-то нас учили нырять после плавания. При этом нас учили закрывать глаза, потом открывать их в воде. Сегодня техника противоположная: начинают с того, что приучают ребенка находиться в воде с открытыми глазами. Таким образом, еще до того, как дети начинают плавать, их приучают прежде всего обуздывать опасные, но инстинктивные рефлексy глаза, их приучают к воде, подавляют страхи, создают некоторую уверенность, регулируют остановки и движение. Стало быть, существует техника ныряния и техника обучения нырянию, найденные в мое время. И вы видите, что речь идет именно о техническом предмете и что, как и во всякой технике, происходит обучение плаванию. В то же время наше нынешнее поколение стало свидетелем полной смены техник и мы увидели, что плавание брассом, при котором голова находилась над водой, сменилось различными видами кроля. Кроме того, отказались от привычки глотать и выплевывать воду, тогда как во времена моего детства пловцы считали себя чем-то вроде пароходов. Это было глупо, но я так

делаю до сих пор: не могу избавиться от своей техники. Вот какова одна специфическая техника тела, одно из усовершенствованных телесных искусств нашего времени.

Но такая же особенность присуща всем техникам. Во время войны у меня была возможность часто наблюдать эту особенность техник. Так было, например, с техникой копания. Английские войска, в которых я находился, не могли пользоваться французскими лопатами, что вынуждало менять по 8000 лопат на дивизию, когда мы сменяли французскую дивизию, и наоборот. Очевидно, что даже простой поворот руки усваивается медленно. Всякая техника в собственном смысле облекается в свою особую форму.

Но так же обстоит дело с любым способом действия тела. Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками. В то же военное время у меня было много возможностей замечать отличия одной армии от другой. Приведу одну забавную историю, связанную с ходьбой. Все вы знаете, что британская пехота марширует шагом, отличным от нашего: другая частота, другая длина шага (я даже не говорю сейчас об английском раскачивании, о движениях колен и т. д.). И вот

Вустерский полк, проявивший большую храбрость в битве на Эне в с французской пехотой, испросил королевское разрешение, чтобы им играли на трубах и били в барабаны на французский манер французские трубачи и барабанщики. Результат был обескураживающим. В течение почти полугода, когда после Энской битвы прошло уже значительное время, на улицах Байеля я часто видел следующую картину: полк по-прежнему маршировал на английский манер, а ритм был французский. Во главе полковой музыкальной команды шел даже маленький аджудан французских пеших егерей, умевший играть на трубе и исполнявший марши лучше, чем его люди. Целый полк бедных рослых англичан не мог маршировать. Все было нескладно и неладно. Они пытались шагать в ногу, но музыка не совпадала с шагом. В конце концов Вустерский полк был вынужден отменить свои французские сигналы. Фактически когда-то, во времена Крымской войны, в различных армиях были приняты сигналы "на отдых", отступление и т. д. Такие же различия между англичанами и французами я часто наблюдал не только в ходьбе, но и в беге, т. е. не только в бытовых, но и в спортивных техниках. Профессор Курт Закс, живущий сейчас в нашей стране, наблюдал то же

самое и говорил об этом во многих лекциях. Он на большом расстоянии различает походку англичанина и француза.

Но это были лишь подступы к предмету.

Нечто вроде озарения пришло ко мне однажды, когда, находясь в Нью-Йорке, я заболел и оказался в тамошней больнице. Я спрашивал себя, где я уже видел девушек с такой походкой, как у моих сестер. У меня было время подумать над этим, и я наконец вспомнил, что это было в кино. Вернувшись во Францию, я стал замечать, особенно в Париже, распространенность этой походки. Девушки были француженками, а ходили таким же манером. Фактически американские способы ходьбы благодаря кино стали проникать к нам. Этой мысли я придал затем более широкое значение. Положение рук, кистей во время ходьбы образуют своего рода социальную идиосинкразию, а не просто продукт сугубо индивидуальных психических устройств и механизмов. Например, я уверен, что смогу опознать по походке девушку, воспитывавшуюся в монастыре. Как правило, она ходит со сжатыми кулаками. И я до сих пор помню окрик моего учителя в третьем классе: "Скотина, ты все время ходишь с растопыренными ручищами!" Стало быть, существует также и воспитание походки.

Другой пример: различают приличные или неприличные положения рук во время отдыха. Так, вы можете с уверенностью сказать, что если ребенок сидит за столом с прижатыми к туловищу локтями, а когда не ест, держит руки на коленях, то это англичанин. Юный француз не умеет оставаться в определенном положении: локти у него веером, он наваливается ими на стол, и так все время.

Наконец, я видел также, да и вы все видели, изменение в технике бега. Представьте себе, что мой преподаватель гимнастики, одним из лучших окончивший Жуанвиль в конце 1850-х годов, учил меня бегать с прижатыми к туловищу кулаками, что полностью препятствовало всем беговым движениям. Мне потребовалось увидеть профессиональных бегунов в 1890 г., чтобы понять, что надо бегать иначе.

Таким образом, в течение многих лет у меня было та кое представление о социальной природе *habitus*. Обращаю ваше внимание на то, что я говорю *habitus* на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем "привычка" (*habitude*), (*exis*), "навык" (*assauis*) и "способность" (*faculte*) в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те

метафизические привычки и таинственную память о которых говорится в солидных томах или в небольших и знаменитых диссертациях. Эти "привычки" варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности повторению.

Тай образом, все понемногу приводило меня к точке зрения, разделяемой некоторыми членами нашего Общества по примеру Конта, к точке зрения Дюма, например, который в устойчивых связях между биологическим и социологическим оставляет не очень большое место психологическому посредничеству. И я пришел к выводу, что невозможно иметь ясное представление обо всех этих фактах: беге, плавании и т. д., если не базироваться на тройственном подходе вместо одностороннего, будь он механико-физическим, вроде анатомио-физиологической теории ходьбы, или же, напротив, психологическим или социологическим. Необходима тройственная точка зрения, точка зрения "тотального

человека".

Наконец, привлекала внимание еще одна группа фактов. Во всех этих элементах искусства использования человеческого тела доминировали факты воспитания. Понятия воспитания могло быть добавлено к понятию подражания. Ибо у одних детей хорошие способности к подражанию, у других – слабые, но если все воспитываются одинаково, то мы можем понять взаимосвязь между фактами. Происходит престижное подражание. Ребенок, взрослый подражают актам, которые оказались успешными, и которые он видел удавшимися у людей, внушающих ему доверие и обладающих авторитетом в его глазах. Акт принимается извне, сверху, даже если это акт исключительно биологический, относящийся к телу. Индивид заимствует ряд движений из акта, совершаемого перед ним или вместе с ним другими.

Именно в этом понятии престижа личности, совершающей акт упорядоченный, дозволенный, одобренный, престижа по отношению к индивиду подражающему, содержится весь социальный элемент. В последующем подражательном акте содержатся весь психологический, и биологический элементы.

Но целое, ансамбль, обусловлены всеми тремя

элементами, неразрывно между собой связанными.

Все это легко согласуется с некоторыми другими элементами. В книге Элсдона Беста, дошедшей до нас в 1925 г., имеется примечательное свидетельство относительно способа ходьбы у женщин маори (Новая Зеландия). (Не надо называть их примитивами, я считаю, что в некоторых отношениях они выше кельтов и германцев.) "Туземные женщины усваивают определенную gait [поступь] (английское слово превосходно): четкое и одновременно соразмерное покачивание бедрами, которое нам кажется некрасивым, но вызывает необычайное восхищение у маори. Матери натаскивали (автор пишет drill) своих дочерей этому способу, который называется "аниои". Я слышал, как матери говорят дочерям (я перевожу): "Ты не Делаешь аниои", когда девочка не производила этого покачивания" (The Maori, 1, с. 408-409; ср. с. 135). Это был приобретенный, а не естественный способ ходьбы. Вообще у взрослого, вероятно, не существует естественного способа ходьбы. Тем более это касается тех ситуаций, когда вторгаются другие технические факты: то, что мы носим туфли, изменяет положение наших ног, и когда мы ходим без

обуви, мы хорошо это ощущаем.

С другой стороны, тот же фундаментальный вопрос вставал передо мной в связи с разнообразными представлениями о магической силе, о вере не только в физическую, но и в словесную, магическую, ритуальную действенность определенных актов. Здесь я, возможно, в большей мере нахожусь на своей почве, чем на авантюрной почве психофизиологии способов ходьбы на которую я только что рискнул ступить.

Приведу факт более примитивный, на сей раз австралийский: формула охотничьего и вместе с тем бегового обряда. Известно, что австралийцу удастся затравливать на бегу кенгуру, эму, диких собак. Он может схватить опоссума на верхушке дерева, несмотря на сильное сопротивление животного. Один из этих беговых обрядов, наблюдавшийся еще сто лет назад, обряд бега за дикой собакой динго у племен, живущих в окрестностях Аделаиды. Охотник непрерывно напевает следующую формулу:

порази ее пучком орлиных перьев (от инициаций и т.д.);

порази ее поясом;

порази ее головной повязкой;

порази ее кровью от обрезаний;

*порази ее кровью из руки;
порази ее менструальной кровью женщины;
усыпи ее; и т.д¹.*

В другой церемонии, церемонии охоты на опоссума, индивид держит во рту кусочек горного хрусталя (кавемукка), одного из магических камней, и напевает подобную формулу; именно с такой поддержкой он может выгнать опоссума из его жилища, вскарабкаться на дерево, повиснуть на поясе, схватить и убить этого трудноуловимого зверя.

Связь между магическими действиями и техниками охоты слишком очевидна и распространена, чтобы надо было специально доказывать ее существование.

Психологическое явление, которое мы констатируем в данный момент с обычной социологической точки зрения, очевидно, весьма легко узнать и понять. Но мы хотим уловить сейчас именно эту веру, психологический стимул, приписываемый акту, который является прежде всего фактом биологической выносливости, достигаемой благодаря словам и магическому объекту.

Технический, физический, религиозно-магический акты для агента слиты. Таковы элементы, которыми я располагал.

* * *

Все это меня не удовлетворяло. Я видел, как можно все описать, но не видел, как это организовать; я не знал, какое название, заглавие дать всему этому.

Все было очень просто, надо было лишь опереться на деление традиционных актов на техники и обряды, которое я считаю вполне обоснованным. Все эти способы действия бы ли техниками, а именно техниками тела.

Мы, и я в том числе, заблуждались многие годы, думая, что техника существует только тогда, когда есть инструмент. Надо было вернуться к понятиям древних, к платоновским мыслям о технике, где Платон говорил о технике музыки и особенно танца; надо было расширить это понятие.

Я называю техникой традиционный действенный акт (и вы видите, что в этом отношении он не отличается от акта магического, религиозного, символического). Необходимо, чтобы он был *традиционным* и *действенным*. Не существует ни техники, ни ее передачи, если нет традиции. Вот чем человек прежде всего отличается от животного: передачей своих техник

и особенно их передачей посредством слов.

Итак, позвольте мне считать, что вы принимаете мои определения. Но какова разница между религиозным, символическим, юридическим, коллективным, моральным, традиционным, актом, с одной стороны, и традиционным техническим актом с другой стороны? Дело в том, что последний воспринимается автором как акт *механического, физического* или *физико-химического* порядка и осуществляется с той же целью.

В таких обстоятельствах можно просто утверждать: мы имеем дело с техниками тела. Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выражаться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека – это его тело. И сразу же вся эта большая категория, которую в дескриптивной социологии я классифицировал как "разное", выпадает из этой рубрики и приобретает плоть и кровь: мы знаем, куда ее определить.

До инструментальных техник существует совокупность техник тела. Я не преувеличиваю значение данного рода работы работы по психосоциологической таксономии. Но это уже

нечто: порядок, внесенный в идеи, туда, где не было ни какого порядка. Даже внутри этой группировки фактов найденный принцип обеспечивал возможность точной классификации. Это постоянная адаптация к некоторой физической, механической, химической цели (например, когда мы пьем) развертывается в ряде смонтированных между собой актов, причем смонтированных у индивида а не просто им самим, а всем его воспитанием, всем обществом, часть которого он составляет, в месте, которое он занимает.

Более того, все эти техники очень легко расположились в систему, которая для нас является общей и охватывается фундаментальным понятием психологов, особенно Риверса и Хеда: понятием символической жизни духа, представлением о деятельности сознания как системы символических конструкций прежде всего.

Если бы я взялся перечислять вам все возможные факты, демонстрирующие совместное действие тела и моральных или интеллектуальных символов, им бы не было конца. Бросим сейчас взгляд на самих себя: все в нас управляется извне. Я си перед вами в качестве докладчика; вы понимаете это по моей позе и по

голосу, а вы слушаете меня, сидя молча. У нас есть положения дозволенные или недозволенные, естественные или неестественные. Так мы приписываем различную ценность пристальному взгляду: это символ вежливости в армии и невежливости в гражданской жизни.

Глава II

Принципы классификации техник тела

Две особенности сразу же обнаружались в связи с понятием техник тела: они разделяются и варьируют в соответствии с полом и возрастом.

1. Разделение техник тела между полами (а не просто разделение труда между полами). Явление это достаточно значительное. Наблюдения Йеркса и Кёлера, касающиеся положения объектов относительно тела, и особенно лона, у обезьян, могут стимулировать общие соображения по поводу различий в положениях движущихся тел по отношению к движущимся объектам у обоих полов. Впрочем, на этот счет существуют классические наблюдения человека. Их на до было бы дополнить Я позволю себе указать моим друзьям психологам на этот ряд исследований; сам я недостаточно компетентен для их освещения, да и времени на это у меня нет. Возьмем способ сжатия кулака. Мужчина обычно сжимает кулак, оставляя большой палец снаружи, женщина же помещает большой палец внутрь кулака, может быть, потому, что ее так научили, но я уверен, что, если бы пытались научить иначе, это было

бы трудно. Удар кулаком, бросок у женщины смягчены. И всем известно, что бросок камешка женщиной не только слабый, но и отличается от броска мужчины тем, что находится в вертикальной плоскости вместо горизонтальной.

Возможно, здесь имеют место два вида обучения, ибо есть общество мужчин и общество женщин. Тем не менее, я думаю, что здесь также можно обнаружить явления биологические и психологические. Но, отмечу еще раз, в этом случае психолог сам по себе сможет дать лишь проблематичные объяснения; ему необходимо сотрудничество обеих соседних наук: физиологии и социологии.

2. Изменчивость техник тела в зависимости от возраста. Ребенок часто садится на корточки. Мы уже не умеем больше этого делать. Я считаю, что это абсурд и недостаток наших рас, цивилизаций, обществ. Один пример. Я общался на фронте с австралийцами (белыми), и у них было предо мной значительное преимущество. Когда мы устраивали привал в грязи или в мокрых местах, они могли присаживаться на пятки и отдыхать, а "куча воды", как это называли, оставалась под пятками. Я же был вынужден продолжать стоять в своих сапогах, погрузив всю ногу в воду. Положение на

корточках это, по моему мнению, интересное положение, которое можно было бы у ребенка сохранять. Отучать его от этого грубая ошибка. Все человечество, кроме наших обществ, сохранило эту привычку.

Впрочем, вероятно, с увеличением возраста человеческого рода эта поза также изменила свое значение. Вы помните, что когда-то аркатуру нижних конечностей считали признаком вырождения. Этому расовому признаку давали физиологическое объяснение. Тот, кого еще Вирхов считал несчастным дегенератом и который на самом деле всего лишь неандерталец, был кривоногим. Дело в том, что обычно он жил, сидя на корточках. Существуют, стало быть, явления, которые мы связываем с наследственностью и которые на самом деле относятся к физиологической, психологической и социальной сферам. Определенная форма сухожилий и даже костей есть лишь следствие определенной формы их ношения и расположения. Это достаточно ясно. Посредством такого подхода можно классифицировать не только техники, но и их вариации в соответствии с возрастом и полом.

После того как эта классификация, с которой соотносятся все классовые деления общества,

установлена, можно предположительно ввести и третью.

3. *Классификация техник тела по эффективности.* Техники тела могут классифицироваться по их производительности, по результатам дрессировки. Последняя, подобно сборке машины, есть поиск и достижение эффективности. В данном случае это производительность человека. В конечно м счете эти техники представляют собой человеческие нормы дрессировки человека. Методы, применяемые к животным, люди добро вольно применяют к себе и своим детям. Дети, вероятно, были первыми существами, дрессировавшимися таким образом еще до всех животных, которых надо было сначала приручить. Стало быть, я могу в определенной мере сравнивать эти методы и их передачу с методами дрессировки и располагать в порядке их эффективности.

Здесь уместно использование очень важного как для психологии, так и для социологии понятия сноровки. Но во французском языке мы располагаем лишь плохим термином "habile" ("умелый"), мало соответствующим латинскому слову *habilis*, гораздо лучше подходящему для обозначения людей, которые обладают навыками, чувством адаптации своих хорошо

скоординированных движений по отношению к целям, "знающие толк" в том или ином деле. Это английское понятие *craft, clever* ("споровка", наличие ума и навыка), это мастерство в чем-то. Здесь мы вновь с очевидностью оказываемся в области техники.

4. *Передача формы техник.* Последний подход: поскольку обучение техникам имеет существенное значение, мы можем классифицировать их на основании особенностей воспитания и дрессировки. Тут пред нами открывается новое поле для исследований: физическое воспитание всех возрастов и обоих полов состоит из бесчисленного множества неизученных деталей, которые надо подвергнуть наблюдению. Воспитание ребенка изобилует тем, что называют мелочами, но они очень важны. Возьмем, например, проблему амбидекстрии. Мы мало наблюдаем движения правой и левой рук и плохо представляем себе, насколько все они усваиваются через научение. Можно с первого взгляда уз набожного мусульманина: даже тогда, когда в его распоряжении вилка и нож (что бывает редко), он сделает все, чтобы пользоваться только правой рукой. Он никогда не должен дотрагиваться до пищи левой рукой, а до некоторых частей тела правой. Чтобы выяснить,

почему он не делает такой-то жест и делает другой, недостаточно ни физиологии, ни психологии двигательной асимметрии у человека; надо знать традиции, принуждающие к этому. Робер Герц² точно сформулировал эту проблему. Но соображения подобного рода приложимы ко всему, что связано с социальным выбором принципов движений.

Существует простор для изучения всех видов дрессировки, подражания и особенно тех фундаментальных методов, которые можно назвать "образ жизни", а также *modus*, *tonus*, "материя", "образ действий", "повадка".

Такова первая классификация или, точнее, первые четыре подхода к предмету.

Глава III

Перечень техник тела, связанных с возрастом

Другая классификация если не более логична, то, по крайней мере, более доступна для наблюдений. Это простой перечень. Я подготовил для слушателей ряд небольших списков, как это обычно делают американские преподаватели. Мы будем просто следовать за возрастом за обычным ходом жизни индивида, с тем чтобы расположить в определенном порядке те техники тела, которые его касаются или которым его обучают.

1. Техники родов и акушерства. Данные факты относительно мало изучены, а многие сведения, ставшие классическими, спорны³. К достоверным среди них относятся работы У. Рота об австралийских племенах Квинсленда, а также работы о Британской Гвиане.

Формы акушерства весьма разнообразны. Когда рождался ребенок Будда, его мать Майя держалась прямо, уцепившись за ветку дерева; она рожала стоя. Многие женщины Индии рожают так до сих пор. То, что мы считаем нормальным, т. е. роды в положении лежа на спине, не более нормально, чем другие например положение на четвереньках. Одни техники родов

относятся к самой матери, другие к ее помощницам, они связаны с извлечением ребенка, перевязыванием и обрезанием пуповины, уходом за матерью и ребенком. Таковы некоторые весьма важные вопросы. Существуют другие: отбор ребенка, выбрасывание больных, предание смерти близнецов относятся к решающим моментам в истории расы. В древней истории, как и в последующих цивилизациях, признание ребенка представляет собой важнейшее событие.

2. Техники периода детства. Выращивание и вскармливание ребенка. Отношения двух взаимосвязанных существ: матери и ребенка. Ребенок: сосание, ношение и т.д. История ношения детей очень важна. Ребенок, которого мать носит непосредственно на себе в течение двух или трех лет, совершенно иначе относится к своей матери, чем ребенок, которого не носят⁴; у него совершенно иной контакт со своей матерью, чем у нашего ребенка. Он цепляется за шею, за плечи, садится верхом на бедро. Это замечательная гимнастика, оказывающая на него влияние всю жизнь. И это также особая, помимо ношения, гимнастика для матери. Возможно даже, что здесь рождаются психические состояния, исчезнувшие в нашем детстве.

Происходит соприкосновение половых органов, кожи и т. д.

Отнятие от груди. Очень долгий процесс, обычно длящийся два-три года. Обязанность кормить грудью, иногда даже животных. Женщина очень долго не прекращает кормления грудью. Кроме того, существует связь между отнятием от груди и воспроизводством потомства. Перерывы в воспроизводстве после отнятия от груди⁵.

Человечество вполне можно разделить на колыбельные и бесколыбельные народы. Ибо существуют техники тела, предполагающие использование инструмента. К колыбельным относятся все народы Северного полушария, народы, обитающие в Андах, а также часть населения Центральной Африки. В последних двух группах использование колыбели совпадает с деформацией черепа (что, возможно, имеет серьезные физиологические последствия).

Ребенок после отнятия от груди. Он умеет есть и пить; он обучен ходьбе; теперь развивают его зрение, слух, чувство ритма, формы и движения, зачастую для танца и музыки.

Он усваивает представления и навыки, связанные с разминкой, дыханием. Он усваивает определенные положения я тела, часто

навязанные ему извне.

3. *Техники юности.* Их можно наблюдать главным образом у мужчин. Менее важны они для девушек в обществах, изучению которых посвящен курс этнологии. Подлинно выдающееся событие в тела это инициация. По тому, как воспитываются наши сыновья и дочери, мы представляем себе, что везде они усваивают те же самые манеры и позы, подвергаются такой же тренировке. Это представление ошибочно даже в отношении нас самих и уж совершенно ложно, когда речь идет о так называемых примитивных обществах. Более того, мы описываем факты так, как будто везде и всегда существовало нечто вроде нашей школы, которая с самого начала должна оберегать ребенка и готовить его к жизни. Как правило, происходит как раз противоположное. Например, во всех негритянских обществах с наступлением половой зрелости воспитание мальчиков интенсифицируется, тогда как воспитание девочек остается, так сказать, традиционным. Не существует школы для женщин. Они находятся в школе своих матерей, с тем чтобы, за редкими исключениями, прямо перейти в супружеское состояние. Ребенок мужского пола вступает в общество мужчин, где он изучает свою

профессию, особенно военную. Тем не менее для мужчин, как и для женщин, решающий возраст юношеский. Именно в это время они окончательно усваивают техники тела, которые сохраняют в течение всей взрослой жизни.

4. *Техники взрослого возраста.* Чтобы составить их перечень, можно исходить из различных моментов дня, по которым распределяются упорядоченные движения и остановки.

Мы можем выделить сон и бодрствование, а в бодрствовании ? отдых и активность.

1) *Техники сна.* Представление о том, что сон – это нечто естественное, совершенно неточно. Могу сказать вам, что война научила меня спать везде на куче камней, напри мер, но смена места ночлега всегда вызывала у меня бессонницу на какое-то время; только на второй день я могу быстр о уснуть на новом месте.

Очень простое различие между обществами состоит в том, что в одних для сна нет ничего, кроме "матушки-земли" а другие пользуются специальным инструментом. Цивилизация, проходящая через 15° широты", о которой говорит Гребнер⁶, отличается, помимо прочего, использованием для сна скамеечки под затылок. Подлокотник [подголовник?] часто представляет

собой тотем, иногда украшенный резными фигурками мужчин на корточках, тотемическими животными. Есть народы, употребляющие циновки и не употребляющие их (Азия, Океания, часть Америки). Встречаются народы, использующие изголовья и не употребляющие их. Существуют племена, в которых для сна располагаются, тесно прижавшись друг к другу вокруг костра или даже без него. Существуют первобытные способы согреться и греть ноги. Фиджийцы, живущие в холодном климате, могут согреть ноги во время сна, укрываясь только одеялом из кожи гуавако. Существует, наконец, сон в стоячем положении. Спать стоя могут масаи. Я сам спал стоя в горах, часто спал верхом на коне, иногда даже на ходу: конь был умней меня. Древние историки, повествующие о нашествиях, изображают гуннов и монголов спящими на конях. Такое происходит у них и до сих пор: всадники спят, не останавливая лошадей.

Существуют обычаи использования одеяла, люди, спящие укрытыми или неукрытыми. Существуют гамаки способ сна в висячем положении.

Таково множество практик, выступающих как техники тела и имеющих глубокие биологические отзвуки и последствия. Все это может и должно

подвергнуться непосредственному наблюдению; сотни таких явлений еще предстоит познать.

2) *Бодрствование: техники отдыха.* Отдых может быть полным или просто паузой: лежащей, сидячей, на корточках и т. д. Попробуйте сесть на корточки. Вы увидите, какие Мучения доставит вам, например, марокканская трапеза, происходящая в со всеми обрядами. Способ сидения имеет фундаментальное значение. Человечество можно разделить на сидящее на корточках и сидящее на каком-нибудь приспособлении. Среди тех, кто пользуется сиденьями, можно различать со скамьями и без скамей и подставок; со стульями и без стульев. Деревянный стул, поддерживаемый фигурами на четвереньках, распространен, что весьма примечательно, во всех регионах пятнадцатого градуса северной широты и экватора на обоих континентах⁷. Есть народы, пользующиеся столом, и есть не пользующиеся им. Стол, греческая "трапеза", далеко не универсальное явление. Как правило, до сих пор по всему Востоку распространены ковер, циновка. Все это достаточно сложно, так как отдых включает еду, беседу и т. д. В некоторых обществах отдых осуществляете я в своеобразных положениях. Так, вся Африка в районе Нила и часть района Чада до

Танганьики населена людьми, отдыхающими во время похода, стоя наподобие аистов. Некоторым удается стоять на одной ноге без подпорки, другие опираются на палку. Этими техниками отдых а формируются подлинные черты цивилизаций, объединяющие многие народы, целы их семьи. Ничто не кажется психологам более естественным. Не знаю, согласятся ли они со мной, но я думаю, эти позы в саванне связаны с высотой травы, с функциями пастуха, часового и т. д.: они с трудом усваиваются посредством обучения и затем сохраняются.

У нас бывает активный, как правило, эстетический отдых; так, во время отдыха часто устраиваются танцы и т. д. Мы к этому еще вернемся.

3) *Техники движения.* Отдых, по определению, это отсутствие движения, движение отсутствие отдыха. Приведу простой и четкий перечень.

Движения всего тела: ползание, топтание, ходьба. *Ходьба*: положение тела во время ходьбы; дыхание, ритм шага; размахивание кулаками, локтями; раскачивание туловища по ходу движения или в стороны поочередно (мы привыкли передвигаться все телом одновременно); положение ног вовне или внутрь;

широта шага. Мы смеемся над "гусиным шагом", а в германской армии он служит средством достижения максимальной широты шага. Особо следует отметить, что жители Севера, будучи длинноногими, любят делать как можно более широкий шаг. Из-за подобных упражнений у многих из нас во Франции колени несколько искривлены. Такова одна из тех идиосинкразий, которые одновременно связаны с расой, индивидуальной и коллективной психикой. Техники вроде полуоборота относятся к наиболее любопытным. Полуоборот на английский манер "принципиально" столь отличен от нашего, что овладеть им – целая наука.

Бег. Положе ног, рук, дыхание, магия бега, выносливость. В Вашингтоне я видел вождя Братства Огня индейцев хопи, явившегося вместе с четырьмя своими братьями заявить протест против запрета на употребление алкоголя при совершении их церемоний. Это был, несомненно, лучший бегун в мире. Он проделал путь в 250 миль без остановки. Эти племена привычны к большим физическим нагрузкам всякого рода. Юбер, их, сравнивал их в физическом отношении с японскими атлетами. Тот же индеец был несравненным танцором.

Наконец мы встречаем с техниками активного

отдыха, не просто эстетику, но также и игры тела.

Танец. Вы, возможно, присутствовали на лекциях фон Хорнбостеля и Курта Закса: рекомендую прочитать написанную последним прекрасную историю танца⁸. Я согласен с их делением на танцы отдыха и танцы действия. В меньшей степени я, вероятно, согласился бы с их гипотезой относительно характера распространения: этих танцев. Они стали жертвой одного фундаментального заблуждения, свойственного некоторым социологам. Существуют якобы общества с исключительно мужской линией наследования и общества с женской линией. Одни феминизированные, танцуют преимущественно на месте; другие, с мужской линией, испытывают удовольствие от перемещения.

Лучше проведенная Куртом Заксом классификация танцев на экстравертные и интровертные. Мы имеем здесь дело с подлинным психоанализом, вероятно, в данном случае достаточно обоснованным. На самом деле, с точки зрения социолога, действительность выглядит более сложной. Так, полинезийцы, и в частности маори, очень сильно трясутся причем на месте, или же очень быстро перемещаются, когда пространство это позволяет.

Уместно различать танцы мужчин и женщин, часто противоположные друг другу.

Наконец, надо помнить, что танец с объятиями продукт современной европейской цивилизации. Это доказывает, что совершенно естественные для нас явления носят исторический характер. К тому же они вызывают ужас у всего мира, кроме нас.

Я перехожу к техникам тела, составляющим саму функцию профессий, элементы профессий или более сложных техник.

Прыжок. Наше поколение стало свидетелем изменения техники опорного прыжка. Все мы отталкивались от трамплина и корпусом вперед. К счастью, с этим покончено. К счастью, теперь прыгают сбоку. Прыжок в длину, ширину, глубину, с шестом и без шеста. Здесь мы сталкиваемся с предметом размышлений наших друзей Келера, Гийома и Мейерсона: сравнительной психологией человека и животных. На этом я заканчиваю, так как подобные техники варьируют бесконечно.

Подъем. Надо сказать, я очень плохо взбираюсь на деревья и сносно на горы и скалы. Сказывает различие в воспитании, стало быть, в методе.

Метод влезания на дерево с помощью ремня,

опоясывающего тело вместе с деревом, является основным у так называемых первобытных людей. У нас, однако, не используется даже этот ремень. Мы видим, как рабочие набираются на телеграфные столбы только с помощью скоб и без пояса. Надо было бы обучить их этому способу⁹.

Весьма примечательна история техники альпинизма. На протяжении моей жизни она невероятно продвинулась вперед.

Спуск. Нет зрелища более головокружительного, чем спуск кабила в туфлях без задника и каблука. Как может он их удерживать и не терять? Я не понимаю, хотя старался понять и сделать это.

Впрочем, я не понимаю также, как могут женщины ходить на высоких каблуках. Значит, тут есть что наблюдать, а не только сравнивать.

Плавание. Я уже высказывался по этом у поводу. Нырание, плавание, использование дополнительных средств: бурдюков, досок и т. д. Здесь мы видим путь к изобретению судоходства. Наряду с другими я критиковал книгу де Руже об Австралии, обнаружив в ней плагиат и серьезные неточности. Вместе со многими другими я считал выдумкой их рассказ о том, что они видели больших морских черепах на которых верхом

плыли аборигены из племени ниоль-ниоль (Северо-Западная Австралия). Однако сейчас у нас в распоряжении имеются отличные фотографии, на которых эти люди изображены верхом на черепахах. В то же время плавание на куске дерева отмечено у ашанти Ратреем (том 1) . Более того, то же самое достоверно установлено у обитателей почти всех лагун Гвинеи, Порто-Ново, наших собственных колоний.

Силовые движения. Толкание, перетаскивание, поднятие. Все знают, что такое бросок через бедро. Это усвоенная техника, а не простая серия движений.

Бросок, бросок в воздух, на землю и т. д.; способ держания пальцами бросаемого предмета специфичен и имеет множество вариаций.

Держание. Удерживание зубами. Использование пальцев ног, подмышек и т. д.

Изучению всех этих механических движений положено хорошее начало. Это исследование формирования механических пар с телом. Вы хорошо помните выдающуюся теорию Рёло об образовании этих пар. Мы вспоминаем в этой связи также имя великого Фарабефа. С тех пор, как мы стали пользоваться кулаком, и особенно когда человек взял в руки "шелльский кулак", стали формироваться "пары"

Здесь же располагаются все движения рук, фокусы, атлетизм, акробатика и т. д. Признаюсь, что всегда испытывал и продолжаю испытывать большое восхищение перед фокусниками и гимнастами.

4) *Техника ухода за телом.* Чистка, умывание, намыливание. Это возникло почти вчера. Изобретателями мыла были не древние греки и римляне (они не пользовались мылом), а галлы. С другой стороны, независимо от них вся Центральная Америка и северо-восточная часть Южной Америки мылились с помощью панамского дерева "бразил", от куда и название государства.

Уход за ртом. Техника кашля и отхаркивания. Приведу личное наблюдение. Одна моя знакомая девочка не умела отхаркиваться и это всякий раз обостряло у нее болезни дыхательных путей. Я узнал причину этого. В деревне, где жил ее отец, в его семье в Берри, не умеют плевать. Я научил ее сплевывать, давая ей четыре су за плевков. Поскольку ей хотелось иметь велосипед, она научилась сплевывать мокроту. Причем научилась этому первой в семье.

Гигиена естественных потребностей. Здесь я мог бы перечислить вам бесчисленное множество фактов.

5) *Техника насыщения.* Еда. Вспомните анекдот о персидском шахе, приводимый Гёффдингом. Приглашенный Наполеоном III шах ест пальцами. Император настаивает, чтобы он воспользовался золотой вилкой. "Вы и представить не можете, какого удовольствия себя лишаете", отвечает ему шах.

Отсутствие или использование ножа. Большую фактическую ошибку допустил Макги, который, наблюдая сери (полуостров Мадлен, Калифорния), счел, что они относятся к первобытнейшим из людей, поскольку не понимают смысла использования ножа. У них просто не было ножа для еды, вот и все.

Питье. Очень полезно научить детей пить прямо из родника, фонтана и т. д. или из водяных брызг, пить залпом и т.д.

б) *Техника воспроизводства.* Нет ничего более технического, чем сексуальные позиции. Очень мало кто из авторов осмеливался высказываться по этому вопросу. Мы должны быть признательны Крауссу за то, что он оп свое большое собрание "Anthropophyteia" Возьмем, например, такую сексуальную позу: ноги в области колен висят на локтях у женщины. Это техника, характерная для все го Тихого океана, от Австралии до Перу и Берингова пролива, и, так

сказать, очень редкая в других местах.

Существуют всевозможные техники сексуальных актов, нормальных и аномальных. Соприкосновения половых органов, смещение дыханий, поцелуи и т. д. Сексуальные техники и мораль в данном случае тесно взаимосвязаны.

7. Существуют, наконец, техники лечения аномального: массажи и т. д. Но не будем на этом специально останавливаться.

Глава IV

Общие замечания

Общие вопросы, вероятно, вызывают больший интерес, чем перечисление техник, котором у я отвел слишком много времени.

Из приведенных данных четко обнаруживается, что мы везде сталкиваемся с социопсихофизиологическим конструированием серий актов. Эти акты более или менее привычны и стары в жизни индивида и в истории общества.

Пойдем дальше: одна из при благодаря которой конструирование этих серий актов у индивида может осуществляться легче, состоит как раз в том, что они конструируются социальным авторитетом и ради него. Будучи капралом, я объяснял необходимость маршировать сомкнутыми рядами, по четверо в ряду и в ногу следующим образом. Я запрещал шагать в ногу, выстраиваться в ряды по четверо и приказывал отделению пройти между двумя росшими во дворе. Солдаты наталкивались друг на друга. Они осознавали, что строевые навыки не так уж и глупы. Во всей полноте групповой жизни есть нечто вроде обучения движению сомкнутыми рядами.

Во всяком обществе все знают, должны уметь и усвоить, что надо делать в любых условиях. Разумеется, социальная жизнь не лишена глупости и ненормальностей. Заблуждение может стать принципом. Во французском флоте совсем не давно матросов стали обучать плаванию. Но пример и порядок – вот в чем принцип. Стало быть, есть серьезная социологическая причина существования всех отмеченных фактов. Надеюсь, будет признано, что я в данном случае прав.

В то же время, поскольку речь идет о техниках тела, все говор о существовании огромного физиологического аппарата. А какова вели психологической шестерни? Я нарочно говорю о "шестерне" Последователь Конта сказал бы, что не существует промежутка между социальным и биологическим. Я же могу вам сказать, что усматриваю здесь психологические факты в качестве зубчатой передачи, а не в качестве причины, за исключением моментов творчества или реформы. Случаи изобретения, создания принципов редки. Факты адаптации явление индивидуально-психологическое. Но обычно ими управляет воспитание или, по крайней мере, обстоятельство совместной жизни, общения.

С Другой стороны, в психологии имеется два больших первоочередных вопроса: об индивидуальной способности, технической ориентации и о типических чертах, биотипологии. Эти вопросы могут пересекаться с тем кратким изысканием, которое мы сейчас провели. В последнее время значительный прогресс психологии был достигнут, по моему мнению, не в области изучения отдельных так называемых психических способностей, но в психотехнике и в анализе психических "целостностей".

Здесь этнолог сталкивается с важными вопросами психических возможностей той или иной расы и той или иной биологии определенного народа. Это фундаментальные вопросы. Я думаю, что и здесь, что бы нам ни казалось, мы имеем дело с явлениями и биолого-социологическими. Я считаю, что основное обучение всем этим техникам состоит в том, чтобы адаптировать тело к его применению. Например, серьезные стоические испытания, из которых состоит инициация у наибольшей части человечества, имеют целью воспитывать хладнокровие, стойкость, серьезность, присутствие духа, достоинство и т. д. Главную пользу от своих давнишних занятий альпинизмом

я вижу в воспитании хладнокровия, позволившего мне спать стоя на малейшем выступе на краю бездны.

Я думаю, что любое такое представление о воспитании расы, производящей внутри себя отбор с целью достижения определенного эффекта, составляет один из основополагающих аспектов самой истории. Это представление о воспитании того, как смотреть, ходить, подниматься, спускаться, бегать. В частности, оно относится к воспитанию хладнокровия. Последнее есть прежде всего механизм замедления, запрета беспорядочных движений. Это замедление обеспечивает за тем упорядоченную реакцию посредством упорядоченных движений, направленных на избранную цель. Сопротивление всеохватывающему волнению составляет нечто фундаментальное в социальной и в интеллектуальной жизни. По нему различаются, даже классифицируются общества, называемые первобытными, в зависимости от того, каковы в них реакции: грубые, необдуманнные, бессознательные или, наоборот, точные, четкие, управляемые ясным сознанием.

Именно благодаря обществу происходит вмешательство сознания. Воздействие общества

осуществляется отнюдь не благодаря бессознательному. Именно благодаря обществу движения носят уверенный характер, сознание доминирует над эмоцией и бессознательным. Именно исходя из разумных оснований французский морской флот обязывает своих матросов учиться плавать.

Отсюда мы легко переходим к проблемам, гораздо более философский характер.

Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что наш друг Гране уже отмечал в своих выдающихся исследованиях относительно техник даосизма, техник тела, в частности дыхания. Я достаточно изучал санскритские тексты Йоги, чтобы знать, что те же факты встречаются и в Индии. Я совершенно убежден, что техники тела существуют даже в глубине всех наших мистических состояний, которые не исследовались и вместе с тем с древнейших времен тщательно изучались в Китае и Индии. Следует предпринять это социопсихобиологическое исследование мистики. Я думаю, что непременно существуют биологические средства вхождения в "коммуникацию с Богом". Хотя в конечном счете техника дыхания и т.д. относится к фундаментальным воззрениям только в Индии и

Китае, я считаю ее распространенной гораздо шире. Во всяком случае, в этом вопросе мы располагаем средствами понимания множества фактов, до сих пор не понятых. Я думаю даже, что все последние открытия в рефлексотерапии заслуживают того, чтобы мы, социологи, обратили на них внимание вслед за биологами и психологами, гораздо более компетентными в данном случае, чем мы.

Примечания

*** Текст приводится по изданию:**

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 1996.

Перевод с франц. А. Б. Гофмана.

¹ Eichelmann, Schurmann. Outlines of a Grammar. Vocabulary, etc, – Sth-Australia, Adelaide, 1840. Воспроизведено: Eyre. Journal, 2, с, 241.

² La Preeminence de la main droite. Репринт: Melanges de sociologie religieuse et de folklore. Alcan.

³ Даже последние издания книги: Ploss. Das Weib (изд. Bartels и др.) – оставляют желать лучшего в жтом отношении.

⁴ По этому вопросу стали публиковаться результаты наблюдений.

⁵ Большой набор фактов, собранных Плоссом и обновленный Бартельсом, вполне удовлетворителен в этом вопросе.

⁶ Graebner. Ethnologie. Lpz., 1923.

⁷ Это одно из верных наблюдений Гребнера (см. там же).

⁸ Sachs C. Weltgeschichte des Tanzes. В., 1833.

⁹ Недавно я видел наконец его применение (весной 1935 г.)